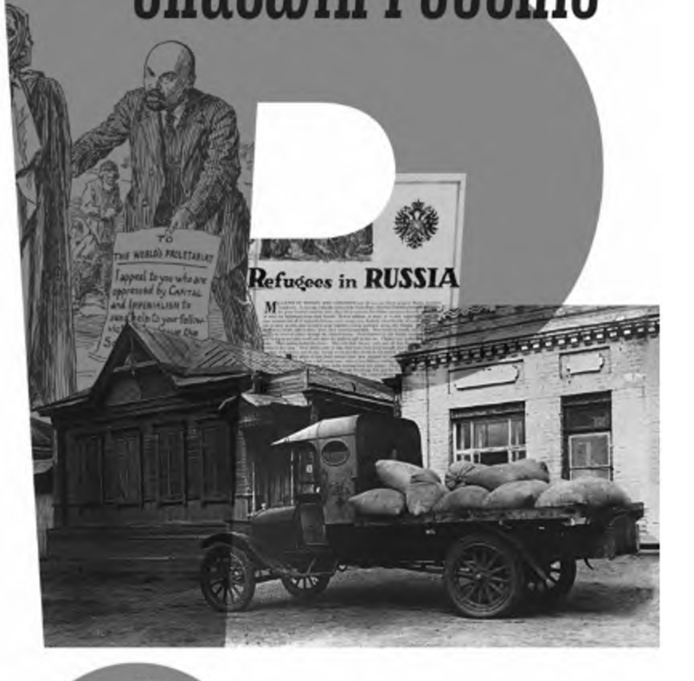
СЕРГЕЙ НИКИТИН

КАК КВАКЕРЫ СПАСАЛИ РОССИЮ

ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ

УДК 327.83(47+57)«1916/1931»
ББК 63.3(2)613-6
Н62
Редактор серии Д. Споров

Вступительная статья В. Аксенова

Партнер проекта

Сергей Никитин
Как квакеры спасали Россию / Сергей Никитин. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. — (Серия «Что такое Россия»).

Ужасающий голод 1921 года поставил советскую власть перед неизбежным решением: признать катастрофу и принять иностранную помощь. В течение короткого времени были подписаны более двадцати договоров с международными организациями, изъявившими желание помогать Советской России. Третьим в этом списке был договор Наркомпрода с квакерами. Квакеры, или Религиозное общество Друзей, — это протестантская христианская церковь, история взаимодействия которой с Россией начинается в XVII веке. С 1916 по 1931 год квакеры смогли вполне мирно и плодотворно сотрудничать со всеми властями: с чиновниками царской России, с чехословацкими легионерами и большевиками. Это сотрудничество способствовало спасению сотен тысяч людей, которые выжили

благодаря квакерским пайкам, врачам, тракторам и лошадям. В России практически ничего не известно об этой помощи, имена спасителей забыты, добрые дела преданы забвению. Сергей Никитин, многолетний представитель Amnesty International в России и исследователь истории квакеров, своею книгой стремится восстановить историческую справедливость. Книгу предваряет вступительная статья старшего научного сотрудника ИРИ РАН и члена Вольного исторического общества Владислава Аксенова, вводящая квакерские инициативы в социально-политический контекст эпохи.

На обложке: Грузовик квакеров с мешками с зерном перед зданием американской миссии в Сорочинском, фотография (Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College), «Утверждение гуманизма», карикатура (Punch. 1921. August 17. P. 131), «Беженцы в России», фрагмент листовки с рис. Б. Робинсона, 1916–1917 гг. (Библиотека Конгресса США / Library of Congress).

ISBN 978-5-4448-1399-7

В 1996 году я поехал в Дом ветеранов штата Нью-Джерси, чтобы встретиться там с Ребеккой Тимбрес-Кларк. Ребекка работала в 1922 году в американской квакерской миссии помощи в Сорочинском.
На момент нашей встречи ей было сто лет. Она была слепа и плохо слышала, но нам удалось отлично пообщаться. На прощание я обнял ее и спросил: «Вы помните что-нибудь по-русски?» «Yes, Teplushka», — ответила мне Ребекка Тимбрес Кларк.

ГОЛОД КАК ПОЛИТИКА: ГУМАНИТАРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ БОРЬБЫ С ГОЛОДОМ В 1891–1922 ГОДАХ

В последние десятилетия в научной и околонаучной литературе происходит ревизия представлений о повседневной жизни российских крестьян на рубеже XIX–XX веков. Часто можно услышать мнение о том, что прежние выводы о тяжелом положении сельских жителей сильно преувеличены, да и голода никакого ни в 1891–1892-м, ни в последующие годы не было, а был всего лишь «недород» зерновых культур. В подтверждение этой «оптимистической» концепции приводятся цифры роста урожайности, экспорта зерна. В то же время «пессимисты» также обращаются к статистике, свидетельствующей, наоборот, о кризисных процессах в сельском хозяйстве. Однако в этой войне цифр теряется человек прошлого, повседневное пространство деревенской жизни, которое зачастую не поддается измерению валовыми показателями. Сторонники концепции о благосостоянии российской деревни в конце XIX века указывают на то, что разговоры о голоде преувеличены, так как от голода умерло «не достаточно много» крестьян, с высокомерием отбрасывают свидетельства очевидцев, считая их единичными и несущественными примерами на фоне общей модернизации жизни рубежа веков. Однако важно понимать, что субъективные представления человека о своей жизни играют не меньшую роль, чем рассчитанные объективные характеристики. Да и большая история зачастую складывается как мозаика частного, на первый взгляд незначительного. Во время голода 1891–1892 годов английские квакеры принимали участие в оказании продовольственной и медицинской помощи в Поволжье, на Кавказе; вряд ли их вклад сравнится с помощью, оказанной земствами, Красным Крестом, Особым комитетом, Л. Н. Толстым, отрядами российских студентов, однако едва ли можно измерить какими-то величинами ту благодарность, которую испытывали спасенные ими реальные люди.

Есть еще одна любопытная психологическая сторона в истории британской помощи, характеризующая сочетание объективного и субъективного в истории: решения англичан о пожертвованиях голодающим в России были приняты под впечатлением недавнего «великого голода» в Британской Индии [1]. Услышав о голоде в России, квакеры нарисовали в своем воображении соответствующие картины и отправились туда, и, хотя ситуация в Российской империи в 1891–1892 годах была много лучше, чем в британской колонии, они продолжили свою гуманитарную миссию [2]. Следует заметить, что иностранные благотворительные религиозные организации в первую очередь стремились помочь своим собратьям по вере, однако квакеры, не имевшие прямых последователей в России, были в этом отношении менее избирательны. В 1892 году они в качестве объекта помощи избрали близкую по религиозным взглядам секту духовных христиан (духоборов), которых власти преследовали за пацифистские убеждения, которые изгонялись из домов и становились беженцами. Беженцам пришлось

особенно тяжело в голодные годы. В Первую мировую и Гражданскую войны квакеры уже помогали в России всем беженцам и крестьянам, вне зависимости от их религиозных взглядов. Такая позиция вызывала критику со стороны представителей Американской администрации помощи (АРА), считавших, что квакеры неэффективно расходуют средства, которые растворяются среди огромной массы нуждающихся. Впрочем, проблема расходования средств была общей. В 1891–1892 годах общественные деятели критиковали земства за то, что они передают собранные хлеб и деньги крестьянским общинам, которые распределяют их между своими членами поровну, вместо того чтобы наделить ими наиболее нуждающихся. Гуманитарный и «технологический» аспекты благотворительности не всегда сочетались друг с другом.

Современные дискуссии о благосостоянии российского крестьянства рубежа XIX–XX веков отчасти являются следствием различий двух взглядов на прошлое: с высоты мертвой статистики и сквозь призму живой, человеческой истории. Собственно, разница подходов обнаруживается уже у современников трагических событий прошлого: власть и консерваторы приводили количественные показатели продовольственной помощи, считая разговоры о голоде сильно преувеличенными, а земства и либеральная общественность, напротив, били тревогу, ссылаясь на многочисленные частные свидетельства с мест. Стремясь к объективности и выстраивая концептуальные схемы, очень важно не упустить из виду живого человека. Обращение к теме голода и продовольственной, медицинской помощи позволяет вернуть истории эмоциональное начало. Таким образом, тему голода и помощи голодающим необходимо рассматривать в контексте эмоциональных практик современников, экономических стратегий и борьбы за власть между различными институтами общества и государства.

Для прояснения ситуации необходимо вспомнить состояние российского сельского хозяйства в пореформенный период и разобраться с тем, как тема голода приобретала политическое звучание.

На рубеже XIX–XX веков Российская империя являлась аграрной страной, в которой труд на земле основного производителя во многом оставался архаичным. Отмена крепостного права изменила социально-правовой статус крестьян, однако сопровождавшее ее сокращение крестьянских земельных наделов, сохранение в руках помещиков полей, лугов, лесов, важных в сельскохозяйственном отношении, осложняли положение российской деревни. Начавшаяся модернизация, казалось, открывала перед крестьянами новые перспективы, могла решить проблему аграрного перенаселения, тем не менее определенный консерватизм, традиционализм ведения хозяйства, направленный на снижение производственных рисков, сдерживал развитие деревни.

К традиционным сдерживающим факторам относился низкий уровень сельскохозяйственной культуры. Несмотря на планомерное увеличение валового сбора зерновых во второй половине XIX века, происходило это в основном за счет введения в оборот новых посевных площадей, то есть за счет экстенсивного развития сельского хозяйства. Кроме того, значительный процент экспорта хлеба

обеспечивался помещичьим, а не крестьянским хозяйством. В общине продолжало господствовать трехполье, при котором ежегодно под паром оставалось около 33% земли от площади пашни. Это усугубляло «земельный голод» российских крестьян. Другим отягчающим обстоятельством выступало отсутствие массовой практики удобрения почв. В середине XIX века из 59 губерний и областей лишь в 22 регулярно использовалось унавоживание почвы, в большинстве губерний и областей трехполье было безнавозным. Несмотря на постепенное расширение ареала использования удобрений, даже в начале XX века безнавозное трехполье преобладало над навозным [3]. Одной из причин малого использования естественных удобрений было недостаточное развитие животноводства.

Нельзя также не отметить рутинность используемой сельхозтехники. Хотя в 1910-е годы началось внедрение машин, причем около 40% из них были немецкого и австрийского производства, в большинстве крестьянских хозяйств землю обрабатывали по старинке. В 1910 году в Европейской России железные и деревянные плуги составляли 47% от всех пахотных орудий, почти столько же и традиционная соха — 44%, причем в губерниях центральной России доля сохи была преобладающей — 61% [4]. Несмотря на малую эффективность сохи, которая, в отличие от плуга, обеспечивала меньшую глубину запашки, не переворачивала пласт земли и требовала больших физических усилий от пахаря, вспашка земли сохой могла осуществляться одной малосильной лошадкой, тогда как для плуга, в зависимости от почвы, могло потребоваться и две пары быков. В 1915 году особенно разительные отличия в механизации земледельческого труда современники отмечали в Сибири: в одних районах применялись соха, косули, деревянные плуги и бороны, «в то же самое время вблизи, часто лишь в полусотне верст от сел с первобытным инвентарем, находятся местности, где в хозяйствах можно встретить новейшие марки нашего внутреннего, североамериканского и германского с.-х. машиностроения» [5]. Традиционные способы обработки почвы, как правило, использовали старожилы, тогда как новоселы, колонисты экспериментировали с новейшей техникой. Земства активно занимались агрономическим просвещением крестьянства, численность агрономического персонала неуклонно увеличивалась (с 29 человек в 1890 году до 854 агрономов в 1910-м), появлялись опытные поля и станции, однако общий агрикультурный уровень России оставался низким.

Серьезным вызовом для аграрного сектора России была зависимость от метеорологических условий. Главную причину недорода зерновых современники усматривали в регулярно повторявшихся засухах. Неурожаи случались постоянно, но наиболее голодными годами стали 1891–1892, когда особенно пострадали черноземные районы. Тогда сыграли свою роль сразу несколько метеорологических факторов: лето 1890 года оказалось обильным на дожди, что благоприятно сказалось на всходах урожая, однако резко наступившая во второй половине июня тропическая жара с сильными ветрами засушили зерно на корню. Кое-где начались сильные пожары: «С какою-то систематическою беспощадностью, которая невольно внушает суеверную идею сознательной преднамеренности и кары, природа преследовала человека.

По иссыхающим нивам то и дело проходили причты с молебнами, подымались иконы, а облака тянулись по раскаленному небу, безводные и скупые. С нижегородских гор беспрестанно виднелись в Заволжье огни и дым пожаров. Леса горели все лето, загорались сами собою; огонь притаивался на зиму в буреломах и тлел под снегом, чтобы на следующую весну, с первыми сухими днями, вновь выйти на волю и ходить пламенными кругами до новой зимы… Голод подкрадывался к нам среди этого зноя и дыма, среди этой засухи», — вспоминал В. Г. Короленко [6]. При этом засуха в отдельных губерниях продолжалась до сентября, а в ноябре, при полном бесснежии, наступили двадцатиградусные морозы. Весна 1891 года отличалась почти полным отсутствием половодья, в результате чего заливные луга остались неувлажненными, а наступившие в конце апреля холода погубили озимые. В мае случилась новая засуха, которую вскоре сменили короткие обильные дожди, а затем морозы, что погубило молодую растительность. Пронесшийся по ряду черноземных губерний сильный циклон сдувал пахотный слой, в других случаях ураганы выбивали зерно из колосьев. Хотя зима 1891 года наступила рано и оказалась обильна на снега, снег этот быстро сошел, а наступившие после этого морозы привели к вымораживанию озимых [7].

Государственные чиновники, и среди них А. С. Ермолов, будущий министр земледелия и государственных имуществ, неурожай 1891–1892 годов объясняли исключительно природным фактором. Вместе с тем земские деятели задолго до наступившего голода предупреждали власть об угрозах и указывали на необходимость помощи деревне. О спаде производства сельхозпродукции земские деятели говорили с конца 1880-х годов, указывая на рост недоимок в крестьянских хозяйствах. В Казанской губернии в 1890 году окладных сборов было недополучено на более чем 2 млн рублей, в Нижегородской — почти на 1 млн. Помимо природных явлений, среди факторов возможного голода земские работники отмечали высокие выкупные платежи, не позволявшие крестьянским хозяйствам запасаться зерном на случай голодных лет. Тульское земство уже летом 1891 года поставило вопрос об отмене выкупных платежей, но они были отменены царским правительством лишь под влиянием первой российской революции 1905 года [8]. Еще одной причиной наступившего голода стала нерациональность общинного землепользования, связанная с такими явлениями, как чересполосица, мелкополосица, дальноземелье. Общинное землепользование, имеющее целью гарантировать всем семьям минимальный урожай, в силу своей малой эффективности не защищало крестьян в периоды экстремально низких урожаев.

Земства и государство по-разному смотрели на необходимость помощи крестьянам даже в голодные годы. В земствах разрабатывались проекты комплексных мероприятий, как долгосрочных (например, строительство железных дорог для обеспечения скорейшей доставки хлебных грузов из одних регионов в другие), так и краткосрочных (выдача крестьянам ссуд и пособий). Однако правительство, поддерживая первые проекты, отрицательно относилось к субсидированию населения, полагая, что оно «приучит народ

рассчитывать на пособия» и отвлечет его «от изыскания собственных средств к прокормлению», в результате чего крестьянство привыкнет к праздности и сделается «склонным к беспорядкам» [9]. Будущий министр иностранных дел В. Н. Ламздорф, занимавший в 1891 году пост директора канцелярии министерства, выражал в дневнике эту позицию, характерную для большинства чиновников: «Пожертвования… содействуют деморализации народа… Вместо того чтобы работать и заслужить пособие, громадное количество крестьян и рабочих в провинции отказываются от всякой работы, под предлогом, что „царский паек“ должен им быть выплачен даром. Благотворительность такого рода может в конечном счете привести к более значительным и еще более неоправданным бедствиям, чем сами последствия неурожая» [10]. В итоге безвозмездное субсидирование российским законодательством не предусматривалось. Сельское население субсидировалось таким образом, что после возвращения крестьянами полученных ссуд Общеимперский продовольственный капитал (бюджетный фонд, созданный для преодоления последствий неурожая) постоянно возрастал — помощь голодающим оказывалась доходным делом [11].

Во время неурожая 1911–1912 годов в некоторых губерниях администрация пошла еще дальше и отказывалась от выдачи семян даже в ссуду, требуя от крестьян оплаты за них наличными и объясняя это тем, что «ссуду мужик пропьет в первом кабаке» [12]. Земства пытались оспаривать эту концепцию, указывая, что в чрезвычайных ситуациях необходимо снабжать население семенами, чтобы предотвратить второй подряд голодный год. Иногда земствам удавалось одержать в этих спорах победу. Так, в 1911 году в Казанской губернии администрация не смогла уговорить земства организовать продажу семян крестьянам, в результате чего была вынуждена передать 100 тысяч рублей в ссуду бедноте [13]. Однако в ноябре 1911 года казанский губернатор издал циркуляр, согласно которому продовольственные ссуды отменялись, а всем голодающим было предписано записаться на общественные работы. При этом общественные работы были организованы крайне плохо, а в некоторых местностях их и вовсе не было.

Когда убедить губернские власти не удавалось, земства привлекали частные пожертвования, однако некоторые губернаторы запрещали земствам и частным кружкам проявлять инициативу в деле помощи голодающим, заверяя, что губернская администрация «сама справится» [14]. Такое противостояние центральных, губернских и земских органов не способствовало эффективной помощи крестьянам. Впрочем, конфликты возникали не только во властной вертикали, но и по горизонтали, между частными и общественными организациями. Во время голода 1891–1892 годов создавались студенческие отряды, которые отправлялись в пострадавшие от неурожая районы. Однако там, по причине взаимного недоверия, у них случались конфликты как с администрацией, так и с представителями Красного Креста. Студенты обвиняли сотрудников Красного Креста в формализме, стремлении передоверить кормление крестьян местным сомнительным личностям, которые нередко обворовывали своих же односельчан. Схожие претензии предъявлялись и земским служащим, которых подозревали в нецелевом расходовании средств,

выданных на борьбу с голодом. В адрес студентов звучали обвинения в использовании голода в целях пропаганды революционных идей. Отчасти подозрения губернских властей были оправданы: среди студентов было много социалистов, которые пытались агитировать среди крестьян (при этом внутри студенческих кружков нередко случались конфликты между студентами-народниками и студентами-марксистами). Не все представители студенческого сообщества с сочувствием относились к голодающим. Некоторые революционно настроенные студенты придерживались формулы «чем хуже — тем лучше», полагая, что голод станет революционным фактором, и отказываясь от участия в борьбе с ним [15]. Согласно воспоминаниям В. В. Водовозова, в 1891 году молодой В. И. Ульянов отмечал «прогрессивное» влияние голода: «Разрушая крестьянское хозяйство, выбрасывая мужика из деревни в город, голод создает пролетариат и содействует индустриализации края… Он заставит мужика задуматься над основами капиталистического строя, разобьет веру в царя и царизм и, следовательно, в свое время облегчит победу революции» [16].

Противодействие губернской администрации низовым частным инициативам отчасти обуславливалось спецификой массового сознания крестьян, которые, наблюдая за деятельностью студенческих отрядов, приходили к заключению, что царь распорядился раздать крестьянам хлеб, а губернаторы забирают его себе. Ходили слухи, что раздающий хлеб студент с золотыми пуговицами на сюртуке — не кто иной, как наследник престола, а остальные студенты — его свита [17]. В Лукояновском уезде Нижегородской губернии поговаривали, что, так как петербургские власти в деле помощи голодающим не надеются на местного губернатора, они выписали из-за границы племянника какого-то короля. Этот «королек-королевич» бесплатно кормит голодающих и раздает крестьянам лошадей. В действительности этим «корольком» был писатель В. Г. Короленко, развернувший активную благотворительную деятельность в Нижегородской губернии [18]. Помогал нижегородским крестьянам и А. П. Чехов.

Впрочем, в отношении волонтеров распускались и негативные слухи: что это иностранцы, приехавшие переманить местных жителей в свою веру, или что они слуги антихриста. В татарских селениях прошел слух, что за предоставление продовольственной помощи администрация требует, чтобы местное население крестилось в православную веру. Все это создавало опасную политическую обстановку, тем более что в отдельных районах вспыхивали беспорядки. Ситуацию усугубляли начавшиеся эпидемии холеры и тифа, вызвавшие распространение абсурдных слухов: «Весной 1892 года эпидемия вспыхнула в Астрахани и оттуда стала постепенно распространяться вверх по Волге. Холеру разносили люди, в панике бежавшие из астраханского района, а с этими паническими людьми бежали и слухи, нелепые, зловещие и фантастические слухи о докторах, отравляющих колодцы, об агентах „англичанки“, снабженных баночками с холерным ядом, о том, что в городах людей насильно сажают в „черные дома“ и там убивают, и т. д.» [19] Стали появляться списки «вредителей», в которых записывали

земских деятелей, врачей, студентов. Современники сообщали о случаях убийства докторов, проводивших санитарные осмотры.

Некоторым губернаторам казалось, что успех частных лиц и организаций в деле помощи голодающим подрывает их авторитет. Л. Н. Толстой, собиравший пожертвования и направлявший их на открытие бесплатных крестьянских столовых, сообщал, что орловский губернатор запрещал открывать столовые без его предварительного разрешения, а также без согласия местного попечительства и земского начальника. Такая бюрократизация благотворительной деятельности наносила вред делу помощи голодающим. В Тульской губернии полицейские власти, приехав в деревню Чернского уезда, где были открыты столовые для голодающих, запретили крестьянам в них обедать и ужинать и для верности сломали столы, после чего удалились, «не заменив для голодных отнятый у них кусок хлеба ничем, кроме требования безропотного повиновения» [20]. Толстой считал, что в Тульской, Орловской, Рязанской, Воронежской и других губерниях власти целенаправленно принимали «самые энергичные меры для противодействия частной помощи».

Тема голода приобретала политический контекст: либерально-оппозиционная часть общества занимала алармистскую позицию, требовала расширения помощи голодающим, консервативная общественность утверждала, что масштабы голода сильно преувеличены. В этом проявлялась разница подходов: гуманистического, ставившего в центр проблемы человека и выстраивавшего эмоциональные нарративы, и механистического, рассматривавшего голод сквозь призму государственных институтов и предлагавшего сухую статистику. Первый подход особенно ярко проявился в русской художественной литературе, в которой тема голода стала одной из формирующих интеллигентскую идентичность [21]. Борьба с голодом, помощь неимущим развивали социальный гуманизм, представляли собой важный фактор становления гражданского самосознания. Помимо Л. Н. Толстого, к теме голода обращались писатели В. Г. Короленко, Г. И. Успенский. Зрелище голодающих крестьян особенно потрясло Успенского, у которого возобновилось и усилилось нервно-психическое заболевание, из-за которого он оказался в лечебнице для душевнобольных.

Ряд чиновников признавали серьезность положения крестьян, однако правительство не одобряло публикации статей, рисовавших картины народного бедствия, и за этим бдительно следили цензурные комитеты. Сотрудники Министерства финансов обвиняли своего министра И. А. Вышнеградского в том, что он отказался своевременно привлечь внимание общественности к последствиям неурожая из опасений, что эта информация окажет негативное воздействие на биржевой курс рубля [22]. В газетах запрещалось употреблять слово «голод», его следовало заменять более нейтральным «недород». В обществе распространился слух, будто, когда один из министров в своем докладе государю упомянул о голодающих крестьянах, Александр III сделал на нем пометку: «У меня нет голодающих, есть только пострадавшие от неурожая» (по другой версии, император произнес эту фразу в ответ на заявление одного

полкового командира, что офицеры его полка собираются пожертвовать деньги голодающим). Либерально настроенный князь В. А. Оболенский считал, что «эта формула была принята в руководстве цензорами, которые вычеркивали из газетных столбцов слова „голод“, „голодающие“ и заменяли их словами — „неурожай“ и „пострадавшие от неурожая“» [23]. Возможно, это было связано с распространенной в народе поговоркой: «Неурожай от бога, а голод — от царя», и такой заменой власть пыталась смягчить свою возможную дискредитацию у крестьянских масс. Однако цензура лишь подстегивала фантазии обывателей, и в обществе распространялись алармистские слухи, преувеличивавшие размеры голода. Появлялась подпольная литература о голоде, ходили карикатуры на императора и чиновников. Одна из карикатур (английского художника) изображала императора, спиной к голодающим, отказывающегося от пожертвований со словами: «Голода нет!»

Впрочем, помимо слухов, есть заслуживающие большего доверия свидетельства отношения императорской семьи к голоду. Так, министр иностранных дел Н. К. Гирс делился с Ламздорфом своими впечатлениями от разговоров за завтраком у императора в конце января 1892 года: «Его величество не хочет верить в голод. За завтраком в тесном кругу в Аничковом дворце он говорит о нем почти со смехом; находит, что большая часть раздаваемых пособий является средством деморализации народа, смеется над лицами, которые отправились на место, чтобы оказать помощь на деле, и подозревает, что они это делают из-за похвал, которые им расточают газеты… Цесаревич тоже слушает эти разговоры с одобрительной улыбкой» [24].

В 1870–1890-х годах в сознании общественности голод ассоциировался в первую очередь с картинами «Великого голода» 1876–1878 годов в Индии, на описание ужасных последствий которого российская пресса не жалела красок, рассказывая о распухших от голода и умиравших прямо на улицах городов мужчинах, женщинах, стариках и детях. В 1891–1892 годах некоторые корреспонденты проводили параллели между ситуацией в Индии и России, причем либеральные издания были склонны отмечать общие черты, консервативные, напротив, отрицать всякую связь. «Голод в Индии» становился ширмой, за которой правая пропаганда пыталась спрятать бедственное положение российских крестьян. Во время кампании по сбору средств в помощь голодающим в России британский журнал «Панч» опубликовал карикатуру, на которой Александр III нес в Индию огромный мешок денег мимо голодающего крестьянина.

"WHAT WILL HE DO WITH IT?"

Starving Russian Peasant. "IS NONE OF THAT FOR *ME*, 'LITTLE FATHER'?"

«Что он будет с этим делать?»

Punch. 1891. October 10. P. 175

И хотя масштабы голода в Индии и России действительно несопоставимы, тем не менее в отдельных российских селах ситуация была близка к катастрофической. Корреспондент «Русского слова» так вспоминал посещение поволжских деревень: «„Голод в Индии“ был близок к нашей действительности. Не валялись на улице скелетообразные людские тени. Но в цынготных больничках лежало по 15–20 человек, людей только по имени. В действительности, это были трупы. Запах трупный, вид умирающего, вспухшее лицо, потускневший взгляд, тяжелое прерывистое дыхание… Помню ребенка. Худенькие ручки, огромный отвислый живот. Старческая серьезность на лице. Он смотрел нам в глаза глубоким, не земным взглядом и ел огромный кусок хлеба из лебеды. Хрустел песок на зубах» [25].

Л. Н. Толстой также сравнивал голод в Индии и России. При этом писатель предлагал сначала разобраться в том, что считать голодом, склоняясь к мысли, что голод — это не обязательно отсутствие пищи вообще, а недополучение организмом необходимых питательных веществ: «Если же под голодом разуметь недоедание, не такое, от которого тотчас умирают люди, а такое, при котором люди живут, но живут плохо, преждевременно умирая, уродуясь, не плодясь и вырождаясь, то такой голод уже около 20 лет существует для большинства черноземного центра и в нынешнем году особенно силен» [26].
В. А. Оболенский, студентом отправившийся на помощь голодающим Богородицкого уезда Тульской губернии, тоже пришел к выводу, что «бедность богородицких крестьян хроническая и что в голодный год, при помощи земской ссуды, им живется лишь немного хуже обычного» [27]. Такой подход оправдан тем, что во многих селах голодающих губерний хлеб был, но это был особенный, «голодный хлеб». Земства собирали его образцы, одинаковые что в 1892-м, что в 1898-м, 1907-м или 1911 году. Чаще всего хлеб разбавляли лебедой, такой «голодный хлеб» крестьяне считали даже вкусным, смешивали муку с дикой гречихой, овсом, желудями и отрубями, делали хлеб из конопляного жмыха. В крайнем случае — из мякины. Часто смешивали с глиной. Когда заканчивалась мякина — употребляли вместо хлеба древесную кору. «Голодный хлеб» из мякины с глиной имел одно важное свойство для людей, мучившихся от голода: он вызывал сильную рвоту, и человек терял аппетит на несколько дней, забывая о чувстве голода.

Специфика российского неурожая заключалась в том, что голод в одних губерниях протекал на фоне относительного благополучия других, так как неразвитость сети железных дорог не позволяла своевременно доставить хлеб в пострадавшие районы. Попытки Министерства путей сообщения организовать перевозку хлебов привели к заторам на железных дорогах (почти на весь ноябрь 1891 года оказалась парализована Владикавказская железная дорога [28]), что выявило плохую организацию железнодорожного дела в стране и неприспособленность станций для хранения хлеба.
В январе — феврале 1892 года, поскольку в целях экономии было решено перевозить зерно не в мешках, а насыпью, когда хлеб прибывал на промежуточные станции, его высыпали из вагонов прямо на снег [29].

Все эти обстоятельства стали причиной увольнения министра путей сообщения А. Я. Гюббенета. Попытки земства закупить хлеб в благополучных районах приводили к росту рыночных цен, что не позволяло поставить в голодающие губернии достаточно хлеба. В том же 1892 году чиновники Министерства финансов признавали, что «голодание населения могло иметь место даже при избытке общего производства хлеба в России» [30]. Отсюда парадоксы историографической дискуссии о «голодном экспорте», который связывают с приписываемой Вышнеградскому фразой «недоедим, но вывезем». Однако вывоз хлеба в голодные годы не являлся значимым фактором обеднения крестьянства, тем более что значительная доля экспорта осуществлялась за счет помещичьих хозяйств (к тому же с июля 1891 года правительство стало вводить запрет на вывоз хлеба из пострадавших губерний). Более существенными факторами оказывалась неразвитая инфраструктура, несогласованность действий центральной, губернской власти и земских организаций. Согласно В. Н. Ламздорфу (но вопреки А. С. Ермолову, который поддерживал обвинения министра финансов в том, что тот выступал за экспорт в ущерб благосостоянию крестьян), Вышнеградский уже в июне 1891 года думал о том, чтобы остановить экспорт и вернуть часть хлеба обратно, так как из-за неурожая у него имелись опасения «политического характера» [31]. «Голодный экспорт» в большей степени был проблемой морально-этической, чем экономической, что в итоге и привело летом — осенью 1891 года к запрету экспорта зерна на десять месяцев. И все же для прогрессивной части общества Вышнеградский был определенным раздражителем, в то время как консервативные круги его поддерживали. Князь В. П. Мещерский на страницах «Гражданина» описывал министра финансов как мудрого и прозорливого человека, пытаясь защитить его от ходивших о нем в обществе слухов [32]. При этом Вышнеградский был далеко не самым консервативным представителем правительства (например, он предлагал сократить расходы на вооружения и на сэкономленные средства увеличить финансовую помощь пострадавшим крестьянам). В отличие от министра финансов, признававшего голод в России, главным отрицателем голода в правительстве («голодным диссидентом») был министр внутренних дел И. Н. Дурново [33].

Государство, не отказываясь от частной благотворительной помощи голодающим, вместе с тем через систему контроля и распределения пыталось «приватизировать» эту сферу. Князь В. А. Оболенский вспоминал, что прогрессивные круги с недоверием относились к Российскому обществу Красного Креста, августейшим покровителем которого была императрица Мария Федоровна, а потому предпочитали жертвовать деньги частным лицам, например Л. Н. Толстому [34]. Таким образом организация частной помощи голодающим приобретала оппозиционный оттенок. Симпатизировавший Толстому В. Н. Ламздорф тем не менее отмечал, что граф «располагает, ввиду широкой раздачи пособий голодающим, опасными средствами пропаганды» [35]. Британские квакеры тоже указывали на забюрократизированность Российского Красного Креста и отказывались с ним сотрудничать.

Официальные власти на такое недоверие порой отвечали арестами квакеров: так, в 1907 году были арестованы две дамы из Квакерского комитета по борьбе с голодом в России [36].

Впрочем, у государства были и собственные ресурсы для борьбы с голодом. В 1841 году был создан Общеимперский продовольственный капитал (с 1866 года он находился под контролем министра внутренних дел), формировавший губернский продовольственный капитал, из которого кредитовались земства. В губернском земском продовольственном капитале к 1891 году имелось 14 млн рублей. Более 23 млн составлял общественный продовольственный капитал, который формировался из внебюджетных средств, собиравшихся с местных жителей. Кроме продовольственных капиталов, в государстве функционировали хлебные запасные магазины, которые формировались из зерна, сдававшегося населением. Согласно данным А. С. Ермолова, к 1891 году центрального, губернского и общественного продовольственного капитала имелось более 48 млн рублей, не считая натуральных запасов. Однако распределялись они неравномерно (например, на начало 1891 года в Екатеринославском земстве продовольственного капитала не было вовсе). Тем не менее всех этих средств для преодоления последствий неурожая было недостаточно. В итоге в этот период суммарные расходы казны на борьбу с неурожаем составили 146 млн рублей.

Верховная власть пыталась поставить под контроль благотворительную деятельность в империи. 23 ноября 1891 года был создан «Особый комитет по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая» под председательством наследника престола, будущего императора Николая II, целью которого был сбор частных пожертвований и их распределение среди нуждающихся [37]. Однако даже среди министерских чиновников эта инициатива вызвала критику: во-первых, в обществе ожидали большого пожертвования самого Александра III, а император, по сути, переложил сбор средств на общество; во-вторых, тем самым снималась ответственность с Министерства внутренних дел, в чьем ведении находился Общеимперский продовольственный капитал; в-третьих, всем было памятно дорогостоящее путешествие цесаревича в Японию, окончившееся в 1891 году (подданных возмущало, что наследник, потративший миллионы на увеселительное путешествие, не может собрать значительную сумму на такое серьезное дело) [38]. При этом одни сотрудники комитета говорили, что цесаревич относится к делам Особого комитета с большим воодушевлением, другие — что, напротив, с безразличием [39].

Помимо сбора пожертвований, Особый комитет через своих уполномоченных изучал продовольственную ситуацию на местах, выявляя наиболее пострадавшие регионы. И хотя Особый комитет признавал несоответствующей действительности информацию об умирающих на улицах от голода людях, его уполномоченные отмечали бедственное положение поволжских и черноземных губерний. Крайне сложной была ситуация в татарских селениях, где земледелие было неразвито. При этом в Особом комитете обращали внимание, что бедственное положение случилось не из-за одного

неурожайного года, но было подготовлено предшествующим бедственным положением крестьян, у которых оказались исчерпаны все запасы [40].

Привлечение внимания к теме народного бедствия консервативная печать расценивала как непатриотичное поведение. «Гражданин» князя В. П. Мещерского так отозвался на публикацию 22 января 1892 года в «Московских ведомостях» статьи Толстого «О голоде»: «Какие таинственные враги порядка, какие жиды могли попутать редакцию „Московских ведомостей" в виде передовой статьи пустить в обращение бешеный бред графа Льва Толстого?» [41] Власти изъяли из обращения нераспроданный тираж газеты, в итоге цена за экземпляр «Московских ведомостей» со статьей Толстого на черном рынке достигала 25 рублей [42]. В 1897–1898 годах вновь случился неурожай, и возобновилась прежняя дискуссия власти и общества. Издатель газеты «Русский труд» С. Шарапов обвинял Л. Н. Толстого, опубликовавшего очередную статью «Голод или не голод?», в том, что тот стремится подорвать авторитет правительства и дискредитировать Россию на международной арене. Во время неурожая 1911–1912 годов, когда разговоры о голоде вновь стали актуальны, чиновники Симбирской губернии убеждали приехавших к ним корреспондентов, что никакого голода нет, его выдумали «жиды и масоны» [43]. Соответственно, власти с подозрением относились к иностранной, в первую очередь американской, помощи голодающим. Корреспондент «Русского слова» А. С. Панкратов отмечал, что газетам предписывалось не высказывать «чрезмерную благодарность» американцам [44]. В 1892 году Особый комитет в заключительной части своих отчетов, публиковавшихся в «Правительственном вестнике», упоминал об американской помощи, о прибывших в Россию кораблях с хлебом, отдельно отмечая, что привезенные грузы были доставлены в голодающие губернии «через посредство Особого комитета» [45].

Неприятие консервативно-патриотической общественностью алармистских публикаций в российской прессе отчасти стало реакцией на публикационную активность русских эмигрантов-революционеров. В первую очередь — Общества друзей российской свободы, издававшего в Лондоне и Нью-Йорке газету «Свободная Россия», где в 1891–1892 годах регулярно печатались материалы о голоде, в которых в сложившемся бедственном положении крестьян обвинялся царизм [46]. Даже в более умеренных публикациях указывалось на косвенную вину правительства: «Действующее правительство не несет ответственность за голод, но оно ответственно за общие условия, которые приводят к нему. Власти повинны не только в нищете населения, но и в невежестве людей, которые стремятся к образованию» [47]. Революционер-народник С. М. Степняк-Кравчинский обвинял российские власти в воспрепятствовании деятельности частных благотворительных организаций в России ради сохранения политического контроля над обществом [48]. Вместе с тем Общество друзей русской свободы организовывало сбор пожертвований в помощь голодающим, что вызывало неоднозначную реакцию в правых кругах. Как подчеркивает Л. Келли, не только эмигрантская пресса Великобритании, но и такие издания, как Financial Times, Manchester Guardian, Economist, поднимали проблему «дихотомии между неэффективным российским

правительством, с одной стороны, и трудолюбивым крестьянством и „образованными классами“ — с другой» [49]. Правая российская пресса выстраивала иную дихотомию: ленивого, пьющего крестьянства и трудолюбивого правительства. Все это препятствовало установлению более доверительных отношений между правительствами двух стран. Таким образом, голод становился еще и фактором международных отношений.

Как отмечают историки, деятельность иностранных гуманитарных миссий также вызывала опасения российского правительства, поскольку собранная ими информация могла дискредитировать власть [50]. В дневниковой записи от 21 ноября 1891 года В. Н. Ламздорф приводит свидетельство об отклонении российским правительством поступивших из-за границы предложений организовать сбор пожертвований в помощь голодающим: «Не желают ни принимать денег, ни допускать проникновения внутрь страны иностранных филантропов. Однако предложение американцев нагрузить мукой русское судно… было принято как практическое и деликатное» [51]. Когда в феврале 1892 года стало известно об отправленном из Соединенных Штатов пароходе «Индиана», нагруженном мукой, министр иностранных дел Н. К. Гирс выражал обеспокоенность, «как бы вместо благодарности жертвователям их щедрый дар не был отослан обратно». Принимая помощь от Америки, российские власти подчеркивали, что это помощь американского народа, а не американского правительства, отношения с которым в период правления Александра III оставались прохладными. В 1880-е годы в общественном сознании американцев, во многом благодаря публикациям журналиста и путешественника Дж. Кеннана, оформился взгляд на Россию как на большую тюрьму, репрессивное государство. 25 декабря 1891 года журнал North Western Miller писал: «Совершенно естественно, что в нашей стране, где статьи мистера Кеннана о российской системе политической ссылки и его лекции о сибирских тюрьмах привлекли пристальное внимание и вызвали симпатию во всех слоях общества, где жестокость, допускаемая российским правительством по отношению к евреям, стала предметом резкого всеобщего осуждения, преобладает крайне враждебное отношение к деспотическому режиму в России. Что касается вопроса о политике российского правительства, то мы вряд ли сможем здесь что-либо сделать. Россия — огромная страна, далекая, незнакомая и непостижимая для западного мышления. Мы не сможем верно оценить ситуацию в России, т. к. мы не знакомы с тем многообразием причин, которые ее вызвали к жизни. Россия и ее обычаи находятся за пределами нашего понимания, потому что мы не имеем представления об ее общественных институтах. Это вопрос не политики, это вопрос гуманности. Мы знаем, что 20 миллионов крестьян умирают от голода. И этого достаточно. Так сделаем же все, что от нас зависит, чтобы облегчить их страдания. Что же касается вопроса о российском правительстве — оставим его решение самим россиянам» [52]. Американское правительство предложило направить в Россию своих представителей, чтобы организовать на местах распределение гуманитарной помощи, однако российские власти ответили отказом, сообщив, что «императорское правительство принимает с благодарностью пожертвования,

делаемые частными обществами или лицами в пользу нуждающейся части нашего населения, но не признает возможным принимать предложения, исходящие прямо от иностранных правительств» [53]. Прибывшая в июле 1892 года в Петербург американская делегация была удостоена приема, организованного цесаревичем Николаем (император в то время находился в Копенгагене). Всего в Россию из Америки прибыло пять пароходов, доставивших около 10 тысяч тонн продовольственных грузов; в американскую миссию в Санкт-Петербурге, а также на имя Л. Н. Толстого было отправлено пожертвований на 150 тысяч долларов.

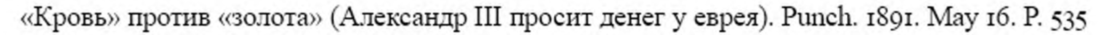
Иностранная не только правительственная, но и общественная помощь могла заключать в себе определенный укор верховной российской власти: помочь голодающим откликнулись американские евреи, что в условиях антисемитской политики Александра III вызывало на Западе сарказм. В британском журнале «Панч» появилась карикатура, на которой был изображен российский император, стоящий с протянутой рукой перед евреем.

Преувеличение масштабов голода земскими служащими и либеральными кругами, равно как его недооценка госслужащими и консерваторами, нивелируются статистикой смертности и сопутствующих эпидемических заболеваний. Согласно исследованию Р. Роббинса, в пострадавших от неурожая губерниях в 1892 году сверхсмертность составила 406 тысяч человек [54]. В это число вошли умершие как от дистрофии, так и от эпидемий. Количество смертей от холеры в пострадавших районах Роббинс определил в 10 тысяч человек. Как известно, вспышки холеры неизбежно наблюдаются у голодающего населения, санитарное состояние которого невозможно признать удовлетворительным. Общеизвестна и непосредственная связь голода с сыпным, или «голодным», тифом. Динамика заболеваемости тифом коррелирует с ухудшением питания населения, а также с большими скоплениями обездоленных людей, ищущих работы. Уполномоченные Особого комитета отмечали, например, «серьезный характер тифозной эпидемии» в Пензе из-за скопления пришедших в город в поисках работы голодающих крестьян [55]. Эпидемии сыпного («голодного») тифа всегда сопровождали неурожаи. Так, в 1881 году, вслед за неурожаем 1880 года, в России вспыхнула эпидемия сыпного тифа, по размеру превзошедшая эпидемию военных лет (1877–1878) [56]. Однако самая большая вспышка сыпного тифа началась после голодных 1891–1892 годов (в 1892 году было зарегистрировано 184 142 случая заболевания тифом и 604 406 случаев заболевания холерой [57]) и продолжалась до 1894 года. Следующая такая крупная вспышка эпидемии произошла вслед за неурожаем 1907–1908 годов и продолжалась до 1913 года.

"BLOOD" *VERSUS* "BULLION."

"WELL THEN, IT NOW APPEARS YOU NEED MY HELP:
YOU THAT DID VOID YOUR RHEUM UPON MY BEARD,
AND FOOT ME, AS YOU SPURN A STRANGER CUR
OVER YOUR THRESHOLD; *MONEYS IS YOUR SUIT.*
WHAT SHOULD I SAY TO YOU?"—*Merchant of Venice*, Act I., Sc. 3.

«Кровь» против «золота» (Александр III просит денег у еврея). Punch. 1891. May 16. P. 535

200000 180000 160000 140000 120000 100000 80000 60000 40000 20000 0

1881 1882 1883 1884 1885 1886 1887 1888 1889 1890 1891 1892 1893 1894 1895 1896 1897 1898 1899 1900 1901 1902 1903 1904 1905 1906 1907 1908 1909 1910 1911 1912 1913 1914

Больные сыпным тифом

Заболеваемость сыпным («голодным») тифом в России [58]

В 1900–1907 годах А. И. Шингарев по заданию Воронежского земского санитарного совета проводил исследование санитарно-эпидемического состояния самых неблагополучных в уезде сел Н.-Животинное и Моховатка и пришел к выводу о связи санитарного и экономического состояния крестьянских хозяйств, назвав главной причиной бедности малоземелье [59]. Особенно обострился этот вопрос в период революции 1905–1907 годов, что следует из массовых крестьянских волнений и ряда внесенных в Первую и Вторую Государственные думы аграрных проектов.

С 1900 года стараниями очередного министра внутренних дел Д. С. Сипягина земства были отстранены от участия в продовольственном деле, которое было окончательно передано в ведение МВД, с целью большей централизации управления продовольственной политикой. Тем не менее очередной неурожай 1901 года неожиданно для властей привел к массовым крестьянским волнениям весной 1902 года, которые пришлось подавлять с помощью войск. Хотя неурожай 1901 года уступал неурожаю 1891 года, новое поколение крестьян, родившихся в пореформенной деревне, не желало, в отличие от старшего поколения, мириться со своим бедственным положением. Эти события, согласно теории В. П. Данилова, положили начало «длинной» крестьянской революции 1902–1922 годов [60]. В этот период громче зазвучали требования «черного передела», а действия крестьян стали более агрессивными. Арестованные

за участие в беспорядках крестьяне свидетельствовали на судах: «Позвольте рассказать вам о нашей мужичьей, несчастной жизни. У меня отец и 6 малолетних (без матери) детей и надо жить с усадьбой в ¾ десятины и ¼ десятины полевой земли. За пастьбу коровы мы платим… 12 руб., а за десятину под хлеб надо работать 3 десятины уборки. Жить нам так нельзя. Мы в петле. Что же нам делать? Обращались мы, мужики, всюду… нигде нас не принимают, нигде нам нет помощи» [61]. Изучение многочисленных источников, описывающих состояние крестьянских хозяйств и массовые настроения народа, легко опровергает лукавую статистику якобы высокого благосостояния деревни.

События 1905–1907 годов показали необходимость решения аграрного вопроса. В 1905 году крестьянское движение началось с разграбления помещичьих усадеб и изъятия хлебных запасов с их последующим «справедливым» распределением среди нуждающихся. Свои самочинные захваты крестьяне нередко легитимировали на сельских сходах, вынося свои «приговоры». Крестьянское движение вынесло неудовлетворительную оценку всей аграрной (в том числе продовольственной) политике государства. Власти вынуждены были признать необходимость решения аграрного вопроса. Начавшаяся в 1906 году реформа П. А. Столыпина, предполагавшая право свободного выхода крестьян из общины с передачей наделов в собственность (о чем в свое время говорили Н. Х. Бунге и С. Ю. Витте), столкнулась с инертностью крестьянской массы, господством общинной психологии. Переделы земли, сопровождавшие выход из общины крестьян-отрубников, вызывали в деревне конфликты, особенно обострившиеся в годы Первой мировой войны, что вынудило власти в 1915 году приостановить реформу. Лишившись тактических возможностей влияния на продовольственную ситуацию, земства сконцентрировались на задаче стратегической: поднятии агрикультурного уровня российской деревни. Историки указывают на рационализацию крестьянской жизни в период столыпинской реформы, отмечая усиливающееся влияние в провинции земских деятелей, в частности на работу агрономов. Вместе с тем отмечают текучку кадров, эпизодичность появления агрономов в отдаленных от уездных центров деревнях, что не могло в сжатые сроки изменить традиционные методы хозяйствования [62].

В целом продовольственная ситуация в неурожайные 1911–1912 годы принципиально не отличалась от 1891–1892 годов: ссуды не выдавали, общественные работы доставались не всем, имели место случаи разгрома крестьянами продовольственных складов. Беднота в наиболее пострадавших губерниях занимала хлеб у кулаков и закладывала им свои душевые наделы, что усиливало в деревнях пауперизацию и социальную напряженность. Корреспондент «Русского слова» А. С. Панкратов записывал разговоры в деревне осенью 1911 года: «Одна теперь песня в деревне: умрем зимой… Разговор в народе идет страшный. Иду намедни мимо толпы, один мужик говорит: „Скотину-то мы знаем куда девать, — зарежем и съедим без хлеба, — а куда детей денешь?“» [63]Земская учительница с 25-летним стажем в Казанской губернии Е. И. Лебедева рассказывала: «Детей больно жалко… Никогда я не видела их такими бледными, слабосильными, как сейчас. Под глазами темные круги, и кожица такая тонкая-тонкая, совсем прозрачная.

Это голод. Матери в полдень прибегают в школу и оделяют детей чечевичными лепешками. Это, значит, ребята ничего с утра уже не едят» [64]. Губернские власти в своих отчетах старались смягчить данные о бедственном положении крестьян. Даже на уровне земской статистики обнаруживались нарушения, куда вписывались непроверенные цифры об урожае по уездам, в том числе в сторону завышения [65].

Начавшаяся Первая мировая война добавила новых проблем, тем более что лето 1914 года выдалось чрезвычайно жарким. Крестьянин Вологодской губернии А. А. Замараев так описывал июнь: «Кажется, приходит черный год. С осени придется или всю скотину убивать и отдавать за бесценок, потому что и в лугах и на мягких пожнях травы ничего нет, не говоря уже про сухие, на которые нечего с косой ходить. Леса горят. Оводу много. Днем нельзя работать… Земля как камень, дождя нет, жар… Опять молебен, все о дожде… В деревнях и в домах везде дым от горящего леса. Солнце показывается красное, кровавое. Днем работать нельзя…» [66]Мобилизацию объявили в самый разгар сельскохозяйственных работ. На фронт были призваны примерно 47,4% от числа трудоспособных мужчин, при этом в некоторых губерниях и областях — Витебской, Вологодской, Киевской, Курской, Могилевской, Олонецкой, Черниговской, Ярославской, Акмолинской, Алтайской, Амурской, Забайкальской, Тобольской, Томской — процент был выше 50 [67]. Отчасти ситуацию удавалось разрешить с помощью военнопленных, которых прикрепляли к крестьянским дворам. По сведениям Главного управления Генерального штаба, к 1 сентября 1915 года в разных видах работ было задействовано 553 247 военнопленных [68]. Первоначально их привлекали лишь к казенным и общественным работам, но с 1915 года новые правила предусматривали использование труда военнопленных в частных хозяйствах [69]. Местная администрация положительно оценивала их работу. Так, предводитель дворянства города Аткарска Саратовской губернии фон Гардер в апреле 1915 года писал: «У нас сев идет благополучно и недорого благодаря военнопленным; они работают недурно» [70].

Другой удар по крестьянским хозяйствам был нанесен реквизициями скота и лошадей. По подсчетам Г. И. Шигалина, за время войны из сельского хозяйства было изъято 10% лошадей, причем взрослых, наиболее работоспособных, в то время как в деревне увеличивался процент молодняка и жеребят (до 22%), а также старых кляч [71]. Впоследствии к реквизициям лошадей и рогатого скота добавились реквизиции зерна по твердым ценам, первоначально затрагивавшие лишь часть районов, а с конца 1916 года уже на всех крестьян обрушилась объявленная новым министром земледелия А. А. Риттихом продразверстка.

Новой проблемой для тыловых губерний стало массовое беженство и насильственные депортации немцев, австрийцев, а также евреев. Их концентрация в тыловых губерниях не только ухудшала продовольственную ситуацию, но и способствовала распространению эпидемий холеры и тифа. Война сильно ударила по благосостоянию населения, и с целью организации ему помощи в апреле 1916 года была создана межведомственная комиссия, составившая временные правила по оказанию ссудной помощи

пострадавшему от войны населению. Рассчитывать на помощь могли не все подданные империи, но лишь те, кто владел землей в сельской местности, в том числе приходские священники, а также владельцы недвижимости в городах и лица, имевшие вклады в кредитных учреждениях. Ссуды решили сделать беспроцентными, хотя министр финансов П. Л. Барк настаивал на 6% с выдаваемых ссуд. При этом беженцы, которые успели получить казенный продовольственный или квартирный паек, лишались возможности получить ссуду. Всего из средств государственного казначейства выделялось 50 млн рублей [72].

Несмотря на чрезвычайную ситуацию, отношение властей к низовым инициативам не стало более благожелательным: психологическую атмосферу усугубляла достигшая уровня психического расстройства массовая шпиономания. В этом контексте властям представлялась подозрительной и миссия английских квакеров, прибывших в Россию в 1916 году. Подозрительность была связана как с их религиозной спецификой (Церковь, слившаяся в синодальный период с государством, отличалась непримиримой позицией к сектантам), так и пацифистскими идеями. С началом Первой мировой войны власть автоматически записывала всех пацифистов в число предателей и шпионов. Показательно, что одним из первых процессов военного времени стало дело против толстовцев, распространявших пацифистские воззвания «Опомнитесь, люди-братья!» и «Милые братья и сестры!». В ноябре 1914 года началось следствие по делу депутатов-пораженцев от социал-демократической фракции.

Приезд квакеров в Россию в 1916 году по-разному объясняется современными исследователями. В литературе встречается версия, что инициатива якобы исходила от С. Д. Сазонова, который «разослал письма с просьбой о помощи в страны-союзницы», однако самого письма никто из исследователей не видел [73]. В действительности Совет министров не намеревался просить об иностранной гуманитарной помощи, напротив, правительство принимало решения об оказании помощи пострадавшим от войны сербам и черногорцам [74]. Признание собственной неспособности решить внутреннюю проблему с пострадавшим от войны населением (в том числе тех категорий депортированных групп — этнических немцев и евреев, — в критическом положении которых была повинна сама власть) представлялось дискредитирующим Россию на международной арене. Рут Фрай вспоминала, что миссия квакеров в 1916 году началась благодаря просочившимся в Лондон слухам о бедственном положении беженцев в России [75]. После чего она лично обратилась за помощью к сотруднику российского посольства Е. В. Саблину, и тот, связавшись с Министерством иностранных дел, организовал квакерам разрешение на въезд.

Прибыв в Россию, квакеры встретились не только с петроградскими чиновниками, но и провели в Москве переговоры с главой объединенного комитета Земского союза и Союза городов князем Г. Е. Львовым — будущим председателем Временного правительства. В условиях политического кризиса 1915–1916 годов, когда обсуждалась инициатива Прогрессивного блока депутатов Государственной думы

о создании «правительства доверия», членом которого мог стать Г. Е. Львов, контакты квакеров с либеральным общественным деятелем могли вызвать в определенных кругах подозрения. Впрочем, квакеры оставались вне политики и из Москвы направились в город Бузулук Самарской губернии, где, по полученной от Львова информации, сложилась особенно тяжелая ситуация с беженцами. Всего в Бузулукском уезде с 1916-го по осень 1918 года работали примерно тридцать квакеров; они организовали пункты питания, открыли школы, кустарные мастерские для беженцев, вели программу обучения ремеслу. Миссия квакеров проходила при тесных контактах с местным земством. Тем не менее, согласно письмам Теодора Ригга, некоторые представители губернской администрации «никак не могли взять в толк, почему это мы интересуемся беженцами, и подозревали, что наша предполагаемая работа с беженцами — это часть какого-то плана союзнической дипломатии в России» [76]. По мере приближения к 1917 году в консервативных кругах российского общества усиливалось недоверие к союзникам вообще и англичанам в частности; английского посла в России Дж. Бьюкенена подозревали в подготовке государственного переворота [77]. В условиях распространявшихся холеры и тифа реанимировались традиционные слухи о том, что «агенты англичанки» отравляют колодцы. Впрочем, согласно воспоминаниям квакеров, подобные слухи не мешали их деятельности и местное население относилось к ним с благодарностью. В 1918 году к английским квакерам, оказавшимся по соседству с восставшими войсками атамана А. И. Дутова и восставшими чехами, с подозрением относились большевики, считавшие, что контрреволюция осуществляется на деньги Англии и Франции [78]. Тем не менее выданные наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным документы обеспечивали английским квакерам относительную безопасность в Советской России.

В годы Первой мировой войны власти использовали тему голода в своей патриотической пропаганде, доказывая, что Германия обречена на поражение вследствие того, что у нее истощены продовольственные запасы. Однако эта стратегия неожиданно дала сбой: российские обыватели, страдавшие от роста инфляции, ухудшения снабжения городов продовольственными товарами, автоматически переадресовывали любые упоминания о немецком голоде российской действительности. В дни Февральской революции полковник П. А. Половцов, обыскивая типографию на Галерной, не без сарказма отметил, что в ней не нашлось ничего интересного, «кроме сводки, приготовленной из всех сведений Министерства иностранных дел, доказывающей, что вся Германия через несколько дней помрет с голоду» [79]. Собственно, сама революция началась с беспорядков 23 февраля 1917 года напуганных угрозой приближающегося голода женщин-работниц. Этому предшествовали слухи о том, что в Петрограде закончились запасы муки, из-за которых испуганные обыватели принялись активно скупать хлеб про запас, что действительно привело к временным перебоям в продаже хлебных изделий [80]. Пришедшее к власти Временное правительство было вынуждено ввести карточки на хлеб.

Революция 1917 года, казалось, должна была осуществить давнишнюю мечту крестьян о «черном переделе». Уже в апреле начались массовые захваты крестьянами помещичьих земель, которые в отдельных губерниях легитимировались местными крестьянскими Советами. На прошедшем в мае 1917 года Первом Всероссийском съезде крестьянских депутатов было решено отложить окончательное решение земельного вопроса до Учредительного собрания, тем не менее в его резолюцию вошло положение о создании в селах земельных комитетов, которые должны были взять под контроль «все земли». Принятый большевиками Декрет о земле от 28 октября 1917 года предусматривал конфискацию всех помещичьих земель. Однако начавшаяся Гражданская война показала, что ни советская власть, ни власть антибольшевистских правительств не учитывали интересы крестьянства. Как отмечают специалисты, земельная политика большевиков не решила проблему крестьянского малоземелья, но чрезмерной регламентацией сельскохозяйственной деятельности способствовала архаизации деревни, отбрасыванию ее на уровень 1880-х годов [81].

Начатая большевиками политика продразверстки, обернувшаяся неприкрытым грабежом продотрядами сельских тружеников (изымавшими в том числе посевные семена), стала одним из главных факторов разорения крестьян в 1919–1921 годах и начавшегося голода в деревне. Хотя голоду 1921–1922 годов также предшествовала засуха, на этот раз природный фактор оказался второстепенным, так как главной причиной было стремление советской власти любой ценой прокормить многомиллионную Красную армию и победить в Гражданской войне. Этот «искусственный голод» захватил 35 губерний Поволжья, Южного Урала, Украины, Средней Азии, Западной Сибири; по данным советского Центрального статистического управления, дефицит населения в 1920–1922 годах составил 5 млн человек. Другим последствием голода стала целая армия беспризорных детей. Масштабов эпидемий достигли тиф и холера, имели место случаи людоедства.

В марте 1921 года, после массовых протестов крестьян и рабочих, продразверстка была заменена продовольственным налогом. Это ознаменовало окончание политики военного коммунизма и начало новой экономической политики (НЭПа). К тому времени основные боевые действия Гражданской войны против белых армий были завершены, и главную для себя угрозу власть видела исходящей от крестьянства. Летом 1921 года Красная армия подавила Тамбовское восстание, однако параллельно разгоралось Западно-Сибирское крестьянское восстание, окончательно подавленное лишь к концу 1922 года. Политика НЭПа стала вынужденной мерой, направленной на восстановление разрушенного Гражданской войной хозяйства и умиротворение населения. В деревне стало поощряться развитие кооперативного хозяйства. В. И. Ленин в статье «О кооперации» называл его наиболее легким для крестьянина способом перехода к социализму [82]. Вместе с тем внутри новой экономической политики сохранялись непримиримые противоречия: частное обогащение никак не могло привести к социализму. Поэтому в то же самое время, когда Н. И. Бухарин бросил крестьянам свой лозунг «Обогащайтесь!»,

Е. А. Преображенский потребовал усиления борьбы с кулачеством. Развитию кооперативного движения препятствовала налоговая политика советской власти, ложившаяся тяжелым бременем на зажиточные хозяйства и способствовавшая тому, что кооперация ориентировалась на бедноту, что приводило к «осереднячиванию деревни» [83]. Советская власть неизбежно должна была определиться с последующим курсом, но пока, в 1921–1922 годах, наблюдалась некоторая либерализация политики, вслед за экономикой «новый курс» проявлялся в социальной жизни и внешней политике. Обращение к западным странам за помощью создавало образ новой, открытой Советской России. Особая роль могла здесь отводиться сектантам, которые были убежденными пацифистами: на проходившей весной 1922 года Генуэзской конференции Г. В. Чичерин от имени советской делегации выдвинул предложение о всеобщем разоружении и мирном сосуществовании. Образ Советской России как миролюбивой страны должен был содействовать ее международному признанию. Соответственно, провал советских предложений в Генуе и затем Гааге сделал неактуальными для советской власти антимилитаристские позиции сектантов в свете ее новых планов по развитию военной промышленности, основы которых заложил Раппальский мирный договор с Германией (1922). Все эти обстоятельства сказались и на борьбе с голодом.

В отличие от царского правительства, советская власть не имела продовольственных капиталов, поэтому уже в июле 1921 года она была вынуждена обратиться за помощью к иностранным государствам и общественности. В это же самое время за рубежом, за счет золотых запасов Российской империи, закупалось зерно, а в стране усилились реквизиции церковного имущества. В этот период иностранная помощь достигла беспрецедентных размеров. Ее оказывали Организация общеевропейской помощи голодающим России под руководством Ф. Нансена, Американская администрация помощи (АРА), возглавляемая будущим президентом США Г. Гувером, Объединенный распределительный комитет американских фондов помощи евреям, пострадавшим от войны («Джойнт»), ряд религиозно-благотворительных организаций. При этом гуманитарная помощь большевикам вызывала на Западе смешанные чувства. Художник «Панча» нарисовал карикатуру, изображавшую Ленина, который пришел просить Благотворительность спасти Советскую Республику, и Благотворительность, которая ему отвечала, что готова спасти не Советскую Республику, а ее жертв — голодающих крестьян.

В Англии вызывала беспокойство внешняя политика Советской России. На другой карикатуре был изображен большевик с плакатом, часть которого была обращена к Англии и призывала помочь голодающим в России, а другая часть — к Индии, где написано «К черту Англию».

THE CLAIM OF HUMANITY.

Lenin. "AH! SO YOU HAVE COME IN RESPONSE TO MY APPEAL, TO SAVE THE SOVIET REPUBLIC?"

Charity. "NO; I HAVE COME TO SAVE ITS VICTIMS—AND IN SPITE OF YOUR APPEAL."

Утверждение гуманизма. Punch. 1921. August 17. P. 131

THE DOUBLE-DEALER.

Двойной дилер. Punch. 1921. September 28. P. 243

Несмотря на то что советское правительство само обратилось за помощью к Западу, в отношении приезжавших в страну иностранцев сохранялась известная подозрительность. АРА практически сразу была отнесена советскими органами к числу шпионских организаций, а иностранные и советские сотрудники АРА с самого начала оказались под наблюдением ВЧК — ГПУ. В приказе ВЧК от октября 1921 года «О чекобслуживании иностранцев» говорилось, что американские сотрудники АРА занимаются разведывательной деятельностью и формируют шпионские сети. Определенные основания для таких подозрений были: некоторые члены АРА ранее сотрудничали с белыми правительствами и не питали симпатий к советской власти, выражая свое отношение к ней в беседах с местным населением, что и фиксировали сотрудники ВЧК — ГПУ. Иногда это приводило к арестам представителей АРА. Летом 1923 года, в связи с нормализацией продовольственной ситуации, деятельность АРА на территории России прекратилась.

Роль Американской администрации помощи в голодные годы сложно переоценить. Первоначально АРА оказывала поддержку голодающим детям в возрасте до 14 лет — только в первый месяц работы в Петрограде было открыто 120 столовых для детей, — а с декабря 1921 года помощь оказывалась и взрослому населению. За два года работы в Советской России АРА израсходовала 78 млн долларов (из них 13 млн — деньги советского правительства). Весной 1922 года АРА обеспечивала продовольствием более 6 млн человек в России, на втором месте по размеру оказанной помощи были американское и английское общества квакеров, кормившие, по разным оценкам, от 265 до 411 тысяч человек.

Как ни парадоксально, отношение советской власти к квакерам было довольно терпимым. Исследователь Д. Макфадден считает, что именно квакеры, которые первыми из зарубежных организаций заключили соглашение с Советской Россией в 1920 году, обеспечили успех переговоров советского правительства с Г. Гувером (выходцем из квакерской семьи) [84]. Помощь квакеров рассматривалась советскими полномочными представителями как исключительно филантропическая, при этом отмечалась их политическая лояльность, в то время как меннонитов, баптистов и католиков сотрудники ВЧК — ГПУ характеризовали как враждебно настроенных к советской власти. Т. П. Назарова объясняет это, во-первых, отсутствием у квакеров религиозных последователей в России (в отличие от представителей прочих сект и конфессий), во-вторых, тем, что, в отличие от АРА и других организаций, квакеры, оказывая помощь, не выдвигали советскому правительству никаких условий, в-третьих, тем, что квакеры не были связаны ни с какими «буржуазными» правительствами [85]. Вместе с тем можно предложить еще одно объяснение терпимости к квакерам большевиков. Дело в том, что с точки зрения Русской православной церкви квакеры были сектантами (представителей русского сектантства Церковь порой именовала «квакерами», используя специфическое звучание этого слова в русском языке). Квакеры поддерживали отношения с толстовцами (а также с сыновьями и внуком Л. Н. Толстого), гонимыми царской властью и официальной

церковью; имеется информация о том, что квакеры проводили совместные молитвы с добролюбовцами; в XIX веке русских хлыстов иногда ошибочно называли квакерами. Религиозная политика большевиков в 1920-е годы предполагала дискредитацию Православной церкви и отрешение от нее массы верующих. В этом и должны были помочь советской власти сектанты, предлагавшие народные, альтернативные религиозные представления. Накануне революции 1917 года на фоне расцерковления прихожан в обществе возросла популярность различных «братцев от народа» [86].

Голод стал для государства поводом к наступлению на Церковь. Однако, как и в 1891 году, общество более чутко отреагировало на опасность массового голода, чем официальная власть. О необходимости начать борьбу с голодом заговорили в июне 1921 года участники VII Всероссийского съезда по сельскохозяйственному делу, проходившего в Московском обществе сельского хозяйства. По предложению участников съезда М. Горький внес на рассмотрение Политбюро ЦК РКП(б) вопрос о создании Всероссийского комитета помощи голодающим, и 21 июля ВЦИК утвердил статус ВК Помгола во главе с Л. Б. Каменевым, а также Центрального комитета Помгола во главе с М. И. Калининым. Церковь несколько отставала от правительства в деле централизованной борьбы с голодом. В августе 1921 года был образован Всероссийский Церковный комитет помощи голодающим, начавший сбор пожертвований. Правительство не подтвердило полномочия этого комитета, и все собранные пожертвования были переданы ЦК Помгола. Патриарх Тихон обратился к Помголу с посланием, в котором выразил готовность Церкви добровольно пожертвовать часть имущества в пользу голодающих. На основе этого послания была составлена инструкция Помгола, в которой о добровольном статусе церковных пожертвований не упоминалось. 22 января 1922 года ВЦИК принял постановление «О ликвидации церковного имущества», в котором говорилось о необходимости насильственного изъятия ценностей для помощи голодающим у представителей всех религий — при условии, что изъятие «не может существенно затронуть интересы самого культа». При этом разъяснений о том, как определять, существенно ли затронуты «интересы культа», не давалось, поэтому на практике изъятие ценностей превратилось в разграбление храмов.

Если власть рассматривала Церковь как своего опасного конкурента в борьбе с голодом, то взаимоотношения с сектами в этом деле представлялись советской власти временно целесообразными. У большевиков уже был дореволюционный опыт взаимодействия с сектантами. А. Эткинд отмечает сложившиеся еще до революции некоторые симпатии В. И. Ленина к русским сектантам; Ю. Слезкин и вовсе называет самих большевиков «милленаристской сектой» [87]. Согласно А. Эткинду, толстовцы П. И. Бирюков и И. М. Трегубов совместно с В. Д. Бонч-Бруевичем разрабатывали проект, по которому сектанты должны были стать неким связующим мостом между коммунистами и крестьянами. 4 января 1919 года в интересах сектантов-антимилитаристов был издан декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Исследователи называют 1920-е годы временем расцвета сект

при одновременном стеснении прав Православной церкви [88]. В марте 1921 года в Москве под контролем советской власти прошел Всероссийский съезд сектантских сельскохозяйственных и производственных объединений, большинство на котором получили баптисты. 5 октября 1921 года Народный комиссариат земледелия принял воззвание «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей», в котором предлагал сектантам вернуться в Россию и получить землю: «Сектанты и старообрядцы России, принадлежащие по большей части к крестьянскому населению, имеют за собой нередко многовековый опыт общинной жизни. Мы знаем, что в России имеется много сект, приверженцы которых, согласно их учению, издавна стремятся к общинной, коммунистической жизни… Все правительства, все власти, все законы во всем мире, во все времена, всегда шли против такой жизни, и сектантов за это во всех странах, в том числе и в России, жгли на кострах, убивали, мучили, гноили в тюрьмах, разрывали их общины и рассылали в ссылки по разным углам земли и всячески преследовали, но они оставались твердыми в своих убеждениях и, умирая, завещали своим братьям продолжать ту же борьбу, ту же общинную жизнь… И вот теперь настало время, когда все сектанты, какого бы вероисповедания они ни были, даже самые скрытные из них, до сего времени боящиеся себя обнаружить, как, например, корабли Старого Израиля и людей Божиих — (те, кого ранее ругали, хлыстами), — скопцы различных оттенков, мормоны и другие, а также из старообрядцев — крайние ответвления Спасова согласия, те, кого в просторечии называют нетовцами, бегунами, скрытниками и прочие тому подобные, решительно все могут себя вполне спокойно обнаружить и твердо знать, что за их учение никто, никогда, никого не будет преследовать» [89].

Предполагалось, что сектанты, в силу своих общинных и коллективистских традиций, охотно будут вступать в совхозы, подавая пример основной массе крестьян, а также будут участвовать в развитии кооперативных хозяйств. В рамках задачи по преодолению голода и восстановлению сельского хозяйства важны были рационалистические методы хозяйствования, в том числе по привлечению механизированных орудий труда. В. И. Ленин лично следил за результатами деятельности в Пермской губернии Американского тракторного отряда под руководством Г. Вэра [90]. В этом деле квакеры также добились определенных успехов: ими было закуплено в Польше несколько десятков тракторов «Форд». Заботились квакеры и о восстановлении поголовья лошадей, для закупки рабочего скота они отправлялись в далекие сибирские губернии.

Для реализации проекта по заселению сектантами пустующих сельскохозяйственных земель была создана Комиссия (ОРГКОМСЕКТ), в состав которой вошел сектант-молоканин Н. Михайлов. Однако сами сектанты оценивали результаты деятельности этой комиссии как неудовлетворительные. Когда голод был преодолен, сектанты в глазах власти превратились в «кулацкий и полукулацкий элемент», носителей мелкобуржуазной психологии. Начальник VI отделения секретного отдела ОГПУ, занимавшегося борьбой с религиозными организациями, Е. А. Тучков в сентябре 1923 года в своем докладе сообщал: «Свою антисоветскую деятельность сектанты, главным образом баптисты, евангелисты и толстовцы, проявляют

в проповедях, песнях, молитвах и антимилитаристическом отношении к государству вообще и к воинской повинности в частности» [91]. Как следствие — ОГПУ обрушило репрессии на сектантов, которых ссылали в Нарымский край, на Соловки. В докладной записке евангельских христиан-трезвенников в ЦК РКП(б) 18 февраля 1924 года делался вывод: «Советская власть в лице ГПУ возвратилась к старой тактике царских гонителей за веру» [92]. Несколько тысяч меннонитов выехали из СССР.

Следует заметить, что многие сектанты искренне поверили в то, что при советской власти они смогут получить ту долгожданную духовную свободу, свободу вероисповедания, о которой мечтали в дореволюционное время, и, как следствие, чересчур активно включились в строительство новой жизни. Помимо прочего, сектанты позволяли себе «неканоническую» интерпретацию коммунизма: создавая крестьянские коммуны и кооперативы, они заявляли, что «проповедуют идеи коммунизма в чистом виде» [93]. Кроме того, власти с раздражением отмечали создание сектантами параллельных комсомолу собственных молодежных организаций: бапсомола, христомола и трезвомола (которые начали появляться в России еще в 1905–1908 годах). В апреле 1926 года на Всесоюзном совещании по антирелигиозной пропаганде воссоздание религиозных молодежных движений было охарактеризовано как попытка подменить советскую комсомольскую организацию. 22 августа 1927 года ВЦИК издал циркуляр «Об ограничении сектантов», в котором говорилось о чрезмерном расширении деятельности сектантских организаций, недопустимости открытия сектантскими организациями детских кружков и запрещалось регистрировать старые и новые религиозные объединения граждан, «не признающих налогов, воинской повинности и вообще каких-либо обязательных государственных повинностей» [94]. Квакеры занимали более осторожную позицию в социально-политических вопросах, поэтому им удалось продержаться немногим дольше, чем другим сектантам. При этом образовательные инициативы квакеров также вызывали неприятие советских органов власти. В 1931 году, последним из числа иностранных благотворительных организаций, был закрыт московский квакерский офис.

Таким образом, в 1891–1922 годах тема голода и борьбы с ним была исключительно политизирована: власть и общество по-разному оценивали масштабы народного бедствия, предлагали разные стратегии по его преодолению. В то время как либеральные общественные деятели, руководствуясь гуманистическими принципами, призывали власти безвозмездно помогать крестьянству, правительство настаивало на выдаче возвратных ссуд, так как опасалось, что безвозмездная помощь приведет к развитию иждивенческих настроений в деревне и со временем склонит народ к бунту. Вместе с тем гуманитарные миссии российской интеллигенции становились важным фактором выработки гражданской идентичности. При этом с особым подозрением правые круги относились к иностранной помощи, усматривая в ней опасность дискредитации России на международной арене. Только в 1921 году уже советское правительство впервые официально обратилось за помощью к иностранным государствам, учитывая катастрофическую ситуацию в сельском хозяйстве, спровоцированную войной и политикой военного коммунизма. Однако

откликнувшиеся на призыв советской власти иностранные гуманитарные миссии на деле оказались заложниками временной политики большевиков, не предполагавших долгого сохранения «нового курса» после решения основных сельскохозяйственных вопросов.

Владислав Аксенов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ.
ПО СЛЕДАМ ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ

«Знаешь, в Советской России даже плакат такой сделали: „Учитесь работать у квакеров“, настолько их там уважали и ценили», — сказал мне Билл Чадкирк, заведующий отделом Квакерских международных общественных проектов в Доме Друзей в Лондоне. Он вышел из своего кабинета перекинуться со мной парой слов, когда я заехал в британскую столицу после участия в квакерском проекте в городе Дадли в 1993 году. Билл сильно удивил меня. Квакеры в большевистской России? Религиозное общество Друзей в стране воинствующего безбожия? «Да, именно так, — подтвердил Билл, — в городе Бузулук». Я и города-то такого не знал, а Билл оказался в курсе даже того, что было это в Самарской губернии во время голода в Поволжье. Именно он, Билл Чадкирк, побудил меня к тому, чтобы взяться за эту историю.

Встреча наша состоялась летом, а зимой Билл прислал мне свою рукопись «Famine And Relief» («Голод и помощь»), написанную на основе доступных ему материалов. Прочитав ее, я понял, как мало в России известно о квакерах и их работе во времена голода в Поволжье, и мне захотелось самому исследовать эту тему и поделиться добытой информацией с моими соотечественниками.

Не имея опыта работы в архивах, в эпоху, когда интернет был еще диковинкой в наших краях, я для начала узнал в областном архиве Петербурга адрес Бузулукского архива.

В ответ на мой запрос оттуда пришло уведомление, что никакими документами о работе в городе квакеров в интересующий меня период архив не располагает. Но недели через две меня разбудил телефонный звонок. Любезная сотрудница архива в Бузулуке сообщила, что ей удалось найти папку с материалами, которые могут представлять для меня интерес.

В Бузулуке я остановился в комнате отдыха на железнодорожном вокзале и каждый день ходил пешком в город, расположенный на приличном от вокзала расстоянии: в XIX веке железнодорожные ветки порой прокладывали так, что города находились довольно далеко от станций. Предоставленные архивные материалы меня потрясли: приехавшие сюда англичане спасали от голодной смерти моих соотечественников. Они не брали за это денег, да и какие могут быть деньги у умирающих от голода крестьян. Напротив, англичане собирали деньги в своей стране — на покупку продуктов и доставку их сюда, в далекий от Лондона город. Потрясенный, я бродил по улицам пыльного Бузулука, а оказавшись на рынке, подошел к старушкам, которые торговали овощами со своих огородов.

«Скажите, вы помните голод 1921 года»? — спросил я у одной из них.

«Как не помнить! Такое не забудешь… Меня и многих других спасли иностранцы. То ли американцы, то ли англичане — нерусские. Они такие добрые были, кормили нас, детишек».

После той поездки тема квакеров в России меня зацепила. Вслед за Бузулукским я исследовал архивы Самары, Санкт-Петербурга, Филадельфии, Лондона и Москвы. Я листал пожелтевшие машинописные отчеты квакеров о работе в России. Я держал в руках дневники, заполненные мелким почерком, полные потрясающих деталей о жизни американской барышни в степях Бузулукского уезда, читал книги воспоминаний английских и американских квакеров, работавших в России в те страшные голодные годы. Я всматривался в лица на старых фотографиях. Работа в архивах приносила необыкновенную радость и все новые и новые открытия.

В Нью-Джерси в доме для пожилых квакеров я встретился со столетней Ребеккой Тимбрес-Кларк, в 1923 году работавшей с мужем в селе Сорочинском в той же Самарской губернии. Я переписывался с новозеландкой Хелен Хьюз, дочкой Теодора Ригга, который в 1916 году возглавлял квакерскую миссию в России.

Позднее я подружился с американским историком Дэвидом Макфадденом, который исследовал ту же тему, и мы с ним могли часами обсуждать детали эпопеи Нэнси Бабб в Тоцком или успехи МТС под руководством Перри Пола в селе Сорочинском. Мы несколько раз съездили с Дэвидом в Бузулук, где когда-то работали английские квакеры, и в село Сорочинское, где был центр американских Друзей. Мы беседовали с еще живыми тогда очевидцами голодных лет, выступали перед школьниками в Могутове, общались с журналистами в Тоцком и Бузулуке.

Дэвид подготовил отличную книгу «Дух сотрудничества: Квакеры в революционной России», для которой я написал по его просьбе предисловие. Мои же материалы все еще лежали в столе: они ждали своего часа.

Без малого пятнадцать лет я отдал работе в Amnesty International в Москве, не имея никакой возможности отвлечься на осмысление собранных документов. И только выйдя на пенсию, смог наконец взяться за тему, которая давно меня волновала, и написать книгу об удивительной истории квакеров в Советской России.

ЧАСТЬ I

1916–1918

FRIENDS AMBULANCE UNIT
FRIENDS AMBULANCE UNIT
F.A.U.
F.A.U.

Нашивки и кокарды для униформы сотрудников Квакерской санитарной службы. Частная коллекция

ГЛАВА 1

Первые контакты квакеров с Россией. Беженцы в Российской империи времен Первой мировой. Квакерская миссия в Петрограде в апреле 1916 года. Поездка четверых квакеров в Москву, Самару и Бузулук. Общение с царскими чиновниками, Татьянинским комитетом. Решение о помощи беженцам в Бузулукском уезде Самарской губернии. Открытие в четырех селах уезда больниц, мастерских для беженцев, приютов. Революционные вести из столицы.

История взаимоотношений Религиозного общества Друзей (то есть квакеров) с Россией начинается практически с первых лет существования этой протестантской пацифистской церкви, появившейся в Великобритании в середине XVII века. Сохранилось письмо, отправленное в 1654 году основателем Религиозного общества Друзей Джорджем Фоксом (1624–1691) царю Алексею Михайловичу; с квакерами встречались Петр I, а затем Александр I. В XIX веке в Шушарах под Петербургом жил английский квакер Даниэл Уилер с семейством; он осушил там тысячи акров болот. Николай I даровал его семье участок земли в Шушарах под квакерское кладбище. Британские квакеры совершали поездки в Россию, в частности в 1890-е годы, оказывая помощь в борьбе с голодом.

История, которую я хочу рассказать, началась в 1916 году, когда в Центральную Россию с западных границ империи устремились потоки беженцев, пытавшихся скрыться от ужасов Первой мировой войны: поляков, литовцев, белорусов, которые через Петроград и Москву направлялись дальше на восток.

Квакеры — пацифисты, они никогда не брали в руки оружие и не принимали участия в боевых действиях, только помогали жертвам войн. Понятно, что отказ от несения воинской повинности, тем более в военное время, не мог оставаться без последствий. Так, 5 июня 1916 года газета «Земщина» в заметке под названием «Английские Толстовцы», ссылаясь на Daily Telegraph, писала, что военный суд в северном Уэльсе приговорил к каторжным работам на два года семерых квакеров, которые, будучи зачислены в нестроевые части, отказались выполнять приказ старшего офицера.

Обычно британские квакеры отправлялись на фронт в составе так называемого Friends Ambulance Unit — Квакерской санитарной службы; они служили врачами, медбратьями, а также в качестве технического персонала обслуживали полевые госпитали и больницы. Квакеры старались облегчить тяжелую участь главных жертв войны — гражданского населения. Религиозное общество Друзей принимало участие в программах помощи беженцам, в восстановительных работах. Важно отметить, что квакеры помогали гражданскому населению любых стран, а не только союзников Великобритании.

Британские квакеры работали во Франции, Черногории, Австрии. В начале 1916 года им стало известно о тяжелой ситуации с беженцами в России. По одной из версий, тогдашний министр иностранных дел С. Д. Сазонов послал письмо в Лондон с просьбой о помощи.

По другой — в Лондонском отделении Квакерского комитета помощи жертвам войны [95] стало известно,

что беженцы, наводнившие центральные и восточные области европейской части России, голодают, им негде жить, у них нет работы и средств к существованию.

Английские квакеры приняли решение оказать помощь беженцам, но для начала им надо было выяснить, какая именно помощь из Англии могла облегчить тяготы мирного населения в России, что именно требовалось в первую очередь.

Генеральный секретарь Комитета Рут Фрай обратилась с этим вопросом в посольство Российской империи в Лондоне и получила следующий ответ за подписью первого секретаря посольства Е. В. Саблина:

Ambassade Imperiale De Russie

Londres

28 марта 1916 года

Г-же Фрай

Дорогая Мадам,

Спешу подтвердить получение вашего письма от 27-го марта с. г., и сообщить, что, высоко оценивая ваше замечательное предложение отправить группу квакеров в Россию для оказания помощи польским и другим беженцам, мы были бы рады получить рекомендацию от Министерства иностранных дел Великобритании в поддержку вашей Программы, а также аналогичный документ подобного рода от Объединенного комитета Общества Британского Красного Креста и ордена Св. Иоанна в Иерусалиме.

Когда мы получим заверенное согласие этих институтов на одобрение ваших планов, мы будем рады оказать вам всю необходимую помощь для содействия вашей экспедиции.

Остаюсь искренне Ваш

Евгений Васильевич Саблин,

Первый секретарь Императорского российского посольства.

На следующий день Рут Фрай ответила:

…Я связалась с Министерством иностранных дел по телефону, и они пояснили, что напрямую свяжутся с вами для того, чтобы вверить дело поездки нашей группы под ваше любезное попечительство.

У меня на руках есть документы от Британского Красного Креста и Ордена Святого Иоанна Иерусалимского для упомянутых выше джентльменов, которые они передадут вам, когда вы окажете любезность, пригласив их для собеседования, которое, как я надеюсь, могло бы быть проведено в пятницу утром, как это и было запланировано.

Уже в середине апреля 1916 года в столицу Российской империи Петроград прибыли квакеры Уильям Кэдбери, Джозеф Берт и Роберт Тэтлок, а неделю спустя к ним присоединился Теодор Ригг. Перед ними стояла задача разработать проект помощи беженцам, которые бежали от военных действий на западном

фронте. Для этой цели они провели целый ряд переговоров с британским послом и высокопоставленными российскими чиновниками.

В своем дневнике Ригг отмечал:

Все русские охотно помогают нам. Уильям Кэдбери, как глава нашей группы, получил рекомендательные письма для представления князю Львову и другим чиновникам, работающим в Земском союзе и Красном Кресте в Москве.

Англичанам удалось заручиться письмом министра иностранных дел С. Д. Сазонова товарищу (заместителю) министра внутренних дел В. М. Волконскому.

Милостивый государь мой,

Предъявитель сего, г-н Кэдбери, является англичанином, который был рекомендован мне британским посольством. Он прибывает в Россию с тремя друзьями, их целью является намерение найти применение для средств, находящихся в их распоряжении, для помощи бедствующим в России.

Эти джентльмены — квакеры, надежность которых не подлежит сомнению. Возможно, вы помните, насколько полезно было это Общество Друзей для наших соотечественников во время голода. Я был бы чрезвычайно признателен вам, если бы смогли оказать этим господам помощь и поддержку.

Примите мои искренние заверения в совершеннейшем к Вам почтении,

С. Д. Сазонов

Министр иностранных дел Российской империи

И хотя квакерам уже доводилось работать в России, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) Министерства внутренних дел Г. Б. Петкевич составил подробную докладную записку об истории этого движения, его целях и видах деятельности. Департамент курировал назначение руководителей неправославных конфессий, открытие новых неправославных приходов, ведал духовной цензурой для иноверцев, надзирал за их школами, доходами неправославных общин и т. д. Но главной его задачей являлась охрана устоев православия как государственной религии империи.

Записка Г. Б. Петкевича была адресована главе Департамента полиции генерал-лейтенанту Е. К. Климовичу, в ведении которого находились среди прочего охранные и сыскные отделения.

По поводу прибытия в г. Петроград представителей секты английских квакеров для оказания материальной помощи беженцам пострадавшим от войны.

Начато 27 апреля 1916

Совершенно секретно.

Его Превосходительству Евгению Константиновичу Климовичу.

М. Г. Евгений Константинович

По имеющимся сведениям, в целях оказания материальной помощи пострадавшим от войны беженцам прибыли в г. Петроград представители английской секты квакеров.

Вследствие чего считаю своим долгом сообщить Вашему Превосходительству следующие имеющиеся во вверенном моему управлению Департаменте сведения о названной секте, в связи с отношением ее ко внутренним делам нашего Отечества.

Секта квакеров, или, как они сами называют себя «Религиозное Общество Братьев» возникло в Англии в 17 веке и в первое время подвергалось суровым преследованием со стороны Английского Правительства.

С 1690 г. эта секта считается признанным исповеданием, причем в настоящее время она придерживается вероисповедных доктрин, тождественных с нашими молоканами Тамбовского толка. Во внутреннем строе секты существует суровая дисциплина и из отношений этой секты к государству, по условиям переживаемых обстоятельств военного времени, заслуживает особого внимания отрицательное ее отношение к войне и запрещение ее членам поступать на военную службу.

Состоявший во главе этой секты, умерший в 1915 году Фокс был в то же время председателем существовавшего в Лондоне общества под названием «Общество Англо-Германской Дружбы», и в иностранной прессе в первое время, по возникновении настоящей европейской войны были некоторые указания, будто бы Английские квакеры проявили недостаточно сочувственное к ней отношение.

Секта квакеров известна своим напряженным стремлением к пропаганде сектантских идей и, по свидетельству Генерального Секретаря существующей в Лондоне баптистской организации под названием «Русское Общество Евангелизации», русское сектантство имеет в лице квакеров «щедрых помощников». В чем выражается помощь квакеров русскому сектантству и кто из его представителей находится с ним в сношениях Департаментом Духовных Дел не установлено, но проявление квакерами интереса к русскому сектантству находит подтверждение и в письме Министра Иностранных Дел от 11 марта 1914 года № 19 на имя Министра Внутренних Дел о том, что высланный по постановлению Совета Министров из Петрограда бывший наставник Петроградской баптистской общины В. Фетлер, был их единомышленником, причем на квакеров оказывали настолько неблагоприятное впечатление арест Фетлера и привлечение его к судебной ответственности, что, по свидетельству Императорского посла в Лондоне, это могло повлечь потери симпатий к нам английских квакеров и вообще очень неблагоприятно отразится на отношении к нам английского общества.

Вследствие всего вышеупомянутого имею честь покорнейше просить Вас, М. Г., не будет ли признано соответственности сделать распоряжение об установлении за названными иностранцами особого наблюдения и о последующем, а равно и о тех лицах, с которыми они будут иметь особенно близкие отношения, не отказать меня уведомить.

Ваш покорный слуга

Тем не менее полиция никаких препятствий деятельности квакерской делегации не чинила: англичан принимали на довольно высоком уровне, и со стороны российских властей им оказывалось всяческое содействие.

Проблемы у них были совсем другого рода. Вот что сообщал об этом глава делегации У. Кэдбери в письме Р. Фрай, отправленном с дипломатической почтой британского посольства:

Петроград 19 апреля — 2 мая 1916 г.

Дорогая мисс Фрай,

…Мы здесь уже давно… Мы с Бертом лежали с гриппом и температурой, а затем наступили пасхальные праздники — самые длинные в году…

Министр внутренних дел предоставил нам полную статистику по беженцам, обеспечил нас рекомендательными письмами к губернаторам в разных губерниях вдоль Волги. Именно здесь имеется наибольшее скопление беженцев, поэтому предполагается отправиться в некоторые из этих центров — я имею в виду Симбирск, Казань, Самару и, возможно, Оренбург. Татлок и я надеемся сегодня отправиться в Москву, так как мы хотим застать там Львова и мы знаем, что он вскоре уезжает туда. Берт и Ригг поедут завтра. Мы планируем оставаться в Москве неделю или дней 10.

Климат тут суровый, и по причинам, которые я могу лучше объяснить по возвращении, я решил не ехать далее Москвы. Остальных троих будет достаточно, и мне ясно, что они вполне отлично справятся втроем. Полагаю, что им понадобятся услуги переводчика.

У. Кэдбери

Первых беженцев им довелось встретить на вокзалах, где люди ожидали оказии для переезда вглубь страны, а по прибытии в Москву квакерам удалось познакомиться с бытом перемещенных лиц. Теодор Ригг записал в дневнике:

Мы прибыли в Москву вчера. Здесь уже лето, кругом зелень. Москва — исключительно живописный город с обилием церквей, с многоцветными куполами, золочеными крестами. Все радует глаз — величественные стены Кремля, бульвары, утопающие в зелени.

Мы находим местные власти весьма дружескими по отношению к нам, стремящимися показать нам все, что делается для облегчения тяжкой доли беженцев, нашедших приют в этом городе. Мы были поражены размахом и размером работ на этой ниве. В пригороде Москвы, в одном из центров для беженцев размещено около 3200 человек. Люди разных национальностей; поляки, литовцы, русские. Все сделано для них. Они живут в хороших условиях, обеспечены пищей и одеждой, есть школы, церкви обеих конфессий: католическая для поляков и православная для русских.

Но, как нам поведали, многие беженцы с запада проживают в Поволжье, где условия жизни для них, особенно в деревнях, далеки от идеальных.

Вот как в отчете У. Кэдбери зафиксирована статистика по городам:

Всего беженцев, по данным, подтвержденным Министерством внутренних дел (апрель 1916 года), 2 768 395 человек (из них 2 562 000 человек в европейской части России).

Город	*Беженцы*	*В процентном отношении к местному населению*
Самара	*38 000*	*26,6*
Петроград	*62 000*	*2,9*
Москва	*53 000*	*3,3*

Расходы русских властей — наличные деньги, выдаваемые беженцам в размере 25 коп./сутки, в общей сложности составляют 25 266 650 фунтов стерлингов в год.

В каждом центре работают организации помощи:

1) Национальный комитет (называемый Татьянинским комитетом, по имени великой княжны Татьяны Николаевны).

2) «СоБеж».

3) Организации, работающие с конкретными национальностями: польские, еврейские…

4) Сугубо местные или частные организации.

В своих посланиях в Лондон квакеры отмечали, что английский язык в России не был общеупотребительным и не годился для общения с представителями властей. Никто из чиновников не владел английским на уровне, достаточном для беседы. Выручил Татлок, который знал французский. При этом англичане отмечали, что «немецкий язык в России вообще *verboten*» (запрещен. — *нем.*).

Итак, Кэдбери вскоре уехал из Москвы в Петроград, а оттуда — в Лондон. Трое оставшихся квакеров отправились дальше на восток, в Самару.

Путешествие на поезде заняло 36 часов. У путешественников были с собой рекомендательные письма самарскому губернатору, в земство, в местное отделение общества Красного Креста. Власти на местах оказывали квакерам очень теплый прием. Губернатор Андрей Афанасьевич Станкевич, искренне рассчитывая на помощь своей губернии, сообщил англичанам, что на вверенной ему территории проживают 170 000 беженцев, многие из которых пережили тяготы пути с запада и холодную зиму. По его словам, тысячи беженцев умерли от тифа и общей неустроенности. Особо он подчеркнул, что среди беженцев много детей-сирот, которые требуют большего внимания, чем то, какое власти были в силах им уделить. Официальные лица, с которыми довелось встретиться квакерам в Самаре, советовали им отправиться в Бузулук, уездный город, расположенный на востоке Самарской губернии. Условия жизни беженцев здесь считались наихудшими.

В Самаре англичанам показали несколько центров для беженцев. Они съездили во Владимировку, расположенную в 60 километрах от города, и в Екатериновку — в обеих деревнях расселили беженцев.

По свидетельству Ригга, беженцам в полное распоряжение предоставили там три больших дома, куда заселились приблизительно по 50 человек. При этом поляки были размещены отдельно от русских по причине разных вероисповеданий и, как выяснили квакеры, по причине различия в употребляемой пище.

Беженцы рассказали им, что власти обеспечивают их жильем, дровами и керосином, но жить им приходилось на скудное жалованье, размер которого был определен в сорок копеек в день на человека. Они выражали недовольство тем обстоятельством, что жалованье, предназначенное на пропитание, выдавалось с задержкой, а одеждой, вопреки положению о беженцах, власти их не обеспечивали.

Карта Бузулукского уезда.

Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, Самара, 1912

Ригг и его товарищи прислушались к совету посетить Бузулук, и, заручившись теперь уже в Самаре рекомендательными письмами к местному земству и чиновникам администрации, отправились туда. Представители губернатора и земства встретили англичан тепло. Однако некоторые жители города никак не могли взять в толк, почему эти иностранцы заинтересовались беженцами и даже решили, что работа

с беженцами — это часть какого-то тайного зловещего плана. Зато гостеприимные земские чиновники в честь прибывших издалека гостей дали обед и организовали поездку по деревням, где ранее расселили беженцев. Вот тут-то и выяснилось, что жители сельских районов остались практически без медицинской помощи: местные власти из-за нехватки медицинских работников, призванных на войну, вынуждены были закрывать здесь больницы и амбулатории.

Бузулукский уезд Самарской губернии в 1913 году насчитывал 6 станов и 51 волость с деревнями и селами. Несколько волостей входили в один врачебный участок, которых было несколько по всему уезду. У участка имелись больница и участковый врач, и каждый такой врач обслуживал обширную по английским меркам территорию, равную по площади графствам Сюррей или Сассекс. К моменту прибытия в уезд делегации квакеров медицинскую помощь там оказывать было некому: на многих участках больницы были закрыты, врачей и их помощников призвали в действующую армию.

Квакеры — совместно с принимающим их земским секретарем и переводчицей мисс Манир — осуществили ряд инспекционных поездок по уезду. Вначале они направились на север, в село Могутово. Квакерам сказали, что в этой деревне имелся большой дом, в котором никто не жил. Некогда он принадлежал московскому табачному купцу Бостанжогло, но теперь пустующим зданием владело земство. Квакеры заранее решили в этом строении открыть детский дом для беженцев.

Это было первое знакомство квакеров с русской глубинкой. Теодор Ригг подробно описал детали поездки: гостеприимство и хлебосольство местных помещиков, каждый из которых непременно желал познакомиться с англичанами, накормить и напоить их. Квакеры завели знакомство с местной бузулукской знатью: бывшим предводителем дворянства Андреем Павловичем Ждановым, семейством Стобеус. Из Могутова путь лежал в расположенное неподалеку село Державино, где имелись небольшая больница и амбулатория. В мирные времена больница обслуживала крестьян северных поселений Бузулукского уезда. Теперь же и амбулатория, и больница были закрыты. Дальше их путь лежал в Плешаново, где квакеры осмотрели местные амбулаторию и больницу; они были приятно удивлены условиями работы и наличием сотрудников. После Плешанова была Грачевка, в которой имелся больничный центр, обслуживавший население волостей Талли, Ключей и Кузьминовки. В Грачевке нашли приют около 700 беженцев из русскоязычного населения Польши. Квакерам рассказали о закрытии больниц в Любимовке и Андреевке. Неутомимые англичане снова двинулись в путь и провели день в этих селах. Условия, в которых жили беженцы и местные крестьяне этой южной части уезда, произвели на квакеров удручающее впечатление. Уровень жизни был ужасный, беженцы испытывали нужду во всем. Закрытие больниц в Андреевке и Любимовке весьма усложнило жизнь и местного населения, и беженцев южной части Бузулукского уезда, а также прилегающей территории Уральского уезда. Неудивительно, что волостные чиновники проявили большую заинтересованность в открытии больниц в этих двух деревнях, пообещав англичанам самое активное содействие.

По возвращении в Бузулук Ригг и двое его товарищей поблагодарили власти города за организацию поездки в составленном ими докладе, переданном властям Бузулука 23 мая (5 июня) 1916 года.

Во время встречи с земством квакеры подробно изложили, в чем могла бы заключаться их работа в Бузулукском уезде, и составили план неотложных мер:

1. Открытие и обеспечение штатом больницы и амбулатории в Любимовке.

2. Открытие детского дома в доме табачного купца в Могутово и открытие там же амбулатории, что могло бы частично компенсировать закрытие больничного центра в Державино.

3. Открытие центров для трудоустройства беженцев в Любимовке и других деревнях, как только для этого найдется необходимый штат.

4. Раздача одежды и спецпитания беженцам в деревнях по соседству с больничными центрами.

План был одобрен земством, английским помощникам была обещана всемерная поддержка при осуществлении указанной работы.

Отчет о поездке, а также предложения по организации работы в Бузулукском уезде должен был передать Комитету помощи жертвам войны Джозеф Берт, который возвращался в Лондон.

Вот что писал Ригг в сопроводительном письме:

Теодор Ригг

Бузулук

Самарская губерния

8 июня 1916 года

Дорогая Рут Фрай

…Теперь наконец мы понимаем, что осмотрели районы, где ситуация сложилась весьма благоприятно для нашей работы и где существует большая потребность в медицинской работе и материальной помощи одеждой. В Бузулукском уезде насчитывается около 35 тысяч беженцев, из Ташкента и Туркестана ожидается приезд еще 10 тысяч человек. Они в основном расселены в деревнях, тогда как в самом Бузулуке всего 1500 беженцев. Мы завершили инспекцию типичных участков Бузулукского уезда, что дало нам достаточное представление о ситуации с беженцами и жизни местных крестьян. <…> Я совершенно уверен, что если бы наши женщины могли говорить по-русски, такая группа могла бы быть эффективно использована в работе по распределению одежды и в организации мастерских и т. п. — при поддержке Бузулукских властей.

Вчера председатель Татьянинского комитета выразил надежду на то, что мы поможем им в распространении одежды для беженцев, которая у них уже имеется в наличии. Когда наши работники хоть немного подучат русский, я уверен, мы сможем привлечь больше женского персонала для работы среди беженцев. Что касается мужского персонала, то на настоящий момент мы пока не видим, как их можно было бы задействовать с пользой для дела. Понятно, что по мере увеличения потребности

в рабочих руках найдется работа и для нескольких мужчин, но на данный момент мы не можем советовать вам отправлять кого-либо из сотрудников мужского пола.

После отъезда Роберта Берта Теодор Ригг и Тэтлок решили составить максимально подробные требования к набору штата, а также список всего, что требовалось для осуществления задуманного. В качестве первого шага они считали необходимым снять дом, который мог бы служить квакерам для жилья и для работы. Ригг вновь отправился в Любимовку и Могутово, чтобы уточнить, какого рода перепланировки и ремонтные работы потребуются в таких двух домах. Надо было продумать все до мелочей: меблировку, обеспечение кроватями, продовольствием, дровами.

Первая партия медицинских работников и помощниц из Англии добиралась в Россию через Норвегию и Швецию; в июне они прибыли в Бузулук. Таким же путем добиралась и вторая партия англичан, оказавшаяся на месте в конце августа 1916 года. Среди них были замечательные люди. Главным медиком был доктор Дж. Тэйлор Фокс, а в числе его помощниц были уже известные по своей работе во Франции и Сербии Флоренс М. Барроу, Дороти Уайт, Мэри Паттисон и Элеанор Линдсей.

Необходимо было детально продумать план работ, озаботиться размещением квакерского штата в Любимовке и Могутове. Серьезной проблемой было отсутствие переводчиков, без которых сотрудникам было сложно, а порой и невозможно работать. Группе с самого начала помогала мисс Манир, оказавшая неоценимые услуги на раннем этапе переговоров с местными властями. Немного позднее появились мисс Уэбстер и мисс К. Жукова, прибывшая туда из Ростова.

В качестве главной задачи квакеры считали открытие больницы в Любимовке. Для отбора детей в детдом в Могутове необходимо было предварительно провести обследование семей беженцев. Доктор Дж. Т. Фокс, Элзи Фокс, Дороти Уайт и необходимый штат сиделок отправились в Любимовку, чтобы отрыть больницу и заняться трудоустройством беженцев. Флоренс Барлоу совместно с другими работниками занялась обследованием семей беженцев в окрестностях Любимовки и Андреевки.

Той же осенью из Англии прибыли еще работники, благодаря чему квакеры смогли укомплектовать штат детдома в Могутове и открыть центры для беженцев в Богдановке и Ефимовке.

Местные власти, судя по дневникам и письмам квакеров, относились к Английской миссии благожелательно. Местное население, которое не жаловало беженцев, по-доброму относилось к англичанам, которые помогали всем: и беженцам, и местным. В самарской газете «Волжский день» осенью того года была опубликована заметка «Англичане в деревне», в которой отмечалось, что Бузулукское земство предоставило в распоряжение англичан две уездных больницы: любимовскую и андреевскую, а также дом в имении Бостанжогло в селе Могутове. При этом англичанам было поставлено условие, чтобы медицинскую помощь они оказывали не только беженцам, но и местному населению. В заметке говорилось, что все необходимые медикаменты поступали квакерам

непосредственно из Англии, а также что врачи добросовестно относились к своим обязанностям, и местное население им вполне доверяло.

В октябре 1916 года квакеры организовали переезд нескольких семей беженцев и сирот из южной части уезда в отремонтированный дом Бостанжогло в Могутове. У некоторых беженцев главы семейств умерли либо их не было вообще. Перевезти их оказалось труднее, чем предполагалось. Но к середине октября переезд был завершен, и квакеры очень этому радовались, тем более что они успели до первого снега. В конце ноября квакеры назначили одну из своих сотрудниц, мисс Вебстер, руководителем могутовского дома. В этом же селе работали мисс Грейвсон и мисс Линдсей. Представителем Комитета в Могутове был Вилфред Литтл.

Офис квакерской миссии в 1916–1918 годах находился в доме 27 на Оренбургской улице в Бузулуке. Иллюстрированная почтовая карточка, нач. XX в.

На огромной территории Бузулукского уезда, в шести медицинских центрах, созданных в больших селах, началась рутинная работа. Кроме поликлиники и больницы, квакеры открыли в Могутове мастерские, чтобы занять беженцев работой, дать им средства к существованию.

Основной офис Квакерской миссии помощи находился в Бузулуке, на улице Оренбургской, в доме 27. Официально он назывался так: *Английская Миссия. Общество Друзей по оказанию вспомоществования*

жертвам войны.

Теодор Ригг писал:

Я нахожусь в Бузулуке, который теперь называю своим домом. Здесь наша штаб-квартира. Нас тут трое, но нам редко удается собраться вместе. Кто-нибудь обязательно находится в разъездах. Чаще всего я. Как приятно возвращаться домой, в Бузулук, и как я радуюсь, когда на горизонте виднеются кресты и купола бузулукских церквей. Это значит, что скоро я буду дома. Здесь мы ощущаем некоторую свободу, недостижимую в такой же мере в других местах. Здесь мы можем отбросить некоторые формальности, забыть о каких-то трудностях. Приятно узнавать мировые новости, которые доходят до этой части России, наслаждаться неторопливой беседой на самые разные темы с моими коллегами.

Понятно, что не все шло гладко, случались ошибки. Не всегда все удавалось хорошо скоординировать, силы и время тратились порой не на самое насущное. И тогда, и в последующие годы квакеры пытались действовать по шаблону, делать все так, как если бы это было в Англии. Например, пытались организовать работу по стандартам британских больниц. Квакерский комитет в Лондоне, в свою очередь, допустил ряд ошибок в выборе сотрудников для миссии, и эти ошибки часто приводили к сложностям и взаимному недопониманию между Бузулуком и Лондоном, а также к трениям внутри квакерского коллектива, работавшего в России.

Увы, никто из приехавших в Бузулук не был хорошим администратором. Приходилось учиться на ходу, набирать опыта на практике, и, похоже, никто так в этом и не преуспел. Не следует забывать, что большинство сотрудников были очень молоды. И все они приехали сюда из благополучной Англии, можно сказать, из тепличных условий, из своих удобных домов. Живя своей сравнительно безопасной жизнью в Великобритании, многие никогда не сталкивались с реальной жизнью бедняков, с ужасами эпидемий. Никто из них не знал, что значит потерять дом, хозяйство, свое место в жизни, бросить все и бежать, уехать на сотни и тысячи километров от дома.

В России окружающая действительность не имела ничего общего с тем, чему их учили дома, не была похожа на то, к чему они привыкли на родине.

Нельзя не удивляться смелости и настойчивости, с которыми члены этого случайного коллектива подошли к решению стоявших перед ними задач. Тем более что все попытки, предпринимаемые ими для того, чтобы принести помощь и утешение несчастным людям, среди которых они очутились, с самого начала казались обреченными на неудачу.

Усилия квакеров могли показаться мизерными по отношению к проблеме, которую они пытались решить. Но они делали все, что было в их силах, и полностью отдавали себя своей работе. Своей искренностью и честностью, сами того не осознавая, они проложили путь для следующей миссии квакеров, которая осуществлялась во время страшного голода 1921 года.

Самым насущным требованием беженцев была занятость, работа. Только работа могла помочь им избавиться от апатии, скуки, безысходности, обуревавших каждого переселенца. После деятельной жизни у себя дома эти люди внезапно остались не у дел, в одночасье превратились в нищих, зависящих от милости окружающих.

На встречах с квакерами звучало однозначное мнение: для того чтобы обрести утраченное чувство собственного достоинства, беженцам нужна работа, а не раздача питания в суповых кухнях или иная форма благотворительности. Квакерам следовало безотлагательно создавать условия для работы беженцев, чтобы, кроме занятости, у них был еще и заработок. Им нужно было найти помещения для мастерских; все материалы для работы должны были поставляться из Бузулука, а это как минимум 8–10 часов езды на гужевом транспорте: именно на таких расстояниях от города находились квакерские центры. Кроме того, надо было выбрать такой род деятельности, который был бы под силу любому беженцу, а это не так-то легко. Ограниченность в средствах заставляла искать что-то такое, что пользовалось бы большим спросом, а расходы на материалы и зарплату возмещались бы без задержек. Да и сама продукция должна быть такой, чтобы продажа ее давала прибыль квакерской миссии, тем самым обеспечивая ее будущее и самоокупаемость.

После нескольких экспериментов было решено, что лучшим решением было бы прядение пряжи. Из ниток можно было вязать теплую одежду: носки, чулки, зимние фуфайки, можно было изготавливать незамысловато вышитое домашнее белье. Пожилые женщины могли прясть пряжу, молодые — вязать. Была и небольшая группа специалистов по вышивке. Некоторые научились шить фуфайки, и дело пошло. Люди стали получать жалованье, соответствовавшее уровню заработков в этих краях. При этом они исходили из рыночной цены на произведенную продукцию. Понятно, что ограниченность в средствах не давала развернуться: работу, однако, получили по одному человеку из каждой беженской семьи, хотя бы на 3–4 дня в неделю.

К ноябрю 1916 года мастерские открыли в Богдановке, Любимовке, Андреевке и Могутове. Многие теснились в маленьких помещениях; каждой мастерской заведовал квакер из Английской миссии. В Преображенском беженцы получали шерсть, пряли и вязали прямо на дому, а в феврале 1917-го открылась еще одна мастерская. Теодор Ригг писал в дневнике:

Мы открываем новый центр помощи в Ефимовке. Я занимался ремонтом помещений, которые мы будем использовать в своей работе. Кроме того, мы приобретали материалы, необходимые для работы центра. Это довольно долгое и хлопотное дело, ибо кое-что надо было покупать в Самаре, потом организовать доставку поездом в Бузулук, а уже оттуда — на санях в деревню Ефимовка.

За зиму работой обеспечили 730 женщин и девушек, что дало финансовое обеспечение 2800 беженцам. Со временем стало понятно, что самым выгодным занятием было производство тканей: цена на мануфактуру поднималась, а качество продукции повсюду падало. Попробовали сначала в Андреевке, получилось.

Тогда было решено заняться ткачеством в каждом квакерском центре. Ткацкие станки изготовили беженцы, которые — в силу возраста — обладали опытом и знанием. Вязальщикам пришлось переквалифицироваться в ткачей, и это занятие стало самым важным предприятием в местной кустарной промышленности. В уезде стали шить отличную одежду, в городе такие вещи были в дефиците, и, если товар достигал прилавков магазинов или рынков, покупателям приходилось выкладывать хорошие деньги, чтобы приобрести продукцию, сделанную руками беженцев.

В феврале 1917 года Теодор Ригг с коллегами встретился в Самаре с бывшим предводителем дворянства Бузулукского уезда Булыгиным. Глава квакерской миссии писал в Лондон:

Мы беседовали с господином Булыгиным в Гранд-отеле, в Самаре… Мы пояснили ему, что после консультаций с нашим Лондонским комитетом и ввиду возрастающей вероятности достижения мира раньше, чем это ожидалось, мы решили разобраться, в чем могут нуждаться беженцы, возвращающиеся в разрушенные губернии на западе России и в Польше.

Князь Львов, с которым квакеры встретились в эти же февральские дни, посоветовал им непременно пообщаться в Петрограде с Алексеем Борисовичем Нейдгардтом, тогдашним главой Татьянинского комитета.

Татьянинский комитет, которым руководил Нейдгардт, был центральным органом попечения о нуждах беженцев в Российской империи. В их ведении было много детских домов, схожих с тем, какой квакеры организовали в Могутове. На встрече с Львовым квакеры выразили намерение встретиться с графиней Ольгой Толстой. Львов сказал, что графиня Толстая накануне уже поведала ему о квакерах, и он надеялся, что она представит англичан его родственнице, которая как раз руководила детским домом для детей беженцев в Минске.

И хотя квакеры рассматривали планы расширения своей работы в России, тем не менее они остались в Бузулукском уезде. В феврале 1917 года в Любимовке прошло очередное заседание квакерского комитета, на котором было решено, что 1000 фунтов стерлингов в месяц достаточно для того, чтобы покрывать все расходы Английской миссии. Апрельское заседание комитета Английской миссии, проведенное в той же Любимовке, заслушало отчет доктора Фокса, который вместе с Татлоком побывал в Самаре, Москве и Петрограде. Кроме того что эти двое стали свидетелями Февральской революции в столице, у них состоялось много полезных встреч как с чиновниками, так и с вышедшими на свободу политическими противниками царского режима.

Доктор Фокс рассказал о знакомстве с графиней Толстой и ее друзьями в Москве. Он предложил пригласить ее в Бузулук, чтобы она могла своими глазами увидеть, чем квакеры занимаются в уезде. На этом же заседании было предложено попросить Лондонский комитет выслать в Бузулук информацию об исторических связях квакеров с Россией в прошлом.

Видимо, в эти дни у квакеров появилась мысль о долговременности их отношений с Россией, с русским народом. Революционные события давали множество надежд и ожиданий. Возможно, именно тогда в голову Теодору Риггу пришла идея квакерского посольства, идея, которую он отстаивал в беседах с коллегами как в России, так и в Лондоне. Не исключено, что одним из побудительных импульсов была встреча с Ольгой Толстой в Москве.

Графиня Ольга Константиновна Толстая, урожденная Дитерихс, — невестка Льва Николаевича Толстого, теща Сергея Есенина, сестра героини картины Ярошенко «Курсистка», сестра начштаба Колчака. Первой из россиян она вступила в Религиозное общество Друзей, но это произошло значительно позже.

Когда Ольге было 27 лет, эта красивая, умная, образованная и увлеченная идеями Толстого (ее сестра была замужем за В. Чертковым) девушка познакомилась с повесой и весельчаком Андреем Толстым, сыном писателя. Вскоре они поженились, родились дети: Соня (1900) и Илья (1903). Но уже в 1904 году, после пяти лет семейной жизни, Андрей увлекся Анной Толмачевой, дочерью генерала Соболева. Ольга, узнав об этой связи, уехала с детьми в Англию, к сестре Анне. Сестра жила там со своим мужем Владимиром Григорьевичем Чертковым, который вынужден был покинуть Россию семь лет назад: его выслали из страны за помощь русским духоборам.

В Англии состоялось первое знакомство Ольги Толстой с квакерами: они проявляли большой интерес к идеям Толстого и к Черткову. Собственно, Ольга по своей натуре полностью соответствовала идеалам квакеров: мудрая, религиозная, стремившаяся помочь нуждающимся, сторонница ненасилия.

Эти черты невестки пришлись по сердцу великому русскому писателю, который обожал Ольгу и внуков — детей своего легкомысленного сына. Андрей Львович, расставшись с Толмачевой, увел из семьи жену тульского губернатора Арцимовича. На этот раз у него возникло серьезное чувство, и он даже отправился в Англию, к жене, и развелся с ней. В 1908 году он женился на Екатерине Арцимович. Оставшись одна с двумя детьми, Ольга Константиновна вернулась в Россию.

Встречи с английскими квакерами сделали ее имя известным в британском Обществе Друзей; они поддерживали контакты с Ольгой уже после того, как она возвратилась на родину. Весной 1917 года британские квакеры Фокс и Татлок встретились в Москве с Толстой, а квакеры, работавшие в Бузулуке, попытались привлечь Ольгу Константиновну к их деятельности. Они обратились к графине Толстой с вопросом, не сможет ли та помочь в деле поиска постоянного учителя для приюта в Могутове, поскольку «тот педагог, который был послан в село земством, не может считаться удовлетворительным». Квакеры всячески пытались зазвать Ольгу Толстую в Бузулук, но она так и не покинула Москву.

На майском заседании квакерского комитета в Бузулуке стало известно о приезде квакеров из США. Квакеры, находившиеся в России, одобрили решение Лондона о направлении из Америки четырех

работников для помощи беженцам. Трое из них должны были работать в южной части уезда, четвертый — в Могутове.

Бурные события в стране не обошли стороной и квакерскую миссию. В апреле 1917 года Теодор Ригг так писал в дневнике:

В России происходят знаменательные события; революция была принята населением Бузулука, состоялась небольшая демонстрация; прошли с флагами, прозвучали какие-то здравицы, немного речей, но все обошлось без беспорядков. Эта часть России, кажется, вполне поддерживает революцию; великий день для России; возможности впереди — головокружительные; может быть, это начало новой эры.

Двое из нас, д-р Дж. Т. Фокс и Р. Р. Тэтлок исследуют возможность начала работы для беженцев из городов Вильно и Гродно, живущих в этих районах. Я лично не думаю, что мы сможем много сделать в этом направлении сейчас, поскольку несколько наших работников отбывают в Англию.

В самом деле, той весной и летом несколько сотрудников миссии уехали домой, так что в течение одного месяца квакеры лишились трех высококвалифицированных медицинских сестер, что, конечно, было серьезным ударом по штату медработников, и без того не полностью укомплектованному. В Любимовке разразился тиф. Маргарет Барбер, про которую говорили, что «она знает всех и все крестьяне знают ее», смогла на самом раннем этапе понять опасность и умудрилась вовремя диагностировать болезнь и уговорить заболевших перебраться в больницу. В Бузулук приехал сотрудник британской медицинской миссии в Китае доктор Бредли. Он решил свой шестимесячный отпуск провести в России, и его направили в Андреевку. Именно он, его опыт оказались как нельзя кстати: доктор был специалистом по редким заболеваниям, характерным для Дальнего Востока. Многие остававшиеся в России сотрудники миссии не смогли уберечься от болезней, что добавило сложностей в работе: надо было перетасовывать коллектив, перемещая людей с одного места на другое. Другая причина для беспокойства заключалась в том, что неурожай того года грозил нехваткой питания следующей весной. Планировать будущую работу в такой обстановке, с учетом неопределенности политической и экономической ситуации, становилось все сложнее. Росло беспокойство среди перемещенных лиц, штат английской миссии сокращался. Лето 1917 года было периодом замешательства и неопределенности.

ГЛАВА 2

Приезд шести сотрудниц из США. Работа в квакерских больницах, приютах и мастерских. Появление в Бузулуке большевиков. Регистрация брака англичанина с американкой в Бузулукском совдепе. Приют для детей беженцев в Спасо-Преображенском монастыре. Идея квакерского посольства. Надежды и планы весны 1918 года.

В августе 1917 года поздно вечером к Бузулукскому вокзалу, расположенному на приличном расстоянии от города, подошел поезд. Из вагона вышли шесть молодых женщин, но только одна из них понимала русский и могла на нем говорить. Это была Амелия Фабиржевская, уроженка Царства Польского, в недавнем прошлом российская подданная, эмигрировавшая в США и успевшая получить американское гражданство незадолго до отъезда. Остальных звали Нэнси Бабб, Эмили Бредбери, Анна Хейнс, Лидия Льюис и Эстер М. Уайт.

Эмили Бредбери так описывала эти события в своем дневнике:

26 августа 1917 года, воскресенье. Приехали на поезде (из Кинеля) и сошли в Бузулуке около 22 часов — никто нас не встретил, никто на вокзале, казалось, не знал об английской миссии, и никого из них не знали. Чиновники стали звонить по телефону, чтобы найти хоть кого-то, кто мог говорить по-французски. Наконец нашли одного джентльмена, который был ужасно милым и сказал, что поедет и привезет мистера Ригга. Он привел с собой жену, которая настояла на том, чтобы мы пошли к ним в дом, и мы находились там до тех пор, пока не прибыл мистер Ригг. …В конце концов все образовалось, добралась до постели в 2 часа ночи.

Здание вокзала в Бузулуке.

Иллюстрированная почтовая карточка, нач. XX в.

27 августа 1917 года. Понедельник. Мистер Ригг утром пришел за нами, чтобы отвести нас в офис на завтрак — офис расположен примерно в 16 минутах ходьбы от гостиницы, это дом, в котором три комнаты и кухня, где живет прислуга, все они — беженцы, в основном немцы.

Квакерская команда в Бузулуке стала международной. Несмотря на то что американки говорили на английском языке, Ригг отмечал в дневнике:

Я и не знал, что в Америке по-прежнему среди квакеров в ходу особый, квакерский стиль речи. В Англии молодое поколение квакеров уже не использует все эти «thee» и «thou». Забавно слышать, как они обращаются друг к другу. Их беседы в типично американском духе — нечто новое для нас. Получилось так, что я был единственным старшим в бузулукской группе, когда сюда приехали американцы. Поэтому назначение их по разным центрам стало моей задачей. Однако при помощи Анны Хейнс мне все удалось, и мы распределили американских Друзей по тем точкам, где, как мы полагали, они могли быть наиболее полезны. Американки расселились по своим новым домам, и вскоре активно включатся в работу.

Вот как распределили американок в сентябре 1917 года:

мисс Л. Льюис — Детдом в Могутове;

мисс Н. Бабб — Могутово, больница;

мисс Бредбери — Ефимовка;

мисс Хейнс — Любимовка;

мисс Фабиржевская — Любимовка, поликлиника;

мисс Уайт — Богдановка, помогает мисс Линдсей.

Уже 15 сентября 1917 года Анна Хейнс была избрана представителем американцев в квакерском комитете в Бузулуке, она отвечала за поддержание связи между вновь прибывшими соотечественницами и Комитетом служения американских Друзей (AFSC) в Филадельфии.

Американки весело и с энтузиазмом принялись за работу. Мог ли кто из них подумать, что уже через два месяца совершится еще одна революция, повлекшая за собой беды не менее ужасные, чем беды военной поры?

Но на дворе стоял сентябрь 1917 года, и для работавших в Бузулукском уезде англичан приезд заокеанских сестер по вере ощущался как дуновение свежего ветра. Надо сказать, что это был первый случай совместной работы американских и британских квакеров. Американкам методы работы английских коллег казались не вполне профессиональными, любительскими, зачастую бесцельными и затратными с точки зрения эффективного использования людских ресурсов. Подход американцев к решению проблем был более обезличенным, но от этого участники не становились менее вовлеченными в дело. Они хотели все делать с размахом, действовать стратегически, при этом были весьма ограничены в средствах. Американские квакеры хотели распределять все, что можно, исходя из своего понимания справедливости и равноправия в тех условиях и в той ситуации, в которых они находились в тот момент.

Продолжалась активная работа мастерских в квакерских центрах помощи беженцам. В переписке с Лондоном поднимался вопрос закупки шерсти в Англии для переправки ее в Бузулук, где беженцы уже могли работать с пряжей. Изготовленные беженцами шерстяные чулки отправляли в Татьянинский комитет в Самару — чтобы там помогли с реализацией продукции или обменом на другие носильные вещи.

Детдом в Могутове заполнился новыми детьми. Постоянно не хватало переводчиков, Могутовскому дому очень был нужен учитель. В поисках учителя стучались буквально во все двери, даже, как мы помним, обращались к жившей в Москве графине Ольге Толстой.

В Могутове действовала небольшая больничка, которой до квакеров не было вообще. С августа 1917 года там работал английский доктор Джон Рикман. Квакеры в этой лечебнице старались придерживаться стандартов, принятых для британских больниц, так же было и в других квакерских лечебных заведениях Бузулукского уезда.

Как говорилось выше, это была одна из ошибок иностранцев, работавших в тех краях. Попытки все организовать, как в Англии, к успеху не приводили. Осуществив ревизию имевшегося оборудования, Джон Рикман обнаружил, что в его распоряжении было совсем немного хирургических инструментов, лохань, выполнявшая функции стерилизатора, перевязочный материал в более-менее достаточном количестве и некоторый запас лекарств. Однако при этом в больнице не было ни канализации, ни водопровода. Отсутствовал бойлер, не было ванн и дезинфектора. Приходилось пользоваться примусом и дровяной плитой даже для того, чтобы вскипятить воду в чайнике.

Доктор Рикман решил поменять политику вверенного ему заведения и сделать Могутовскую больницу центром, в котором родственники пациента могли бы научиться ухаживать за больным в условиях, весьма схожих с условиями жизни в их избах. Насколько далеко его идеи перешли установленные границы, видно хотя бы из того, что в больнице стали меньше использовать дезинфицирующие средства. И вот что удивительно: хотя в тот период сообщалось о нескольких случаях заболеваний в уезде брюшным тифом и менингитом, в Могутово вспышки этих болезней не было.

Сюда же, в Могутово, была переведена Амелия Фабиржевская. Она заведовала больничным хозяйством и обучала двух крестьянских девушек азам сестринской работы в домашних условиях. Такой комбинированный русско-иностранный подход принес свои результаты: местное население оценило тот факт, что квакеры не насаждали свои правила, а легко подстраивались под имевшиеся условия.

Важно было передать знания местным жителям, чтобы, после того как квакерская миссия уедет, они могли сами продолжить начатое. Местные девушки, прошедшие через больничные курсы, становились своего рода мединструкторами — когда английская миссия покинет Бузулук и окрестности, они могли на практике обучать других — друзей и родственников нехитрым навыкам: как застелить постель, как приготовить вкусную похлебку, как успокоить напуганных и помочь уснуть тем, кто лишен помощи квалифицированных специалистов, — этому несложно было научиться. Джон Рикман вспоминал, что они видели свою задачу в том, чтобы привить местным жителям стремление к порядку и аккуратности, к гигиене домашнего быта, научить их применять полученные опыт и знания в борьбе с болезнями.

Несмотря на бурные события в Петрограде, в Бузулуке осенью 1917 года было относительно спокойно. Протоколы ежемесячных собраний Квакерского комитета пестрят бытовыми проблемами: Решено поощрять сотрудников квакерской миссии в Могутове периодически приезжать в Бузулук предстоящей зимой. Прошлой зимой были жалобы на однообразие жизни в удаленном Могутове, на монотонность работы в четырех стенах — все это делало жизнь в селе особенно трудной.
Было решено изменить название должности «секретарь миссии» на «руководитель миссии»: название «секретарь» в глазах русской бюрократии звучало неубедительно. Квакеры решили также «просить Лондон прислать специалиста с практическими знаниями молочного производства, мясокопчения и садоводства» — такой человек был нужен в том же Могутове. Также они намеревались напечатать

и распространить 2000 экземпляров брошюр на русском языке под названием «Кормление детей» и «Диета». Сотрудники миссии в Могутове предлагали заняться распространением информации о работе квакеров, чтобы о ней стало известно как можно большему числу россиян. В этом деле они планировали прибегнуть к помощи графини Толстой и г-на Черткова.

Но не все было благостно. Американка Эмили Бредбери записала в своем дневнике:

5 ноября 1917. Миша, мальчик 15 лет, сказал мисс Ли сегодня: «Они говорят о свободе, а на самом деле каждый думает только о себе и делает все только для себя». Это высказывание неплохо иллюстрирует взаимоотношения местных жителей.

Однако спокойная жизнь постепенно изменилась к худшему. Отзвуки революции дошли и до этих мест. Через два дня Эмили Бредбери записала:

7 ноября 1917 года в Бузулук прибыли солдаты, которые насильно заставляли местных жителей делиться зерном с беженцами. К нам и так не очень хорошо относятся местные за нашу работу с понаехавшими, и приезд солдат с их требованиями должен показаться довольно странным совпадением.

В декабре 1917-го квакеры рассматривали возможность закупки муки в Сибири, планируя затратить на приобретение продуктов питания 30 000 фунтов стерлингов. В Лондон и Филадельфию были отправлены запросы на дополнительное финансирование, а Фрэнка Кедди попросили полностью переключиться на реализацию проекта по доставке муки. Нехватка продуктов питания тревожила квакерскую миссию, Анну Хейнс из американской группы попросили связаться с главой Американского Красного Креста Реймондом Робинсоном, рассказать ему о положении дел и попросить помощи. Собрание квакеров приняло также решение отказаться от плана расширения обувной мастерской в Андреевке. Ричард Рейнолд Боллс просил 4000 рублей на создание мастерской, но собрание постановило, что отныне все деньги должны были тратиться только на продовольствие.

18 декабря 1917 года в отчете лондонскому комитету квакеры писали:

Здесь появились большевистские войска…

…Один крестьянин был убит, а помещик, как сообщается, тяжело ранен, но тем не менее он сумел бежать со своей семьей, спасаясь от мести крестьян. Этот случай произошел в Ждановке, деревне, хорошо нам известной.

Таким образом, в настоящее время мы, Английская миссия, остаемся практически единственными представителями класса интеллигенции, проживающими в округе… Мы по-прежнему находим возможным сотрудничать с крестьянским советом, работать с ними и помогать им… чтобы уменьшать разрыв, который отделяет крестьянский класс от класса интеллигенции в России…

…Поэтому я не сомневаюсь в том, что настало самое время для нашей помощи. Помогая сейчас, мы помогаем преодолевать расхождения между различными партиями в России. Мы поможем восстановлению республики.

…Мы сделаем имя Общества Друзей благословленным тысячами, а имена англичан и американцев именами, которые с благодарностью и любовью будут вспоминать много лет спустя.

8 февраля 1918 года в своих отчетах в Лондон и в Филадельфию квакеры пишут, что «большевики демонстрируют полное уважение к квакерский миссии», а чуть позже (21 февраля) сообщают:

…В течение последних двух недель большевистские комиссары предприняли ряд решительных мер против капиталистов и класса имущих в Бузулуке…

…Положение беженцев в настоящий момент чрезвычайно плохо: крестьяне отказываются давать для них хоть сколько-то продуктов.

Угроза голода была явственной, и квакеры обсуждали поездку Кедди и Литтла в Самару и Уральск — пополнить продовольственные запасы для продолжения работы вспомоществования. В Уральском районе было куплено сто пудов муки. В Самаре двое квакеров встретились с главой Комитета по продовольствию самарского правительства. Тот пообещал снабдить миссию мукой, необходимой для содержания больниц и детского дома в Могутове.

В том же феврале 1918 года было решено, что мисс Хейнс должна посетить Петроград, чтобы провести переговоры с Американским Красным Крестом (АКК) относительно возможности получения от них финансовой помощи для решения проблем голода в Бузулукском уезде. Анна Хейнс встретилась в Петрограде с Реймондом Робинсоном, главой миссии АКК. Уже в марте мисс Хейнс отчиталась о своем визите в столицу. Она сообщила, что официальные лица из Американского Красного Креста в Петрограде получили телеграмму из Вашингтона с просьбой информировать о целесообразности предоставления гранта на работу квакеров в Бузулуке и уезде по борьбе с голодом. Мисс Хейнс прибыла в удачный момент и сумела убедить представителей Красного Креста направить своего представителя для ознакомления с работой квакеров. Однако неожиданное наступление германской армии сделало инспекционную поездку невозможной. Тогда Комиссия Американского Красного Креста решила без проволочек телеграфировать в Америку, чтобы глава офиса АКК в Вашингтоне перевел в Комитет Друзей 25 000 долларов. Петроградская миссия АКК также рекомендовала главе Американского Красного Креста выдать указанную сумму в полное распоряжение квакеров для использования в любых целях, связанных с их работой, исключив расходы на закупку зерна в том случае, если крестьяне будут расплачиваться с ними за него. Представители Американского Красного Креста предложили квакерам значительное количество медикаментов и медицинских инструментов, однако из-за внезапного продвижения немецкой армии и связанной с этим неразберихи, царившей в городе, доставить этот груз из Петрограда в Бузулук было невозможно.

В марте 1918 года английский врач Джон Рикман женился на американке Лидии Льюис — они зарегистрировали свой брак в Бузулуке. В Бузулукском загсе в книге Записи актов гражданского состояния при Бузулукском уездном Совете крестьянских, рабочих и солдатских депутатов за 1918 год, на странице

23, сохранилась эта запись. В соответствии с бытовавшей тогда традицией имена иностранцев русифицировали и записали, что Иван Ричардович Рикман и Лидия Ивановна Левис объявляются мужем и женой. Свидетелями этого события стали Франк Кедди и Феодор Ригг.

Это был первый брак в Бузулуке, зарегистрированный новыми большевистскими властями, и надо же было такому случиться, что брак заключили англичанин и американка.

Джон Рикман, британский квакер, получивший медицинское образование в Кембридже и прошедший отличную практику в госпитале святого Томаса в Лондоне, по религиозным соображениям отказался от службы в армии и приехал в Бузулук. Он организовал работу больницы в Андреевке, а потом перешел работать в могутовскую больницу.

Здесь он и повстречал Лидию Льюис, одну из шести американок, что прибыли в эти края в августе 1917-го. Характерно, что, кроме квакерского обряда «венчания», они сознательно зарегистрировали свой статус в большевистском совдепе. Квакеры хотели тем самым продемонстрировать, что признают новую власть, и заручиться ее поддержкой, что было очень важно для работы с местным населением и беженцами.

В музее Доркинга, родного города Джона Рикмана, на видном месте хранится документ, подтверждающий расположение к нему большевистской власти. В пожелтевшем от времени распоряжении, датированном маем 1918 года, «все правительственные и общественные учреждения и начальствующие лица» призываются «оказывать Ивану Рикману должное содействие».

Этот документ, наряду с другими бумагами, выданными Рикману представителями власти, спас английскому доктору жизнь.

29 марта 1918 года больницу в Могутове квакерам пришлось закрыть. Месяц спустя, в апреле, они приняли решение и о закрытии приюта. Приютских детей передали в семьи по всему Бузулукскому уезду. Тех, кого не удалось пристроить, перевезли в Бузулук: их определили в местный приют.

Это были непростые дни и недели. Больницы были подготовлены к передаче в руки русского медперсонала, дети из могутовского дома расселены по родственникам и знакомым, мастерские закрыты, а остаток провизии роздан местному населению — по совету местных властей и при их содействии.

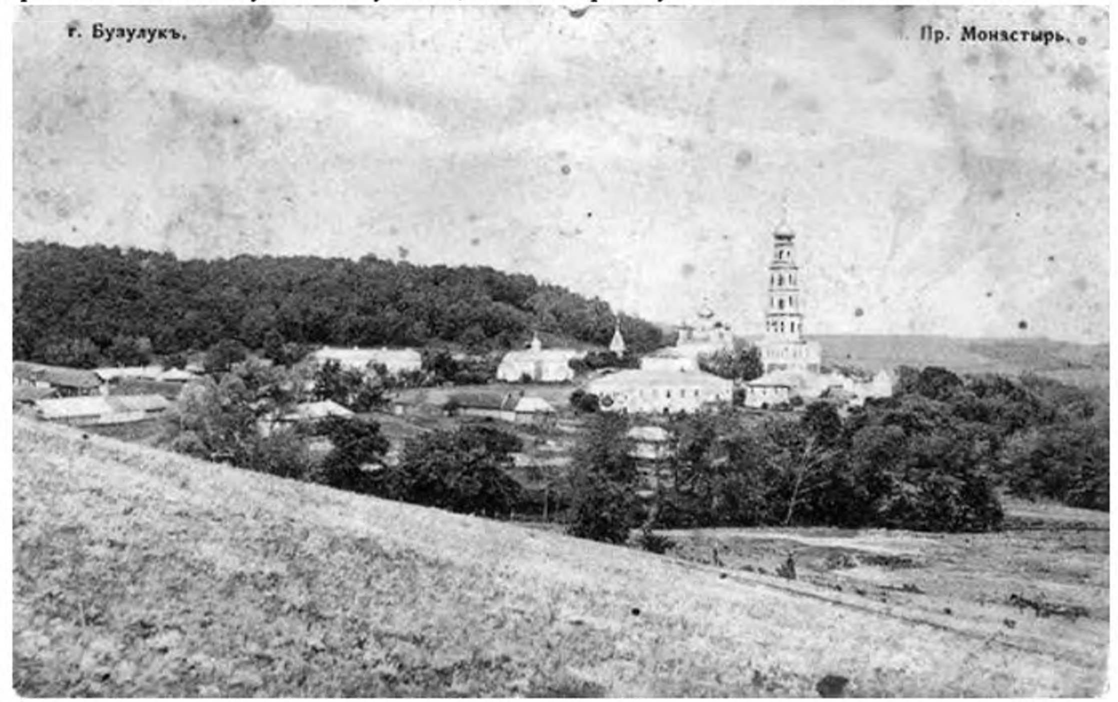
Бузулукская газета «Известия Бузулукского уездного исполнительного комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов» писала в апреле 1918 года:

На общем собрании делегатов Бузулукского уездного съезда беженцев 8 марта 1918 г. председатель Ширмулевич доложил, что как дошел до него слух, Английская миссия, обслуживающая в здешнем уезде нужды беженцев, возможно ликвидирует свою деятельность, а потому предлагает собранию, не пожелает ли оно войти в сношение с миссией о передаче оборудованных ею медицинских пунктов и прочего в ведение уездного совета беженцев.

Собрание постановило: просить Английскую миссию все организованные ею для беженцев медицинские пункты, приюты, мастерские и прочее, в случае ликвидации таковых, передать безвозмездно в ведение уездного совета беженцев, и выразить ей от лица собрания глубокую благодарность за оказанные ею заботы беженцам.

Работники квакерской миссии покинули села и деревни уезда до конца мая 1918 года. Исключение составляли село Лабазы, где оставалась Элеанор Линдсей, и Андреевка, в которой Хинман Бейкер следил за распахиванием 13 акров земли и посадкой на них картофеля для местных крестьян. С закрытием больниц в уезде и приюта в Могутове вся работа квакеров сосредоточилась в Бузулуке и ближайших окрестностях.

После закрытия могутовского приюта квакеры решили взять на себя заботу о приюте, созданном самими беженцами. Он располагался на территории Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря, на холмах, возвышавшихся над городом, рядом с речушкой, петлявшей среди могучих деревьев. Квакерская миссия пообещала финансировать деятельность приюта в размере 10 000 рублей при условии, что местные власти предоставят ей полную свободу в том, как вести работу. Большевики ответили согласием.

Спасо-Преображенский монастырь в Бузулуке. Иллюстрированная почтовая карточка, нач. XX в.

На собрании квакеров 21 апреля 1918 года было доведено до общего сведения, что председатель уездного собрания по делам беженцев пообещал им помощь с персоналом и финансированием для поддержания приюта детей-беженцев в монастыре. Несколько квакеров рассказали о том, как съездили в приют, и после их рассказа все согласились с тем, что многое можно сделать для улучшения условий жизни детей, многие из которых были сиротами.

Коллс зачитал доклад с выводами комиссии, созданной для расследования условий в бузулукском прибежище беженцев. Из доклада стало ясно, что необходимо срочно организовать помощь, обучение и образование для детей. Помимо прочего, дети нуждались в одежде и обуви.

Комиссия предложила предпринять следующие шаги. В приют надлежало переехать одной женщине и нескольким мужчинам из квакерской миссии. Женщине предлагалось отвечать за учебную и воспитательную работу для девочек и вести хозяйство. Мужчины должны были отвечать за организацию учебной работы для мальчиков и за сельскохозяйственные работы на землях приюта.

На эту работу были утверждены кандидатуры Эстер Уайт, Чарльза Коллса и Грегори Уэлча. Всего через несколько недель приют было не узнать, и все это благодаря умению, терпеливости и упорному труду Эстер Уайт и Чарльза Коллса. Нерадивые сотрудники приюта были уволены, здания отремонтированы и подметены, одежда у детей починена и отстирана. В конце мая Эстер Уайт писала:

Мы думаем, что со временем этот приют будет столь же хорош, как и могутовский.

Несколько месяцев спустя квакеры отчитались о существенных переменах в лучшую сторону, произошедших в Монастырском доме:

Всего в доме пребывают 122 человека, все либо младше 14 лет, либо больные и немощные.

На сегодняшний день число наших сотрудников в Доме — 7, включая и молодого врача, венгерского военнопленного. Кроме них, там трудятся 13 работниц (прачки и т. п.), садовник и еще трое опытных ремесленников, обучающих трудовым навыкам ребят.

Строения — четыре деревянных здания — тесны и неудобны для такого большого числа людей, но у местных властей и без этого колоссальное количество бед и забот.

Нам повезло, что за Домом имеется несколько акров пахотной земли, засеянной картофелем и прочими овощами, что весьма уместно как полезное и здоровое предприятие для ребятишек. Дети трудятся на приусадебном участке под руководством молодого поляка, студента Варшавской сельхозакадемии. Он работает воспитателем попеременно на участке и в мастерских. Питание вполне разнообразное и имеется приличный выбор. Двадцать два ребенка в возрасте младше 6 лет находятся на особом попечении. Вместо печальной и грязной кучки беспризорников, выглядевших, как попрошайки, перед нашими взорами предстает веселая ватага детишек, чистеньких, здоровых, внешний облик которых явно изменился за последние два месяца.

Одежды, оставшиеся после закрытия Дома в Могутове, с большим энтузиазмом были приняты девочками и малышами. Взорам гостей и обитателей дома также представлены в изобилии ткани мышиного серого цвета: эти совсем не вызывающие радости одежды достались нам от некогда существовавшего Татьянинского комитета.

В более благополучные времена Российский комитет обеспечивал всех детей обувью. Но теперь ботинки износились и обветшали, а хождение босиком по участку, где роятся тучи комаров, не больно-то приятное занятие.

Однако нынче все обуты. Наша пошивочная мастерская работала без остановки, в результате практически все воспитанники и одеты. Плотники трудились не покладая рук, ремонтируя все, что требовало ремонта, там и тут, также они соорудили пчелиные улья совершенно новой для этих мест формы. Теперь у нас два улья, а дети учатся тому, как стать пчеловодом прямо на практических занятиях в саду.

Когда Английская миссия взяла Дом на свое попечение, у нас не было никаких сомнений в том, что ребята испытывают моральный стресс и страдают.

Питание было весьма плохим, дети были угрюмы и испытывали вполне объяснимое недоверие к тогдашней администрации. Они не желали работать, и — что еще тревожнее — они не желали даже играть в игры. Любой посетивший этот приют в ту пору не мог не заметить этот самый печальный симптом того, что не все в порядке: при прекрасной погоде никто не желал выйти из помещения для игр на свежем воздухе в этом буквально райском уголке. Малыши возились в пыли и грязи, и никто не обращал на них внимания, а дети постарше кучковались в комнатах, словно старики.

Наверное, сложно дать точную оценку перемен в душах маленьких постояльцев Дома, но всякий без труда может убедиться, что теперь там играют, и смех звучит отовсюду. Открытые улыбки сменили угрюмость, что в прошлом заставляла содрогнуться всякого, кто любит детей.

Наказания теперь большая редкость, а маленьких страдальцев военного времени уже трудно назвать сиротами: они скорее похожи на детишек, перед которыми открыты все дороги.

Грегори Уэлч следил за работой столярных мастерских как в приюте, так и в Бузулуке. Причем в бузулукские мастерские для мальчиков приходили и приезжали ребята из Могутова и Андреевки.

В мае 1918 года было решено обратиться в Бузулукский совет с просьбой выдать справки для каждого члена квакерской миссии. Совет выдал такие справки; в них говорилось, что «Общество Друзей работало и работает по оказанию помощи беженцам и населению, пострадавшему от недорода и голода» и «все правительственные и общественные учреждения и начальствующие лица должны оказывать имрек должное содействие». Справки были получены 24 мая 1918 года всеми квакерами миссии, и одна из них, как упоминалось выше, хранится ныне в музее английского города Доркинг.

Складывается ощущение, что накануне Гражданской войны в России квакеры были настроены вполне оптимистично и полны планов. Так, на майском собрании работников миссии американку Анну Хейнс просили взять на себя роль руководителя работ по оказанию помощи беженцам в Бузулуке и районе. Мисс Жукову (переводчицу) просили отправиться в короткий отпуск на дачу (квакеры сняли в окрестностях Бузулука дачу!), а затем ознакомиться с условиями жизни беженцев из Могутовского приюта, которые были вывезены в села. Теодора Ригга собрание просило отправиться в Петроград, чтобы получить 3250 фунтов стерлингов (эта сумма эквивалентна нынешним 180 000 фунтов стерлингов — а это огромные деньги!), посланные из Лондона в британское консульство. Дипломаты сообщили, что готовы передать эти деньги. И опять квакеры попытались приобщить к своему делу первую русскую квакерею: через Теодора Ригга и доктора Пирсона они хотели попросить Ольгу Толстую включиться в работу с квакерами, занятыми размещением беженцев в новых местах. Д-р Рикман предложил просить Лондонский квакерский комитет направить в Бузулукский уезд небольшую группу добровольцев, которые были бы готовы поселиться в некоторых деревнях, где квакеры работали в течение последних двух лет. Рикман был убежден, что квакерская миссия своей работой подготовила почву для приезда такой группы, которую можно было бы рассматривать как квакерское посольство в этой части России.

Бузулукские «Известия» сообщали, что на общем собрании делегатов Уездного совета беженцев 9 апреля 1918 года шел разговор об открытии мастерских для беженцев в Бузулуке, и квакеры выразили готовность помочь:

На обстановку мастерских почти никаких затрат не требуется, т. к. столярную, сапожную мастерские земство передает бесплатно и со всем оборудованием, а английская миссия, кроме оборудования, дает еще на первое время и материалы. Собранию остается только решить, разрешить открыть эти мастерские или нет.

И тут же объявление:

Английский комитет «Общество Друзей» желает купить несколько хороших мужских и дамских двухколесных велосипедов. Обратиться нужно к секретарю, Бузулук, Оренбургская, 27.

Все говорило о том, что квакеры обосновались в Бузулукском уезде всерьез и надолго. Весна 1918 года была весной надежд и планов.

ГЛАВА 3

Проблемы с финансированием из-за рубежа. Чехословацкие легионеры в Бузулуке. Глава квакерской миссии отправляется за деньгами в Петроград. Путешествие с мешком денег через линию фронта. Два члена миссии переезжают в Москву, чтобы работать в провинциальных детских колониях. Сотрудники англо-американской миссии покидают Бузулук.

Глава квакерской миссии в Бузулуке Теодор Ригг в середине мая 1918 года отправился в Москву, которая к тому времени уже стала столицей Советской России. Его воспоминания «Хроника квакерского работника в России. 1916–1918» содержат многочисленные детали поездки, и дневник этот читается как приключенческий роман:

На недавнем собрании нашей группы было решено послать меня в Москву за значительной суммой русских денег. Банки не функционируют должным образом, и, по-видимому, наш Лондонский комитет не может перевести фунты в Россию. Таким образом, совершенно необходима весьма значительная сумма денег, во-первых, для проживания и работы в Бузулуке, а во-вторых, для того, чтобы каждый сотрудник имел при себе резерв, которым можно воспользоваться в случае эвакуации для оплаты дорожных расходов до Владивостока и далее до США. Мы считаем, что британское консульство в Москве сможет помочь нам в получении требуемой суммы. Я обрадовался смене обязанностей, так как все-таки устал от своего секретарского поста, на котором находился свыше шести месяцев один, после отъезда Роберта Тэтлока.

Из Бузулука Ригг уехал не один: с ним отправились доктор Пирсон, Ричард Болл и Маргарет Барбер. Доктор Пирсон намеревался инспектировать условия жизни беженцев в районе Орши, а затем вернуться в Англию. Двое других хотели войти в штат работников Американского комитета в поддержку независимости Армении, впоследствии переименованного в Армянский национальный комитет Америки. Оставшийся в Москве Ригг получил деньги и с помощью британского консульства конвертировал их в 250 000 рублей. Это было довольно смелое решение: перевести валюту в местные деньги в такое ненадежное время! Ригг пишет, что половину суммы он получил в виде чека хорошо известного банка в Омске, а остаток ему выдали наличными банкнотами различных номиналов — от 10 до 1000 рублей. Еще в Москве Ригг узнал о восстании Чехословацкого легиона, чуть позже стало известно о взятии Самары чехами и казаками. Железнодорожное сообщение с Самарой было прервано. А в Бузулуке с нетерпением ждали его возвращения.

Ригг вспоминал:

Так или иначе, но я решил ехать. Я запасся документом британского консульства для предоставления чехам, а Наркоминдел выдал мне удостоверение для советских властей. Естественно, я никому не сказал о своем намерении провезти с собой сумму, равную 5000 фунтов в виде чека и российских рублей.

В своей книге Теодор Ригг подробно описал это путешествие через линию фронта с огромной суммой денег. Высокий, с трудом говоривший по-русски иностранец в провинциальной России был фигурой заметной и вполне привлекательной для лихих людей, которых тогда повсюду было много. Сам он говорил о своем приключении сдержанно:

Мне пришлось пережить два или три неприятных часа, пока обыскивали пассажиров баржи и просматривали багаж на предмет утаенных документов и денег. Некоторые пассажиры как контрреволюционеры были отправлены с баржи на берег, а одного или двоих застрелили тут же, на месте. Мне повезло. Бумага, выданная Чичериным, произвела впечатление, мой багаж подвергся лишь поверхностному досмотру.

Судьба хранила Теодора Ригга: он добрался до Бузулука целым и невредимым, с деньгами за пазухой. Англичанин отмечал:

Для меня было большой радостью узнать, что все сотрудники нашей группы нисколько не пострадали ни во время обстрела города, ни во время его захвата чехами и казаками.

1 июля 1918 года Теодор Ригг на собрании квакерских сотрудников рассказал о своей поездке в Москву. В протоколе, помимо отчета о поездке Ригга и выступлений других сотрудников с рассказами об их работе в Воронцовке, Андреевке и Бузулуке, зафиксировано:

Принято решение просить Лондонский комитет отправить в Россию при первой возможности 250 ярдов подходящей коричневой ткани для изготовления униформы для сотрудников квакерской миссии.

7 июля 1918 года чета Рикманов, Джон и Лидия, покинули город: они намеревались вернуться в Англию через США. А 8 июля Теодор Ригг сообщал в Лондон, что при необходимости — он был в этом убежден — остальные сотрудники миссии были готовы к тому, чтобы остаться в Бузулуке еще на одну зиму. Однако они были не в состоянии делегировать кого-либо на поездку в Сибирь, чтобы увидеть своими глазами ситуацию с беженцами в глубине России. Еще Теодор Ригг отмечал, что вместе с американкой Эстер Уайт готовился к отъезду в Москву. Ригг рассказал квакерам в Бузулуке о перспективе голода в колониях московских детей, отправленных ранее в Тамбовскую и Воронежскую губернии.

Во время поездки в Москву в мае — июне 1918 года Теодор Ригг понял, что перспективы для жителей новой русской столицы на грядущую зиму были очень мрачные: у них не было еды, не было топлива и одежды. Теодора Ригга познакомили с некоторыми членами Пироговского общества, группы, близкой к толстовцам. От них он узнал о четырех летних колониях, где жили около трехсот детей. Поскольку с продуктами в городах было плохо, детей старались отправлять в сельскую местность, поближе к натуральному хозяйству. Такого рода поселения в те годы часто называли колониями. Пироговцы организовали упомянутые выше колонии при поддержке властей Воронежской и Тамбовской губерний, но в настоящий момент у пироговцев были финансовые затруднения. В то же время они полагали, что

привозить детей-колонистов обратно в Москву, где грядущая зима не сулила ничего хорошего, было бы неразумным. Вот потому-то Пироговское общество и обратилось к квакерам с просьбой взять на себя бремя содержания колоний на последующие полгода.

Предложение помочь детям в колониях было поддержано всеми квакерскими работниками в Бузулуке. Среди возможных вариантов работы с Всероссийским комитетом помощи голодающим детям рассматривался и вариант перевода московских детей в Самарскую губернию, о чем Теодор Ригг информировал Рут Фрай в письме, посланном в Лондон с Рикманами. В качестве первого шага для работы по этому проекту он считал разумным послать двоих членов квакерской миссии изучить ситуацию в Москве и в четырех колониях. Миссия полагала, что в инспекционную поездку следовало поехать двоим — мужчине, уже зарекомендовавшему себя в качестве хорошего организатора, и женщине, имевшей опыт работы в приюте. Выбор пал на Теодора Ригга (он только что совершил поездку в Москву, у него были свежие документы от советских руководителей, с которыми он только что общался в Москве) и Эстер Уайт.

Они уехали из Бузулука в Самару 14 июля 1918 года. Финансовое положение квакерской миссии в Бузулуке после доставки денег Риггом было благополучным. Сам он предполагал, что не позднее чем через 4 месяца положение в стране изменится к лучшему и тогда московских детей можно будет перевезти в Бузулукский уезд. На время своего отъезда он рекомендовал сотрудникам как следует отдохнуть, после чего все со свежими силами могли приняться за работу в приютах. Этим планам не суждено было сбыться. Разгоралась Гражданская война, кровавые сражения шли на обширной территории. Ригг и Уайт оказались отрезанными от Бузулука и больше не смогли туда вернуться. Сотрудники в Бузулуке начали понимать, что им пора уезжать. Путь для них лежал только в одном направлении — на восток.

Однако до времени все сотрудники квакерской миссии оставались в Бузулуке. Они организовали ежедневное питание в кухнях-питпунктах: ежедневно пищу получали около 500 человек из числа беженцев, проживавших в городе. Позднее квакеры в отчете писали:

[В питпунктах варим] *суп: этим заняты четыре женщины из числа беженцев, им помогает парень, который таскает воду и заведует очагом. Эти сотрудницы — за исключением поварихи — сменяются в порядке ротации, чтобы как можно большее число женщин имели возможность заработать трудовую копейку.*

Мы кормим только тех, кому за 50, а еще подростков и детей в возрасте до 14 лет.

Суп готовим пять дней в неделю, похлебку варят из картошки, проса и гречи, лука и говядины. Все это варится в одном чане, одна порция, выдаваемая человеку, составляет около полулитра. Дважды в неделю варится молочный суп, его приготавливают на молоке, которое нам выдают, — эта похлебка употребляется в постные дни. Люди очень благодарны кормежке, и выглядят они лучше уже потому,

что по крайней мере раз в день получают питание. Пожилые граждане особенно рады получать питание, многие из них сами приходят со своими котелками, чтобы забрать причитающуюся им порцию.

На сегодняшний день наша суповая кухня обеспечивает питанием 412 человек, вскоре число ртов увеличится до 500 — мы ожидаем, что будут приходить беженцы из близлежащих городов, если вскоре не откроется железнодорожное сообщение с Самарой, что уменьшит число окормляемых граждан.

Фактическая цена одной порции — 19 копеек.

Мало-помалу схожие питпункты были открыты в деревнях, расположенных вдоль железной дороги. Квакеры открыли также бюро трудоустройства. В отчете этого бюро, озаглавленном «Лесная работа», говорилось:

Наши сотрудники, работающие в питпунктах, которые столь успешно кормили беженцев в Бузулуке и прилегающих деревнях, постоянно сталкивались с жалобами со стороны беженцев на то, что им нечем заняться, нет никакой работы, негде найти работу. Удивительно слышать такие жалобы в период сбора урожая, в дни, когда крестьяне буквально кричат о недостатке рабочей силы. Именно по этой причине мы и учредили бюро по трудоустройству. Практически вся работа, предлагаемая нашим бюро, это работа в лесу.

В близлежащих лесах не хватало людей на лесоразработках. При помощи бюро удавалось сколачивать бригады, которые потом доставлялись в лес по железной дороге — под руководством одного из сотрудников квакерской миссии. Однако в отчете говорится, что на самом деле жалобы на безработицу в реальности были выдумкой. На объявления о найме на работу приходило гораздо меньше людей, чем требовалось. Например, в Колтубанку просили прислать 23 рабочих, а явились лишь 17 человек из числа беженцев. В Рогожинское лесничество вместо требуемых 9 явились 8 человек. К 10 августа 1918 года квакеры смогли послать на работы только 40 человек, то есть 25% от числа тех, кто обещал прийти. Притом плотники получали от квакеров заработок: 15 рублей в день, а чернорабочие — от 10 до 12 рублей.

К концу лета квакеры, оставшиеся в занятом чехословаками Бузулуке, начали тяготиться своей отрезанностью от мира. Денег, привезенных Ригтом из Москвы, уже не хватало на будущую работу. Квакеры делегировали Хинмана Бейкера в Самару, где у власти было антибольшевистское правительство — КОМУЧ, Комитет членов Учредительного собрания, — разузнать, что творится в большом мире. Там он пообщался с сотрудниками американского консульства, которые спешно паковали чемоданы. Тем не менее американский консул Уиллоуби Смит в Самаре передал квакеру 20 000 долларов, а позднее в Америке сообщил, что «квакерские работники» в России «в полном порядке».

Тем не менее американские дипломаты настоятельно рекомендовали Бейкеру и другим квакерам уезжать. У чехов не было никакого желания удерживать линию обороны вдоль Волги. Консульские сотрудники считали, что от встречи с большевистскими частями не стоит ожидать ничего хорошего именно по причине неприязни большевиков к американцам и англичанам. После долгой и серьезной

дискуссии квакеры пришли к мнению, что им действительно следует уехать, как бы ни была им неприятна эта мысль. Они покинули ставший родным город и уезд, где прожили два года.

Уезжали они группами по несколько человек. Последняя группа покинула Бузулук 4 октября 1918 года. Это были Анна Хейнс, Эмили Бредбери, Хинман Бейкер и Джек Качпул. Они уезжали последним поездом, уходившим на восток: большевики приближались к Бузулуку.

И все же квакеры не спешили покинуть Россию. Уже двигаясь на восток, они были готовы к тому, чтобы остановиться и сделать все возможное, чтобы облегчить жизнь беженцев, добравшихся и до этих краев.

Грегори Уэлч и Чарльз Коллс помогали петроградским детям, отрезанным от дома Гражданской войной: англичане заботились о детской колонии в Тургояке, а затем проследовали с ребятами до самого Владивостока. Около 400 русских ребят потом совершили кругосветное путешествие и вернулись в родной Петроград в 1919 году. Они никогда не забудут своих английских воспитателей. Вот что писал в дневнике один из тех юных петроградцев Петя Александров:

От плохой пищи, от постоянного недоедания мое тело покрылось язвами и нарывами, которые не заживали. Грегори Уэлч заметил, как я страдаю. Он взял меня за руку и повел в лазарет. До сих пор, через много лет, помню облегчение и радость от прикосновения к моим двадцати двум ранам лопаточки с цинковой мазью и чистых бинтов. Да благословит Господь имена и память этих людей!

В Омске остановились для работы с беженцами Анна Хейнс, Нэнси Бабб, Эмили Бредбери и Хинман Бейкер. Однако и их труд вскоре был завершен: к началу 1919 года все члены квакерской миссии, живые и невредимые, вернулись домой, пройдя через многие опасности и преодолев все трудности.

ГЛАВА 4

Работа в большевистской Москве. Сотрудничество с Пироговским обществом и советскими чиновниками. Командировка в Тамбовскую и Воронежскую губернии. Работа с детьми в четырех колониях. Квакерская миссия покидает Советскую Россию.

Теодор Ригг и Эстер Уайт уехали в Москву 14 июля 1918 года. В этот же день в Бузулук проездом из Оренбурга прибыл Ховард Хэдли, бывший американский консул в Тифлисе. Он ехал в Самару, но захотел повидаться с американскими работниками квакерской миссии. Хэдли был важным чином, поэтому на железнодорожном вокзале Бузулука его дожидался персональный вагон, предоставленный ему атаманом казаков Дутовым. Американец пригласил Ригга и Уайт ехать до Самары вместе с ним.

Остававшиеся в Бузулуке квакеры их провожали. Все пребывали в полной уверенности, что недель через шесть увидятся вновь. Однако этим людям больше не суждено было встретиться.

Говард Хэдли по прибытии в Самару решил немедленно выдать Уайт и Риггу документы (что было в его компетенции), которые, по его разумению, должны были обезопасить для них переход линии фронта, находившегося тогда к югу от Симбирска. Эти бумаги годились для территории, где не было красных. К счастью, Ригг понимал, что такие документы ни в коем случае не должны попасться на глаза какому-нибудь большевистскому комиссару.

В Самаре Ригг и Уайт встретились с американским консулом мистером Уильямсом, с представителем американской волонтерской «Юношеской христианской организации» (YMCA) мистером Кристи, а также с чехословацким комендантом города. Все они сочли квакеров сумасшедшими: союзные миссии покидали Москву, тогда как эти двое, наоборот, стремились туда попасть. Все, что выпало на их долю, — пересечение линии фронта, поездка в Москву не очень хорошо говоривших по-русски иностранцев — заслуживает внимания писателя, пишущего об экстремальных приключениях. Бессонные ночи на барже, переполненные пароходы: они плыли до Казани, а оттуда — до Нижнего Новгорода. В Нижнем квакеры пересели на поезд до Москвы.

В новой столице Советской России они обосновались у сына Льва Николаевича Толстого Сергея Толстого, в Большом Левшинском переулке, 15. Это был удачный выбор: семейство Толстых не подвергалось многочисленным обыскам. Такое исключение квакеры объясняли тем великим уважением, которое все русские испытывали к отцу Сергея Льву Николаевичу. Как бы то ни было, благодаря этому Ригг и Уайт были избавлены от чекистских обысков на правах постоянно проживающих в доме Толстых.

В подобной обстановке полной нестабильности, с учетом факта интервенции западных стран, двоим иностранцам можно было ожидать особой подозрительности со стороны советских комиссаров. Но этого не случилось. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин с готовностью выдал им документы, в которых военным и гражданским властям предлагалось оказывать им содействие в работе с голодающими детьми.

Советский нарком социального обеспечения с радостью согласился на помощь иностранцев и передал в их руки управление четырьмя детскими колониями. В то время, когда многие британские и французские официальные лица были заключены в тюрьму, эти двое свободно передвигались как по городу, так и за его пределами.

Итак, двое квакеров решили взяться за дело спасения детей, живших в четырех колониях. Чтобы понять, что можно сделать, следовало разобраться на месте, что там происходит, какие ресурсы имелись в наличии, какие могли быть варианты помощи. Ригг и Уайт отправились в колонию в Анне (Воронежская губерния), затем — в Знаменку, Воронцовку и Безобразово в Тамбовской губернии.

Поздняя осень в российской глубинке для американки и британца — незабываемые впечатления. Позже, вернувшись домой, Эстер Уайт рассказала о своих путешествиях 1918 года в книге «Миссия в Москву. Приключения двух Работников Помощи в годы Первой мировой войны». В ней содержится много подробностей о быте и о том, как им удалось среди разрухи и ужасов 1918 года устроить спокойную зимовку 400 детям в двух российских губерниях.

Вернувшись в Москву из инспекционной поездки, Теодор Ригг и Эстер Уайт составили отчет об увиденном и отправили его в Комиссариат социального обеспечения. Поскольку многие члены Пироговского общества находились под стражей или были в бегах, общество было не в состоянии оказывать какую-либо помощь. А у советских властей не было ни денег, ни сотрудников для того, чтобы продолжать работу в колониях. По этой причине они хотели, чтобы хлопоты о детях взяло на себя Общество Друзей, по крайней мере до 31 марта 1919 года. И вот двое квакеров подписали соглашение с отделом соцобеспечения, по которому последний обещал обеспечить простынями, одеялами, полотенцами и зимней одеждой три колонии, чтобы дети могли остаться там на зиму. Наиболее важными были следующие статьи:

1. Отдел социального обеспечения передает организацию и управление трех колоний, расположенных в Воронцовке, Знаменке, Безобразове, в ведение представителей Общества Друзей на срок до 31 марта 1919 года. Дети из четвертой колонии, расположенной в Анне, будут доставлены в Москву и распределены по детским домам.

2. Отдел социального обеспечения обязуется обеспечить колонии постельным бельем, одеялами, полотенцами и зимней одеждой, заплатить 100 000 рублей за ремонтные и подготовительные работы во всех трех зданиях, проводимые в течение зимы. Кроме этой суммы, Отдел социального обеспечения будет выплачивать деньги на содержание детей и сотрудников из расчета 70 рублей в месяц на человека.

3. Представители Общества Друзей берут на себя работу по организации колоний для зимы, реконструкцию сантехнических устройств, покупку продуктов, организацию учебного процесса, трудовое воспитание, а также управление колониями до 31 марта 1919 года. Представители Общества Друзей обязуются предоставлять официальные отчеты обо всех тратах, связанных с функционированием колоний;

платить зарплату всем работникам колоний из своих собственных фондов, а также нести дополнительные траты в случае расходов, не предусмотренных пунктом 2 настоящего соглашения.

Квакеры взяли на себя ответственность по надзору за работой, хлопотам по обучению, выплате денег из фонда квакерской миссии на зарплаты русским сотрудникам колоний, а также на покрытие иных расходов, если бы таковые превысили 70 рублей на человека.

Необходимо было успеть сделать все необходимое, сделать закупки до того, как нагрянет зима. В Москве квакеры открыли офис «Общества Друзей» — как они называли себя в переговорах с властями — по адресу: Брюсовский пер., д. 1, кв. 5. Заведовать офисом назначили М. Хороша, бывшего секретаря Пироговского общества. Он отвечал за проведение дальнейших переговоров с отделом соцобеспечения, за прием и дальнейшую передачу полученных от квакеров материалов. В письме, адресованном доктору Пирсону, коллеге по работе в Бузулуке, Эстер Уайт писала 2 октября 1918 года:

У нас есть офис здесь, в Москве, он расположен в Брюсовом переулке у Большой Никитской, и каждый день я нахожусь здесь с 10 до половины третьего, провожу собеседование с будущими учителями и воспитателями, помогаю Хорошу. Теодор Ригг уже отправился в колонии, чтобы начать там ремонт зданий и закупать запасы провизии на зиму. Я последую за ним через две или три недели.

Уайт взяла на себя набор новых сотрудников — в помощь тем, кто уже работал на местах. Она также заведовала распределением одежды и постельного белья между тремя поселениями. Теодор Ригг совершил несколько поездок по колониям, чтобы убедиться, что ремонт и перестройка идут по плану. Кроме того, он договорился о поставке продуктов в эти учреждения, о дровах и керосине на всю зиму.

Теодор Ригг и Эстер Уайт уехали из Москвы в колонию в конце ноября 1918 года, когда уже стояли морозы. Следующие два месяца — декабрь 1918-го и январь 1919-го — квакеры провели в одной из детских колоний, в имении Загряжских-Строгановых на окраине села Знаменка.

В январе 1919 года Ригг и Уайт начали обсуждать возможность возвращения домой. Поездка в Москву в самый разгар зимы казалась иностранцам рискованным предприятием при их состоянии здоровья, авитаминозе и упадке сил. Но все же они решили в конце месяца рискнуть. Дорис Уайт писала:

Мы чувствовали себя вымотанными по причине многочисленных трудностей, постоянного состояния тревоги в течение последних шести месяцев. Если бы кто-нибудь из нас вдруг серьезно заболел, шансов на поправку было бы очень мало в той обстановке, какая была тогда в России. Не хватало даже основных лекарств; мыло было большой редкостью.

С минимальным количеством багажа, с запасом еды на три дня, они попрощались с ребятами и отправились в Москву. Путешествие — к их удивлению — закончилось в Москве через 40 часов после выезда из колонии и прошло без приключений. По приезде в Москву иностранцы вновь воспользовались гостеприимством Толстых, которые дали квакерам приют вплоть до самого их отъезда из России.

В Москве их ожидало множество дел. Во-первых, им следовало определиться с путями исхода из России. Они отправились в шведское консульство, где хранились их деньги. Консул рассказал квакерам о положении дел на фронтах и сообщил о провозглашении независимости Финляндии. Еще он сказал, что французским гражданам разрешено покинуть Россию в специальном поезде, который отправится в Белоостров, некогда пригород Петрограда, а ныне приграничный город — на самой границе Советской России с только что образованной Финляндией. Узнав об этом, квакеры встретились с французами, отвечавшими за организацию эвакуации на поезде, и попросили разрешить присоединиться к ним, как только будут получены соответствующие разрешения от советских властей.

Секретарь в Наркомате иностранных дел принял от них паспорта с заполненными анкетами на получение выездной визы.

Кроме того, Ригг и Уайт посетили комиссара Отдела социального обеспечения, чтобы официально оформить передачу всех их обязанностей русскому секретарю М. Хорошу на оставшийся по договору срок до 31 марта 1919 года. Комиссар выразил благодарность иностранцам за их работу и сожаление в связи с тем, что они решили уехать. Михаил Хорош принимал большое участие во всех хлопотах. Это был человек опытный, он помог им справиться со всеми препятствиями, возникавшими на пути. В то же время его интерес к работе с детскими колониями вселял в квакеров уверенность в успехе. Читая воспоминания Ригг и Уайт, легко заметить их желание оправдать свое стремление покинуть Россию за несколько месяцев до истечения соглашения с советскими властями. Но понять их можно, видимо, они поступали правильно: жизнь даже в Москве в 1919 году трудно было назвать спокойной и благополучной. Эстер Уайт писала:

В конце концов все дела были улажены. Мы сделали необходимые финансовые приготовления для продолжения нормальной жизнедеятельности колоний под эгидой Общества Друзей до 31 марта 1919 года. Паспорта и визы были нами получены. Мы были готовы покинуть Москву.

Два дня поезд тащился из Москвы до Белоострова. Пассажирами этого необычного эшелона были иностранцы, в их числе британец Теодор Ригг и американка Эстер Уайт. Выехав из Москвы 10 февраля, поезд достиг границы 12-го числа. Все пассажиры покинули свои места и вышли к мосту через речку Сестра. Этот драматичный эпизод из эпопеи квакеров описан в дневнике Эстер:

В конце концов все было готово для перехода на финскую территорию. Советский комиссар с красноармейцами стоял у моста с российской стороны. На финляндской территории, с той стороны моста, стоял финский офицер с небольшим отрядом солдат. Заранее был заготовлен список нашей группы; все фамилии были выписаны в алфавитном порядке и выкликались по одному. Подошедшему выдавался паспорт, и этот человек переходил по мосту на финскую территорию. Пока последний из группы не перешел мост, царило полное молчание. Хотя, конечно, каждый, кто уже достиг противоположного берега, в душе ликовал. Наши имена стояли довольно близко друг к другу в списке. Но все равно это были минуты напряженного ожидания, особенно для Теодора Ригга, поскольку его фамилия шла по списку

раньше, чем Уайт. Как только последний путешественник ступил на финскую землю, мы возликовали. Все заулыбались, послышались шутки, поздравления. Наконец-то мы вырвались на свободу, из бедности и нужды, царивших в Советской России. Теперь мы могли уверенно смотреть в счастливое будущее.

На финской территории мы прошли соответствующую проверку. Для большинства из нас она была чисто формальной, ибо мы были транзитными пассажирами. Вскоре всех нас посадили в два вагона, и мы отправились в Або, финский порт, имеющий пароходное сообщение со Стокгольмом.

Итак, работа квакерской миссии, начатая в 1916 году, завершилась в 1919-м. Эти люди прошли через многое, они делили все невзгоды с нашими соотечественниками. Они заботились о беженцах, о детях, о голодающих россиянах так, будто те были их родственниками. Этими людьми двигала любовь к ближнему, христианское понимание доброты, их вела вера и практика Религиозного общества Друзей, для которых религия — это не обряды и объекты поклонения, а то, как ты проживаешь свою жизнь, как помогаешь ближнему, для которых вера — это любовь и мир.

История первой миссии квакеров в Россию необычайно интересна и показательна. Они приехали в одну страну, а покидали уже совершенно иную. Отметим, что честность и искренность их помыслов, неутомимая помощь страждущим привели к тому, что как царские чиновники, так и большевики относились к ним с уважением и приязнью. Тем самым, на мой взгляд, нашла подтверждение одна из квакерских истин: открытость, честность, любовь к ближнему раскроют все двери, позволят одолеть все преграды. Добрая память о недолгом пребывании Английской миссии в Бузулуке и его окрестностях осталась, и точно такие же чувства испытывали сотрудники миссии по отношению к русскому народу, к тем, кому они помогали в тяжелые годы.

Недаром Теодор Ригг после окончания миссии рассуждал о возможности открытия «квакерского посольства» в России. Но не того посольства, где работают дипломаты, а небольшой квакерской ячейки, чьи сотрудники бок о бок с русскими крестьянами помогали бы развитию земледелия и народного здравоохранения. Местом для того «посольства» Ригг как раз предлагал выбрать Бузулук и его уезд. В мае 1918 года в своем послании Рут Фрай он писал:

Бузулукский уезд, как нам кажется, является особенно благоприятным местом для создания квакерского посольства, так как в нескольких южных волостях уезда проживают русские крестьяне, называющие себя квакерами. Есть в этих краях и крестьяне-толстовцы. В частности, в Патровской волости есть группы крестьян, которых называют квакерами и толстовцами. Даже один толковый квакер, обосновавшийся в любой из деревень в южной части уезда, мог бы сотворить большое благо в деле повышения уровня жизни и роста идеалов этих русских крестьян. Однако если нет людей, готовых нести служение в России в течение нескольких лет, и сделать ничего не удастся.

В сердцах крестьян из Любимовки, Андреевки и Могутово надолго останется чувство благодарности и любви за работу Английской миссии. Группа английских или американских Друзей, настроенных на

служение, обученных ремеслам, таким как земледелие, плотницкое и столярное дело, механика, гигиена или уход за больными, могла бы внести огромный вклад в общинную жизнь этих русских деревень. Их деятельность естественным образом продолжала бы работу, которую только что завершила нынешняя Миссия.

В 1919 году Лондонский комитет помощи жертвам войны издал небольшую брошюру, озаглавленную «Где и как мы помогли». На нескольких страницах очень сжато перечислено все, что сделали квакеры за два года в Бузулукском уезде.

В брошюре говорилось:

Вот центры, в которых мы различно помогали беженцам и крестьянам. В добавление к перечисленному ниже следует заметить, что отдельные сотрудники Миссии совершали командировки — в Москву, Сибирь и в районы, расположенные неподалеку от германской границы.

Бузулук

Сельскохозяйственный город с населением 20 000 человек. Уездный центр, расположен на слиянии рек Самара и Бузулук. Железнодорожный вокзал находится на расстоянии полутора миль от города. Офис и штаб-квартира Миссии, месторасположение наших складов, Приют для беженцев в Монастырском доме, Большие мастерские. Отсюда распределялась надомная работа по соседним деревням.

Могутово

Деревня, расположенная неподалеку от бора, вокруг нее раскиданы другие деревеньки. Усадьба, в которой никто не жил, была отдана нам земскими властями, именно с нее здесь началась работа. В усадьбе мы открыли дом для 150 беженцев из всех центров. Поликлиника, диспансер и больница на 10 коек. Помощь и одежда распределялись как здесь, так и в соседних деревнях. Мальчики обучались плотницкому делу и садоводству. Надомное производство обеспечивалось в том числе и проживающим в соседних деревнях. Школа на 4 класса. Вечерняя школа для девочек.

Андреевка

Расположена в 40 милях от Бузулука, раскинулась вдоль речки Бузулук. Волостной центр, в волости проживают 60 000 человек, рынок работает каждую неделю. Больница расположена рядом с местом проживания сотрудников квакерской миссии и со зданием, в котором осуществляется работа помощи беженцам. Есть еще один небольшой домик, в котором могут останавливаться сотрудники, работающие по программе борьбы с голодом, в нем жил работник, занимавшийся восстановлением дома, пострадавшего от пожара. Квакеры в Андреевке вновь открыли закрытую ранее больницу. Поликлиника, пропускающая 100 пациентов в день. Две палаты для лежачих (20 коек). Доктора по вызову — порой приходится ехать за

40 миль. Место для проживания работников по борьбе с голодом. Культивирование посадок картофеля (этим занимался Хинман Дж. Бейкер). Классы для детей. Плотницкая и обувная мастерские для обучения мальчиков ремеслу. Библиотека. Работы по изготовлению пряжи, очистке шерсти, вышиванию, вязанию чулок. Ткацкая мастерская.

Ефимовка

Деревня, расположенная на расстоянии 8 миль к югу от Андреевки, вверх по реке Бузулук. Приходилось обустраивать мастерские и амбулаторию в крестьянских домах. Всю зиму здесь проработали две женщины, сотрудницы миссии (Эдит Боутон-Ли с осени 1916-го работала там в одиночку, позже там трудились Эмили Бредбери и Эстер Уайт). Волостной сестринский центр с профессиональной сестрой. Амбулатория, функционирующая каждый день, куда раз в неделю приезжает врач. Мастерские для беженцев — прядение, ткачество и шитье. Ковроткачество и вязание. Распределение гуманитарной помощи и одежды.

Любимовка

Открытое всем ветрам село с раскинутыми по холмам домиками, никаких деревьев, никаких заборов. Население 4000 человек, находится в 25 милях к юго-востоку от Андреевки, разделено излучиной реки, которая здесь поворачивает на восток. Первый и самый укомплектованный медицинский центр. Больница расположена на краю деревни, кроме нее у сотрудников есть два домика. Заново открыта некогда существовавшая больница. Поликлиника и амбулатория. В бывшей чайной открыли ткацкие мастерские. Надомники: вязание, очистка шерстяной пряжи. Библиотека. Раздача одежды и валенок по ближайшим деревням.

Богдановка

Разбросанная по холмам деревня, расположена на расстоянии 12 миль на восток, за Любимовкой, на северном притоке речки Бузулук. В этом селении среди беженцев было много больных. Волостной сестринский центр с профессиональными сестрами. Амбулатория, функционирующая каждый день. Ткацкие и прядильные мастерские в старых домах. Изготовление веревок и канатов, производство чулок и рукавиц. Раздача одежды и валенок по ближайшим деревням. Библиотека.

Преображенка

Находится неподалеку от Богдановки и подобно Богдановке используется как еще одно поселение с мастерской для беженцев близ Любимовки. Мастерская на 50 человек.

Лабазы

Маленькая деревня на полпути между Бузулуком и Андреевкой. Сотрудница квакерской миссии, Элеанор Т. Линдсей, прожила здесь пять зимних месяцев в крестьянской избе. Три больших мастерских для беженцев. Ткачество и прядение. Раздача одежды в соседних деревнях. Библиотека.

На последней странице брошюры приведено благодарственное письмо от жителей села Богдановка. В нем, в частности, говорилось:

Отец с матерью так не беспокоятся о дите своем, как заботились о нас английские доктора и сестры. Они очень внимательные и деликатные. Обхождение ваше, то, как вы относились к нам, русским людям, привыкшим к суровому и грубому отношению, сейчас же расположили нас к вам, мы полюбили вас как наших истинных друзей. Мы, жители Богдановки, а также и беженцы, которые были вынуждены покинуть свои дома и уйти на чужбину, — мы вас не забудем. Мы, русские люди, отвешиваем вам свой глубокий поклон.

Но квакеры не навсегда покинули Россию. Они вернутся сюда уже в следующем году.

ЧАСТЬ II

1919–1931

ГЛАВА 5

Попытки квакеров вернуться в РСФСР. Квакерская гуманитарная помощь. Двое квакеров в столице. Идеи «квакерского посольства». Квакер-коммунист на субботнике. Уэлч и Уоттс — английские квакеры с противоположными взглядами. Встречи с толстовцами. Американка Хейнс, сменившая англичанина Уэлча. Встречи с Чичериным и Луначарским, речь Ленина на съезде. Попытки увеличить число квакерских работников в России.

Революция и Гражданская война в России изменили многое в жизни людей, принесли сильнейшие потрясения. Гибли люди, менялась власть, насилие и жестокость становились обыденностью. Вместе с разрушением обычного уклада жизни пришли сопутствующие катаклизмы: голод и болезни. Страдали, как всегда, мирные люди, и главным образом дети, старики и женщины.

Окончание Первой мировой войны и большевистский переворот в России определили глобальные планы стран-союзниц на послевоенное устройство мира. Победившие страны — вчерашние союзники России — стали заново выстраивать свою политику в отношении нового режима, взявшего власть в стране. Американский теолог, историк квакерства Генри Кэдбери (1883–1974) писал:

Всем известно, что в настоящий момент [у России] *нет беспристрастных друзей, и вполне вероятно, что в ближайшем будущем они будут ограничены в ресурсах, нужных для восстановления, и нужда их будет велика… Все страны, из числа воевавших, на той или иной стороне, — Бельгия, Франция, Польша, Сербия, Сирия и т. п. — получат материальную помощь в порядке репараций, благотворительности, или в кредит. Россия же не может ни занять денег, ни оплатить помощь.*

Власти США в конце 1917 года прекратили торговые отношения с Советской Россией, в 1918-м то же самое сделали Англия и Франция, а в октябре 1919 года Верховный совет Антанты объявил полный запрет на какие-либо экономические контакты и связи с коммунистами. Правда, уже в январе 1920 года государства Антанты были вынуждены снять с России торговую блокаду. В июле того же года Государственный департамент США ослабил ограничения на торговлю с Москвой.

Квакеры, с надеждой взиравшие на первое в мире «государство рабочих и крестьян», искренне полагали, что Россия строит общество будущего, цели которого они считали весьма созвучными квакерским идеалам. Кроме того, квакеры во все времена близко к сердцу принимали боль и страдания невинных людей. Американские квакеры, узнав о снятии запретов, сразу обратились за разрешением на отправку благотворительного груза в Россию в сопровождении нескольких человек, которые бы контролировали распределение этой гуманитарной помощи. Государственный департамент США заявил, что «не будет создавать препятствий в деле отправки благотворительных грузов в Советскую Россию». При этом американские власти подчеркивали:

Представители, которых вы собираетесь отправить… должны понимать, что они принимают весь риск на себя и не могут рассчитывать на защиту нашего государства, находясь на советской территории.

Первыми из Общества Друзей в Советскую Россию после снятия блокады отправились представители английских квакеров. Квакерский комитет помощи жертвам войны совместно с двумя другими британскими благотворительными организациями, Фондом детей России и Фондом спасения детей, собрали деньги и закупили сухое молоко, рыбий жир, мыло, рис, овсянку и лекарства для отправки в Россию.

Риченда Скотт, президент Квакерского исторического общества, в своей замечательной книге «Квакеры в России» писала, что вместе с грузом в плавание отправились Хинман Бейкер и Франк Шоу от Общества Друзей, миссис Хаден Гест и Анатоль Сакс от Фонда спасения детей. В Копенгагене они встретились с М. М. Литвиновым, членом коллегии Наркомата иностранных дел РСФСР. Разговор шел о работе по оказанию помощи недоедающим детям. Литвинов высказался в том смысле, что в Россию стремятся приехать много организаций помощи, и у каждой из них свой персонал, а посему он рекомендовал создать совместную комиссию для координации действий. Тем не менее двое квакеров на свой страх и риск отправились в Гельсингфорс, надеясь все-таки получить разрешение на въезд. Такие разрешения в конце концов были выданы: помог Литвинов. Хинман Бейкер и Франк Шоу пересекли советско-финскую границу 17 марта 1920 года, квакерский груз на границе поместили в товарные вагоны, продукты питания и медикаменты наконец двинулись в путь.

Первым большим городом, куда прибыли квакеры со своим грузом, был Петроград. Там они провели несколько дней, встречаясь с большевистскими чиновниками из департамента Наркомата труда, в чьем ведении была работа с детьми. В результате переговоров было решено, что доставленный груз будет распределен в детские больницы и санатории. Хинман Бейкер посетил учреждения, куда распределялись квакерские грузы — как в Петрограде, так и в пригородах бывшей столицы, — и нашел состояние дел в этих заведениях вполне удовлетворительным. Он вспоминал:

Все, что я желал увидеть, мне показывали, и плохое, и хорошее, никаких специальных приготовлений к моему визиту не делалось, поскольку я никуда заранее не сообщал о том, что еду.

Риченда Скотт писала, что Франк Шоу провел схожую инспекцию детских больниц в Москве, потом вернулся в Петроград к Хинману Бейкеру. Иностранцам устраивали многочисленные экскурсии как по медицинским учреждениям, так и по научным. Рентгенологический и радиологический институт им показывал сам академик А. Ф. Иоффе, экскурсия произвела на квакеров сильное впечатление: по их словам, они увидели передовое научное учреждение. Медработники, получившие продукты питания для детей в голодном Петрограде, говорили благодетелям: «Приезжайте снова, вы нам нужны, и привозите с собой еще миссионеров из числа квакеров».

В Москве Бейкер и Шоу встретились с наркомом здравоохранения Н. А. Семашко, который предложил обсудить механизм распределения доставленных из Англии грузов. Английские квакеры познакомились с толстовцами Владимиром Чертковым и Александром Сергеенко. Чертков организовал для Хинмана Бейкера встречу с секретарем Ленина В. Д. Бонч-Бруевичем, который попросил Бейкера привезти или прислать из Англии информацию о роли квакеров в деле переселения духоборцев на Кипр и в Канаду. Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, специалист по сектам, попросил Хинмана Бейкера прислать ему любую литературу по этой теме. Кроме того, Хинману Бейкеру удалось побывать на заседании Объединенного совета религиозных общин и групп в доме Черткова.

Забегая вперед, отметим, что 22 января 1922 года газета «Известия» в заметке «Деятельность общества друзей (квакеров) в России» положительно отозвалась об этой миссии квакеров:

В мае 1920 года английское Общество Друзей выслало продовольствия на сумму 15 000 фунтов стерлингов для детских больниц, детских домов и яслей в Москве и Петрограде. Представители общества друзей г. г. Гиндман, Найкер и Франс Шоу вошли в соглашение с советским правительством о правильном распределении полученных припасов. В июле 1920-го была послана следующая партия припасов на сумму 25 000 фунтов стерлингов, в сопровождении г. Артура Уотса, который остался в России в качестве наблюдателя за распределением продуктов. Распределение было произведено среди организаций НКЗ и Наркомпроса.

Из Хинмана Бейкера советские журналисты умудрились сделать сразу двух господ — Гиндмана и Найкера, зато имя Шоу практически не исказили.

По возвращении из России Хинман Бейкер в отчете о поездке тепло отзывался о том, как русские организовывали системы медицинского обслуживания и образования в условиях нехватки горючего, лекарств, мыла, молока. Он говорил, что испытывал удовлетворение от осознания того, что хотя бы несколько тысяч русских детей на несколько месяцев были обеспечены яйцами, молоком, жирами и т. п. Его коллега по первой миссии квакеров в России Грегори Уэлч так описывал поездку Бейкера:

Он был удовлетворен тем, как распределяется помощь, сказал, что больше доверяет нынешним чиновникам, чем тем, которые были при прошлом режиме. Невозможно описать степень благодарности со стороны русских. Один из чиновников обнял и поцеловал Хинмана Бейкера, когда тот уезжал из Петрограда. Легко понять искренность такой реакции.

Далее в своем письме Уэлч ссылался на Бейкера, который писал:

Компартия полна энтузиазма как никогда (коммунисты составляют около 1% от населения страны). Можно с уверенностью сказать, что при наличии транспорта и свободы торговли они смогли бы показать России и всему миру, что же такое идеальное общество. Есть свидетельства того, что цеховые комитеты вскоре отменят. И промышленность, там, где она еще осталась, будет управляться сверху. В Петрограде и Москве вся промышленность остановилась по причине отсутствия топлива и сырья. По теперешнему закону все

избытки скота, урожая и товаров реквизируются государством, которое в обмен на полученное расплачивается обесцененными бумажными деньгами. Крестьянство противится этому, и пока власти не в состоянии выдавать за сельхозпродукцию одежду, станки и инструменты и тысячи других вещей, необходимых людям, большинство граждан в России будут выступать против большевизма.
Настроенный вполне критически к советской власти, хорошо говоривший по-русски Уэлч выражал надежду на создание справедливого общества в стране, понимая, что не все так просто:
Артур Уоттс, Хинман Бейкер и я надеемся вскоре снова побывать в Петрограде для распределения 100 тонн гуманитарной помощи для детей. Конечно, это все временные меры. Наша цель — попытаться сделать что-то в помощь России в качестве квакерских послов. Мы надеемся, что пути для возобновления квакерской помощи в России будут открыты вновь и что у нас появится возможность делать здесь какую-то работу на постоянной основе, в отличие от той, что нам удавалось делать до сих пор.
Грегори Уэлч рвался в Россию, но в отношении него большевики осторожничали. После возвращения Бейкера и Шоу в Британию визу и разрешение на въезд получил английский квакер Артур Уоттс.

Артур Уоттс родился в 1888 году в Манчестере. Он учился в квакерской школе Акворт. После окончания учебы он какое-то время работал вместе со своим отцом, Чалакомом Уоттсом: оба были первоклассными плотниками и столярами. Семья была большая и дружная: все семеро детей воспитывались в квакерском духе, что определило жизнь как самого Артура, так и его братьев и сестры. Артур был противником войны. В Первую мировую он отказался нести службу в некомбатантском корпусе, отверг службу в системе МВД, куда его потом перевели. За это он был приговорен к каторжным работам. За распространение листовки с призывом к отказу от оружия Артура Уоттса посадили в тюрьму. После освобождения он отправился во Францию — в составе группы волонтеров Квакерского комитета помощи жертвам войны. После Франции Артур Уоттс отправился в Москву: в России он работал с января 1920 года до начала 1923-го. Он вернулся в СССР в 1931 году и больше никогда не покидал Россию — до самой своей смерти в 1958 году.

Но вернемся в 1920 год. В июле Рут Фрай пишет М. М. Литвинову, бывшему тогда полпредом РСФСР в Эстонии:
Комитет помощи Друзей искренне приветствовал бы разрешение на въезд в Россию для Уэлча и Бейкера, находящихся теперь в Ревеле. Кроме распределения гуманитарной помощи, Уэлч, как полагает Комитет, был бы готов помогать вернуть петроградских детей, с которыми он работал много месяцев на Дальнем Востоке.
В то же время Артур Уоттс писал — уже из Москвы, — что тоже хлопочет о разрешении на въезд для Грегори Уэлча, отмечая тот факт, что Бейкера русские, кажется, больше видеть не хотели:
Разрешение для Хинмана Бейкера по-прежнему задерживается на том основании, что его миссия не направлена на выполнение какой-то конкретной задачи. Местные власти очень жесткие в этом плане, что

подтверждается тем, например, что Нансену не разрешили привезти с собой своего собственного секретаря.

Разрешение на въезд Уэлчу выдали, но на очень краткий срок, все попытки продлить пребывание оказались тщетными. Более того, англичанина буквально выживали из Советской России чуть ли не с первого дня. Грегори Уэлч вспоминал:

В конце моего комфортного путешествия в Москву НКИД информировал меня, что я должен покинуть Россию немедленно. И в тот же вечер мне было дано разрешение оставаться в Москве неделю. Позже я узнал, что в тот день, когда я прибыл в Москву, Красину отказали во въезде в Англию. Три дня спустя у меня была встреча с Луначарским, министром образования, касательно детской колонии петроградских детей. Он выдал мне документ, который подтверждал, что я был на службе у Отдела образования и что я срочно нужен из-за этих самых детей. Я передал этот документ НКИДу. И через три минуты мне велели передать им все мои бумаги и книги для просмотра цензурой, а на следующий день я должен был покинуть страну.

Он пробыл в Москве месяц, его постоянно пугали выдворением, что он остроумно сравнивал с шахматной игрой:

Нам везде были рады, куда бы мы ни приходили, но, как видите, НКИД должен играть своеобразную шахматную игру со всем миром. Я, как и некоторые другие иностранцы, — фигура в этой игре советских властей.

Уэлч привез в Россию 160 тонн гуманитарной помощи для детей в Москве, он должен был помочь Уоттсу с инспекцией по распределению продовольствия. Он также должен был понять на месте, где квакеры могли быть наиболее полезны мирному населению страны с учетом сферы деятельности Лондонского квакерского комитета. За месяц удалось сделать многое, и понятно, что одному Уоттсу пришлось бы гораздо труднее.

Уэлч в своем отчете сообщал, что гуманитарная помощь, продукты питания для детей прибыли в Москву через Ревель, что грузы при переезде почти не пострадали. Следует отметить, что схема доставки грузов, установленная в 1920 году, использовалась и в дальнейшем. Из Англии груз шел морем — принимающей стороной была эстонская фирма «Йохан Питка и сыновья» в Ревеле. От Питки грузы передавали в советскую миссию Гуковского, при этом Уэлч писал, что советский полпред отказывался брать на себя какую-либо ответственность за переданный ему товар, но обещал переправлять груз Артуру Уоттсу.

Как мы помним, в 1918 году Грегори Уэлч сопровождал петроградских детей из Тургояка до Владивостока. Зная многих из них, он хотел встретиться с ними: после кругосветной одиссеи 400 с лишним петроградских ребят вот-вот должны были вернуться на родину, — но советские власти дали

четко понять, что не нуждаются в его помощи. Грегори Уэлч решил больше не добиваться встречи со своими бывшими подопечными.

Уоттс и Уэлч активно общались с советскими чиновниками из Наркомздрава и Наркомпроса. По Москве эти двое ездили на велосипедах: счетчики показывали, что намотали они больше 350 миль, разъезжая по городу с одной встречи на другую. Уэлч сокрушался по поводу советской системы отчетности и контроля, настолько сложной, что порой невозможно было понять, доставлено сгущенное молоко по адресу или нет. Любые попытки квакеров предложить иную помощь, помимо гуманитарной, встречали суровый отпор. Уэлч рассказывал о своих попытках установить контакты с другими наркоматами:

Переговоры в подотделе сельской промышленности уже подходили к концу, когда какой-то рьяный большевик высказал свои сомнения в необходимости присутствия неизвестного англичанина, и это тут же привело к прекращению дискуссии. В отделе образования мне тоже любезно сообщили, что были бы мне рады, но не сейчас, а чуть позже, когда тучи разойдутся. Представитель Чичерина поблагодарил меня за мои старания помочь им, но высказал мнение, что я был бы более полезен, если бы занимался своей пропагандой в Англии.

Кроме встреч с советскими служащими, Уэлч нашел время для встреч с толстовцами и представителями иных религиозных групп, о чем он докладывал по возвращении из Москвы. В письмах он писал, в частности, об «Обществе истинной свободы», состоявшем — по словам Уэлча — из групп людей, находившихся в «поисках образа жизни, не нарушенной привычками, традициями и учреждениями, которые придуманы людьми и которые могут быть ошибочными». Англичанин явно выдавал желаемое за действительное, когда писал, что «толстовство, в основе которого и есть „Общество истинной свободы“, быстро становится национальным движением». Уэлч посетил детские приюты, бывшие в ведении Общества, побывал на общем собрании активистов, где ответил на вопросы и выступил перед аудиторией в 300 человек с рассказом о квакерах и их принципах. Толстовцы попросили Грегори Уэлча помочь с переизданием книги Толстого — избранного под названием «На каждый день». Вернувшись домой, Уэлч занялся поиском денег на бумагу для издания книги. Британский квакер был полон надежд на успех предприятия, считая книгу «крепкой отправной точкой и путеводителем к тем идеалам, к которым стремятся люди». Грегори Уэлч был человеком, в отличие от многих выдающихся иностранцев, посетивших РСФСР, не подпавшим под влияние коммунистической пропаганды, у него не было никаких заблуждений относительно правящего режима. Вместе с тем он идеализировал перспективы квакерского участия в построении будущей прекрасной России. Уэлч писал:

Есть уникальная возможность оказать помощь в создании реальной основы для России, без вовлечения какой-либо политической партии или сторонней организации, поскольку мы говорим о глубоко духовном движении, а никоим образом не о политическом.

Это было распространенное среди квакеров мнение: поскольку у них на первом месте были вопросы духовности и духовного воспитания, они считали, что власть не будет против их участия в созидании нового общества.

Совершенно понятно, что многочисленные встречи англичанина не прошли незамеченными: Грегори Уэлч больше не получил разрешение на въезд в РСФСР.

Кроме прочего, возможно, Уэлча не хотели допустить в страну по причине его повышенного интереса к спасенным в 1919 году петроградским детям. Те в нем души не чаяли, и даже десятилетия спустя участники той одиссеи вспоминали Уэлча добрым словом, а одна из девушек — Валентина Рогова — всю жизнь хранила подаренную им рождественскую открытку с поздравлением на русском языке, которую он подписал ей так: «Ваш старший брат Григорий Уэлч». Уэлч питал надежды на то, что в будущем квакеры найдут много единомышленников среди этих выросших детей. Однако власти дали понять Уэлчу, что тут они и без него обойдутся, а дети — по возвращении — непременно пройдут курс советизации, какие уж тут квакеры!

Итак, осенью 1920 года в России оставался только один квакер, британец Артур Уоттс. Между тем дел у него было много и ему требовалась помощь. Американцы пытались послать к нему своего представителя, от Комитета служения американских Друзей (AFSC). В октябре 1920 года американский квакер Дэвид Роберт Ярналл встретился в Берлине — при посредничестве Пола Андерсона из YMCA, работавшего с русскими военнопленными, — с Александром Владимировичем Эйдуком. Этот чекист, бывший председатель Центропленбежа НКВД РСФСР, председатель Центроэвака НКВД РСФСР, был еще и начальником отдела местных заграничных агентур в Наркомвнешторге РСФСР. На встрече Ярналла с Эйдуком присутствовал еще один американский квакер, Скаттергуд. После встречи Ярналл отправил своему советскому собеседнику письмо, в котором тезисно изложил суть состоявшейся накануне беседы. Из письма видно, что Эйдук положительно отреагировал на предложение о помощи со стороны американских квакеров и высказал пожелание, чтобы вся их помощь направлялась в крупные города, Петроград и Москву. Эйдук подчеркнул, что для детей нужно молоко и питание, а также теплое нижнее белье. В конце послания Ярналл выразил готовность «передать Квакерскому комитету в Филадельфии дополнительную информацию… которая помогла бы нам прийти к правильному пониманию роли наших представителей по отношению к русскому народу». Ярналл даже предложил Александру Эйдуку дополнительно изложить необходимую информацию, пообещав рассматривать такое послание как конфиденциальное и подчеркнув, что письмо могло быть доставлено членам Квакерского комитета в Филадельфии не позднее 1 ноября.

Факт встречи высокопоставленного чекиста с представителем американских квакеров говорит о заинтересованности Советской России хотя бы в минимальных поставках продуктов питания, предназначенных детям. Эта встреча также стала свидетельством стремления большевиков прорвать

блокаду стран Запада, установить для начала неправительственные отношения с представителями США в надежде на признание ими Советской России. Будущий полпред СНК РСФСР при ARA и других иностранных организациях помощи голодающим А. В. Эйдук недаром говорил лишь о Петрограде и Москве: он прекрасно понимал ограниченные возможности Общества Друзей.

В то время в Лондоне находилась американка, квакерея Люси Биддл Льюис, мать Лидии Льюис, вышедшей замуж за Джона Рикмана в Бузулуке. Люси Биддл Льюис написала Вилбуру Томасу, исполнительному секретарю Комитета служения американских Друзей, о своих встречах в Лондонском квакерском комитете помощи жертвам войны. В частности, она сообщила о том, что Грегори Уэлч, только что приехавший из России, критически относился к идее помощи русским. Люси Биддл Льюис отметила явный антагонизм между Уэлчем и Артуром Уоттсом, оставшимся в Москве. Уэлч заявлял, что Уоттсу все виделось в розовом свете, так как сам он — коммунист, и его пребывание в РСФСР в качестве представителя Общества Друзей могло, по его мнению, способствовать лишь тому, что сами Советы будут истолковывать все усилия квакеров как выражение симпатии большевистской власти и ее методам. Уэлч подчеркивал, что Уоттс не знал русского языка, а потому верил всему, что ему говорили, сам не замечая того, что большевики далеко ушли от изначально заявленных ими идеалов. Уэлч подчеркивал, что квакеры не могут поддерживать методы силового принуждения, используемые Советами, чтобы удержаться у власти. Вся квакерская помощь распределялась исключительно властями, которые исключали в этом любое стороннее участие, а потому, по убеждению Уэлча, у квакеров не было никаких шансов донести свое послание простым людям. Находящиеся в России квакеры могли лишь отслеживать перемещение грузов, но и это почти невозможно было реализовать на практике. Уэлч был уверен, что большевики не позволили ему остаться в Советской России потому, что он не коммунист. Он подчеркивал, что потребность в помощи была в России колоссальной, и возможное квакерское участие стало бы буквально каплей в море. Но если бы власти заподозрили квакеров в пропаганде своих идей среди населения, их бы немедленно выкинули. Уэлч предостерегал, что уже установление квакерами контактов с людьми, которые им симпатизировали, могло рассматриваться большевиками как пропаганда, а такие люди автоматически попадали под подозрение.

Выступление Грегори Уэлча было, пожалуй, первой критикой самой идеи сотрудничества квакеров с «товарищами». Всегда полные сострадания, говорящие правду в лицо и ожидающие правдивости от других, квакеры, незнакомые с особенностями большевистского менталитета, видели новые власти такими, какими им хотелось их видеть. Грегори Уэлч, бегло говоривший по-русски, проведший в России два года, переживший там революцию и Гражданскую войну, отлично понимал опасность принятия всего, что провозглашали большевики, за чистую монету. Он резонно опасался ловушки, в которую доверчивые квакеры могли легко попасть: большевики будут любезно улыбаться и принимать дары, при этом

отказывая им в праве самостоятельно распределять гуманитарную помощь и устанавливать контакты с духовно близкими сектами и толстовцами.

Неудивительно, что, услышав такие речи Уэлча, английские квакеры приняли логичное, как им казалось, решение: прямо сказать русским, что они действуют исходя из христианских принципов, стремятся построить на земле всемирное царство справедливости, любви и братства, а потому протягивают руку попавшему в беду русскому народу. Английские квакеры решили передать через Уоттса советскому правительству «Заявление о намерениях» — послание с изложением их духовных целей и посмотреть, будут ли большевики по-прежнему принимать их помощь. Они решили, что, если так сделают, никто не сможет обвинить их в попытках ввести в заблуждение коммунистические власти.

Люси Биддл Льюис сдержанно отнеслась к этой идее и, поскольку текст должен был быть согласован и с американскими квакерами, предложила собранию написать Вилбуру Томасу в Филадельфию, при этом и сама тоже написала ему о своем осторожном отношении к плану англичан.

В Лондонском комитете составили черновик письма, которое начиналось с комплиментов и добрых слов в адрес Кремля:

Мы высоко ценим ту работу, которую, как сообщается, вы делаете для социального подъема русского народа, работу по защите матери и ребенка, по социальному обеспечению, народному образованию и т. д. Мы с удовольствием бы приняли участие и сотрудничали с вами в этих областях.

Затем квакеры честно излагали свои принципы и указывали цели, которые они преследовали:

Мы активно выступаем за преодоление расовых и классовых барьеров, стремясь сделать все для того, чтобы все человечество стало «Обществом Друзей».

Ссылаясь на свою историю, квакеры подчеркивали свое извечное диссидентство:

Порой мы действовали вопреки законам нашей страны, когда законодатели требовали от нас, чтобы мы нарушили свои принципы, а в особенности когда от нас требовали, чтобы мы лишали людей жизни в боевых действиях.

Подводя черту, квакеры честно спрашивали у большевиков:

…Мы желали бы узнать, что вы думаете о нас и нашем желании объединить наши усилия с русским народом. С учетом вышесказанного мы хотели бы обратиться к вам с просьбой позволить приехать в Россию представителям «Общества Друзей» с целью организации независимой работы по оказанию материальной помощи, а также для того, чтобы продвигать наши международные и духовные идеалы и жизненные принципы.

Черновик, кроме Филадельфии, был отправлен еще в Москву Артуру Уоттсу, чтобы узнать и его мнение. Реакция находившегося в Советской России Уоттса была эмоциональной. Черновик он назвал «эдаким ненавязчивым чтением лекции и объяснением наших „основных озабоченностей“». Он резонно раскритиковал текст в той части, где квакеры писали о классах: «Мне будет очень непросто убедить

адресатов в целесообразности вашей „кампании по преодолению классовых барьеров“». При этом Уоттс справедливо упрекал лондонских авторов письма в лицемерии, напомнив им о том, что британские квакеры по-прежнему контролировали свои отрасли промышленности в Англии, а их английские рабочие — ничего не контролировали. Он писал: «Я выступаю категорически против того, чтобы мы прикидывались, что мы лучше, чем мы есть на самом деле».

Вместе с тем Уоттс осудил Лондонский комитет за его очевидную осторожность и опасения, что помощь квакеров будет истолковываться как выражение симпатии большевистской власти. Он заметил, что ему было трудно поверить в то, что квакеры воздержались бы от помощи русским детям из опасения, что где-то их не так поймут. И добавил: «Это уж совсем недостойное заявление с вашей стороны. Вы требовали от царских властей заявлений о том, что наша помощь не будет рассматриваться как указывающая на одобрение их целей и способов их достижения?» Он провел параллели с библейскими притчами, вопрошая, помышлял ли Христос о том, чтобы составить «Заявление о намерениях», прежде чем воскресить дочь центуриона, и отпустил саркастический комментарий, что, если бы добрый самаритянин для начала составил хорошо продуманный протокол о намерениях, «то мы, наверно, восхищались бы его „квакерской предусмотрительностью“, но это, пожалуй, исказило бы саму идею притчи».

В конце своего послания Уоттс взывает к гуманности:

Этой зимой от холода и голода в России будут страдать тысячи детишек. Вы можете помочь лишь немногим. Позволите ли вы этим немногим дрожать от холода, пока вы переживаете, правильно ли вас поняли?

Следует отметить, что американские квакеры тоже резко выступили против текста «Заявления о намерениях». По их мнению, такой документ только усложнил бы и без того непростую ситуацию: они опасались, что таким письмом можно оборвать все контакты и захлопнуть чуть приоткрывшуюся дверь. А ведь речь шла о спасении многих жизней. Американцы резонно заявляли, что именно по их делам русские будут судить о квакерах. И только тогда, когда благодарный народ сам захочет узнать, кто же такие эти квакеры, — можно будет ответить на возникшие вопросы и рассказать об Обществе Друзей.

Одним из важных пунктов «Заявления о намерениях» было пожелание открыть в России «квакерское посольство». Идею такого представительства, как мы помним, выдвигали еще сотрудники первой квакерской миссии: ее руководитель Теодор Ригг в 1919 году делился своим видением того, как и где можно было бы — при согласии большевистских властей — открыть такое посольство. Идею посольства поддерживали английские квакеры, в том числе и Грегори Уэлч. Осенью 1920 года он писал:

Я думаю, что лучшим способом продвижения Квакерского посольства в России было бы наше участие в каких-то рутинных делах, в обычной жизни, в людских проблемах. Создание и поддержка круга Друзей,

стремящихся найти истинный образ жизни, желающих найти Бога, было бы прочной основой для Квакерского посольства и его работы, в случае его открытия.

Как видно из этой цитаты, Уэлч говорил о продвижении идеи посольства, а не о выдвижении требования к большевикам дать разрешение на открытие посольства. Он считал, что квакеры своими делами должны были убедить власти в своей доброй воле, — тогда-то и можно было бы начать переговоры о посольстве или квакерском центре в Советской России.

Более гибкий, видевший реальное положение дел Уоттс в ноябре 1920 года так излагал свое видение перспективы открытия квакерского посольства в России:

Что касается той части работы, которая имеет отношение к Квакерскому посольству:

1. Я думаю, что самое лучшее послание, с которым мы можем обратиться к русским людям сегодня, — это заверение в том, что есть христиане, которые полны духа любви в своем стремлении оказать бескорыстную материальную помощь страдающим.

2. Что материальная помощь не будет использована для того, чтобы обеспечить нам канал для распространения наших взглядов или для того, чтобы создать какую-то особую благоприятную для себя атмосферу, — она должна служить выражением той самой любви, которая побуждает нас к религиозному общению с другими.

3. Я думаю, что теперь на любую нашу просьбу разрешить нам открыть квакерское посольство мы получим отказ, но в то же время ничто не мешает нашим сотрудникам встречаться с толстовцами и иными схожими группами, ничто не препятствует ведению свободных бесед с получателями наших поставок, равно как и с любыми другими гражданами.

Как видим, он явно обладал талантом дипломата, понимавшего сущность большевистского режима и умело ведшего свое дело.

В то время Госдеп США дал наконец свое согласие на пересылку помощи в Россию при условии, что распространение помощи пойдет по частным каналам. Тогда же был найден американский квакер, готовый ехать в Москву. Это была Анна Хейнс, которая уже работала в Бузулуке в 1917–1918 годах в составе квакерской миссии. Она отправилась из США в Европу и 10 ноября 1920 года участвовала в собрании, проходившем в Комитете помощи жертвам войны в Лондоне. Хейнс подтвердила англичанам, что критика текста «Заявления о намерениях» отражала общее мнение филадельфийского Комитета служения американских Друзей. В своем конфиденциальном письме, отправленном Вилбуру Томасу 10 ноября из Лондона, Анна Хейнс подтвердила противоположность характеров и темпераментов Уэлча и Уоттса, отдавая должное Грегори Уэлчу:

Уэлч действительно хорошо понимает, что творится в России, он в самом деле любит русских, просто ему сложно подстраиваться под политические соображения.

На этом же собрании был и Грегори Уэлч, который настаивал на том, что «Заявление о намерениях» следует отправить российским властям. После длительной дискуссии участники встречи пришли к соглашению, что текст будет послан письмом Артуру Уоттсу, и тот — по своему усмотрению — сможет использовать его так, как сочтет нужным. Мы помним, что Уоттс был против передачи «Заявления» большевикам, однако фактически он уже не раз излагал им своими словами суть этого документа. Артур Уоттс знал, кого и как следовало посвящать в квакерские принципы и идеалы.

Итак, к концу 1920 года существовали две точки зрения, два подхода к дальнейшей работе в России. Анна Хейнс кратко изложила их в своем письме Вилбуру Томасу:

Грегори Уэлч чувствует, что Россия в большей степени нуждается в индивидуальной работе, в духовных рамках, с упором на квакерскую форму религии, и что материальная помощь, которую мы можем привезти, должна использоваться не то чтобы как рычаг, но как отправная точка более важной, иной стороны нашей миссии. Артур Уоттс полагает, что материальная помощь — как раз то, что будет верно понято огромным большинством страдающих русских и что такую помощь надо оказывать в качестве выражения бескорыстной христианской любви. Он считает, что позже, когда страна не будет находиться в столь аномальной политической и экономической ситуации, можно будет говорить о Квакерском посольстве и его работе — без опасения быть неправильно понятыми, что, скорее всего, может произойти теперь, если поспешить. Все мы, включая Григория Уэлча, ощутили силу и мощь этого заявления, и именно оно стало основой нашего общего понимания сути будущей работы в России.

Анна Хейнс справедливо предполагала, что суть «Заявления» — наверняка не секрет для большевиков:

Я думаю, что послание Уоттса было наверняка перехвачено и давно лежит на столе у Чичерина: вся почта из Москвы приходит вскрытой.

Как мы упомянули выше, Артур Уоттс, несмотря на неприятие «Заявления», уже цитировал выдержки из него в своем послании советскому чиновнику.

Этим чиновником был симпатизировавший квакерам начальник отдела стран Антанты и Скандинавии НКИД Сантери Нуортева, которому Уоттс писал:

Я убежден, что наш Комитет всегда с готовностью будет предоставлять продовольственную и материальную помощь там, где в ней есть нужда, не ставя никаких дополнительных условий, таких как разрешение на распространение религиозного учения Общества Друзей. Тем не менее квакеры полагают, что Вам необходимо знать, что мы имеем желание вступить в религиозное братство с русскими людьми, которые исповедуют взгляды, схожие с нашими собственными.

Возможно потому, что текст «Заявления о намерениях» и в самом деле уже давно был перехвачен чекистами, слова о религиозном братстве не стали чем-то шокирующе новым для Нуортевы: никакой реакции на это с его стороны не последовало.

Зная о перлюстрации писем в Советской России, Анна Хейнс сообщала Вилбуру Томасу про первую русскую квакерею:

Графиня Ольга Толстая была принята в квакеры Лондонским годовым собранием — по ее просьбе, устно переданной в Лондон через Грегори Уэлча. Поскольку вчера нам было ясно, что шансы на возвращение Уэлча в Москву никакие, меня попросили передать Ольге Толстой устное уведомление о принятии ее в квакеры: мы полагаем, что письменное подтверждение принятия ее в некое английское Общество в нынешние времена может создать определенные трудности для графини Толстой.

Анна Хейнс получила разрешение снова въехать в Россию 24 ноября 1920 года; 27 числа того же месяца она отправилась в Москву из Ревеля через Петроград. С первого же дня она принялась за дела, которых было невпроворот. Продукты питания, медикаменты и прочие грузы шли из Англии и США морем до Эстонской столицы. Там они перегружались в железнодорожные вагоны, и состав шел до Москвы. В Москве груз размещался на квакерском складе. Уже через месяц после приезда Анны Хейнс Центросоюз выделил двум квакерам складское помещение № 5 на Переведеновке, рядом с железнодорожными путями. После сортировки на складе продукты питания и медикаменты распределялись по многочисленным организациям, с которыми установил контакты Артур Уоттс: так называемым лесным школам, детским больницам, родильным домам, молочным кухням для новорожденных.

Уоттс и Хейнс получали не только квакерские грузы: через них шло распределение грузов Фонда русских детей, Фонда спасения детей и АРА. Работать приходилось в конторке в самом здании склада, но спустя какое-то время офис перенесли в город: он располагался в Наркомпроде, в Верхних торговых рядах (нынешнем ГУМе), в квартире 201 на третьем этаже. Артур и Анна набрали русский штат для работы на складе: люди занимались распаковкой и упаковкой, административной текучкой.

Зарплату русским сотрудникам платили российские власти, но квакеры понимали, что замерзающие и голодные люди не смогут работать с продуктами и гуманитарной помощью (одеждой) «без определенной для нас потери», как деликатно выразилась Анна Хейнс. Поэтому было принято решение о выделении русским сотрудникам некоторого количества продуктов и одежды из того, что поступало в Россию.

Наркомпрод РСФСР подписал соглашение с квакерами, закреплявшее за ними право хранить и распределять продукты питания и медицинские препараты, доставленные в Москву из Соединенных Штатов и Великобритании. Непосредственно распределением занимались советские учреждения, но квакеры имели право на любую инспекцию и проверку того, куда пришли поставки.

Анна Хейнс и Артур Уоттс жили на пересечении улиц Рождественки и Софийки, в гостинице «Савой», которая к тому времени стала общежитием НКИД. Уоттс добирался на работу на велосипеде, а Анна ходила пешком: путь неблизкий. В те дни транспортная проблема в Москве стояла остро:

автомобилей почти не было, извозчики были непомерно дороги, а трамвайное сообщение оставалось крайне ненадежным. Поэтому в очередном письме Анна Хейнс давала практический совет на будущее:

Каждый новый работник, приезжающий в Россию, должен привезти с собой какое-то транспортное средство: велосипед, мотоцикл или «Форд». Вполне возможно, что бензин для нас будет бесплатным. Найм автомобиля теперь обойдется в 2000 рублей за милю.

22 декабря 1920 года открылся VIII съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов РСФСР. Артур Уоттс отправился туда, чтобы послушать выступление Ленина. Уоттс писал, что Ленин в своей речи подчеркнул, что большевики должны делать свои программы понятными для крестьян, что коммунисты должны быть популярны в крестьянской среде. Анна Хейнс тоже посетила съезд: ей запомнилось выступление, в котором говорилось о «городах-садах» как идеале для промышленности, удобных для проживания и для работы.

В декабре 1920 года небольшая англо-американская диаспора в Москве вместе с несколькими сотрудниками НКИД организовала рождественский ужин. Среди приглашенных советских чиновников почетным гостем был Нуортева, помощник секретаря НКИД, с которым квакеры продуктивно сотрудничали. Он произнес речь, в которой высоко оценил помощь квакеров, сказав, что они — единственная организация социальной службы, в отношении которой Советская Россия не имеет никаких замечаний в смысле злоупотребления заявленной миссией.

Теперь, когда квакеры обзавелись собственным офисом, складом и штатом сотрудников, надо было подумать об атрибутах официального представительства и — самое главное — о том, как следует назвать себя на русском языке. Вот как Анна Хейнс рассказывала в своем письме в Филадельфию о сложностях перевода:

После шести недель попыток сделать приемлемый перевод на русский язык Friends International Service мы сдались. Камнем преткновения было слово Service, для которого, как кажется, нет приемлемого русского эквивалента. Одно слово в переводе звучало как оказание чисто материальной помощи, другой вариант казался слишком религиозным, а третий — я забыла, что в третьем варианте было не так, но перевод не выглядел верным, — мне кажется, у него было слишком милитаристское значение. В конце концов мы пришли к мнению, что для официальных бумаг должен быть принят следующий заголовок:

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ (КВАКЕРЫ) ОТДЕЛ ПОМОЩИ ДЕТЯМ.

Это название довольно точно указывает позицию, в которой мы в настоящее время работаем в России. И если говорить об общественном признании, повсюду мы известны как «квакеры».

На официальных бумагах указывался и адрес: Центральный склад Центросоюза. Переведеновка, Инструментальный пер., 7. Москва тел. 5-91-53.

Продукты питания распределялись при содействии и силами Наркомздрава по детским учреждениям Москвы. В квакерском архиве в Филадельфии я нашел листок в линейку с трогательным

благодарственным письмом от детишек из московской Лесной школы, где говорилось:
Мы, дети 1-й Лесной школы на Воробьевых горах, приносим большую благодарность дорогим иностранцам за присланные нам гостинцы. Ваши подарки нам очень понравились, а сало принесет большую пользу, особенно теперь, так как у нас сейчас уменьшили паек. Примите большое спасибо от русских детей. Приезжайте к нам, будем очень рады. Дети 1-й Лесной школы.
В лесные школы, где жили московские дети, отпускались жиры, овсянка и нижнее белье. В женские поликлиники и молочные кухни отправляли овсяные хлопья и одежду для самых маленьких. Сухое молоко отпускалось только детям до года — его было мало.

Весной 1921 года квакеры пишут наркому Чичерину, что продукты поставляются из-за границы в объемах, достаточных для того, чтобы обеспечивать 16 000 детей молоком в течение нескольких месяцев, жиров достаточно для поддержания 30 000 детей в московских учреждениях Наркомздрава. Имелись запасы мыла, лекарств и одежды. Квакеры выражали надежду, что поставки продолжатся, что они увеличатся, и тогда они хотели бы расширить географию своей работы, включив в нее Петроград и другие регионы России. Поскольку не всем гуманитарным организациям разрешили въезд в Россию и не у всех иностранных организаций помощи были средства на содержание своих сотрудников в России, квакеры занимались распределением поставок от Фонда спасения детей и иных организаций.

Число иностранных организаций, желавших помочь продуктами, росло, но попасть в Россию было не так-то просто. Москва не хотела пускать иностранцев, поскольку ведущие иностранные державы не признавали большевистскую власть. Квакеры были уже в России, и они готовы были распределять поставки от других. Но нужны были люди, необходимо было пополнение в квакерский офис в Москве. Именно поэтому в апреле 1921 года Артур Уоттс через Чичерина запросил разрешение на въезд как минимум еще четверых квакеров — ввиду увеличения поставок. Он уведомил Чичерина, что в случае увеличения потока поставок число сотрудников придется увеличить до 20, а то и 30 человек. А еще понадобятся переводчики.

Чичерин ответил через неделю, подчеркнув, что квакеры «заслужили признательность и поддержку с нашей стороны». При этом советский нарком жестко дал отповедь иным иностранным доброжелателям, которые стремились приехать в страну. Он писал, что доброе отношение большевиков к квакерам не приведет Кремль к решению распахнуть двери Советской России для разного рода иностранных обществ по оказанию вспомоществования. Георгий Васильевич точно знал, что «подавляющее большинство этих организаций недружественны по отношению к Советской России», что они будут строить всякие козни и заниматься антисоветской пропагандой, так как их страны посредством блокады удушали миллионы русских рабочих, их жен и детей, в то же время желая своей помощью «замаскировать и прикрыть самые отвратительные черты бесчеловечной политики своих стран». Подчеркивая нежелание впускать антисоветских иностранцев, Чичерин не возражал против того, чтобы помощь шла через квакеров.

Соглашаясь с тем, что рост объемов поставок потребует приезда новых сотрудников, нарком разрешил увеличить штат, но каждого, кто хотел приехать, считал необходимым проверить и всю информацию про каждого кандидата рекомендовал послать Литвинову, тогдашнему представителю РСФСР в Эстонии.

В середине 1921 года советские власти проводили политику жесткого контроля даже в отношении квакеров, к которым они вполне благоволили: каждую заявку проверяли, и не всех пускали, как мы видели на примере Грегори Уэлча. Из НКИД сообщали хлопотавшему за квакеров А. В. Луначарскому:

В ответ на Ваше письмо от 25 июля за № 5179 сообщаю, что в настоящее время Наркоминдел не возражает против участия квакеров американской национальности в оказании помощи больным и нуждающимся, оставляя за собою право персонального отвода тех лиц, относительно которых имеются неблагоприятные сведения. Означенное решение можете довести до сведения гражданина Уотса.

Уже в августе 1921 года нарком Чичерин сообщал Л. Б. Красину, что американские квакеры ранее не были допускаемы в Россию, когда «ко всем американцам вообще был применяем общий запрет». Но теперь этот запрет снят, писал нарком, а к самим же квакерам никогда и никакой специальный запрет не применялся. Квакеры теперь во всякое время могут получить разрешение на въезд.

И вскоре многие квакеры направятся в Россию спасать людей от смерти.

Жаркая и сухая весна 1921 года уже предвещала страшную беду, размеры которой большевики еще себе не представляли. Крестьянам, ограбленным продразверстками, нечего было сеять на засохших полях, где еще недавно шли сражения Гражданской войны. Надвигался голод.

ГЛАВА 6

Голод в Поволжье. Заключение договора с Наркомпродом. Квакеры выбирают Бузулук. Начало программы помощи голодающим. Американцы вынуждены работать под АРА. Американские квакеры открывают свой офис в Сорочинском. Квакерский центр в Алексеевке. Склады квакерских продуктов в Москве. Пик голода миновал. Советские чиновники просят квакеров не уезжать.

Причины голода, начавшегося в 1921 году в Поволжье, излагались по-разному в разные времена. Понятно, что советская историография винила во всем погодные условия, кулаков и международную блокаду молодой советской республики. В последние годы появилось много научных трудов, в которых причины даются без оглядки на политическую конъюнктуру.

Одной из главных причин голода называется продразверстка, то есть принудительное изъятие советскими властями хлеба и других продуктов у крестьян по установленной («разверстанной») норме продукта и государственным ценам. Именно продразверстка привела к тому, что признаки надвигавшегося голода в Самарской губернии фиксировались еще в феврале, когда ни о какой засухе говорить не приходилось. Москва уже тогда получала тревожные вести из Поволжья, и в частности из Самарской губернии:

Ввиду неурожая 1920 года и взыскания непомерной разверстки в 10 миллионов пудов крестьяне начали голодать с января 1921, а в феврале начались голодные заболевания и смертные случаи.

К началу лета местные власти докладывали в Москву:

Тысячные голодные толпы осаждают Уездисполкомы и терпеливо ждут, никакие уговоры не действуют, некоторые тут же от истощения умирают. Необходима немедленная помощь…

Историк С. Павлюченков справедливо отмечает:

До 1920 года крестьянство, его основная масса еще имела излишки хлеба на обмен. В 1920 году крестьянское хозяйство, особенно Европейской России, по известным причинам, превратилось в натуральное и уже ни на каких условиях не могло прокормить город и армию без ущерба для себя. В разверстку 1920/21 года продовольственники отбирали самое необходимое для крестьянского двора и пашни. Аппарат стал силен, а крестьянин разорен и слаб, и «выкачка» прошла на высоком уровне, в результате — голод 1921 года.

Советские власти всерьез испугались массовых смертей на огромной территории, возможности голодных бунтов и восстаний. Известно, что

при проведении продразверстки демобилизуемым красноармейцам не оставляли хлеба; возвращаясь на родину, они находили свои деревни в полной нищете и отчаянии и прямиком пополняли отряды повстанцев. С первых чисел марта 1921 года повстанцы стали формировать из пленных красноармейцев отряды и отправлять на фронты боевых действий с правительственными войсками. Бои показали

карательным частям, что с повстанцами нужно считаться как с силой. На X съезде партии В. И. Ленин признал, что демобилизация Красной армии дала повстанческий элемент в «невероятном» количестве. Советские власти должны были накормить многомиллионное — в основном крестьянское — население почти тридцати пяти охваченных голодом губерний. В стране не было ресурсов, чтобы прокормить такое количество людей. Большевикам пришлось многое менять в своей политике, в том числе и отношение к иностранной помощи. Более того, надо было просить Запад о помощи, иначе власть большевиков могли смести вчерашние красноармейцы.

Летом 1921 года вести о голоде в России стали поступать в Европу и США. 6 июля к Западу обратился всемирно известный писатель Максим Горький с письмом, озаглавленным «К сведению всех честных людей». Обратилась к Западу и русская интеллигенция «из бывших»: созданному ими Комитету помощи голодающим советские власти дали издевательскую кличку «Прокукиш» — по фамилиям его организаторов. Статус общественного Всероссийского комитета помощи голодающим (ВК Помгол) был утвержден 21 июля 1921 года. Его возглавил председатель Моссовета Л. Б. Каменев, заместителем был назначен А. И. Рыков, почетным председателем избрали писателя Владимира Галактионовича Короленко. Просьбам, исходившим от большевиков, мир вряд ли бы поверил, а призыв комитета был услышан. На него откликнулся глава Американской администрации помощи (ARA) Герберт Гувер, выразивший готовность помочь России при выполнении большевиками ряда условий, в том числе — освобождении из тюрем граждан США. Все требования Гувера были без промедления выполнены Кремлем.

Николай Николаевич Кутлер, который входил во Всероссийский комитет помощи голодающим, узнав о соглашении Советской России с АРА, пророчески сказал:

Ну, а нам теперь надо по домам… Свое дело сделали. Теперь погибнет процентов 35 населения голодающих районов, а не все 80 или 70… Слава отважным американцам.

Уже 27 августа 1921 года он был арестован, как и все остальные члены Комитета Помгола. Между тем в июле того же 1921 года Кремль создал параллельную структуру с весьма схожим названием — ЦК Помгол. Расшифровывалось это как Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК. Ее возглавил М. И. Калинин, и после разгона ВК Помгол в стране остался лишь ЦК Помгол.

Риченда Скотт в своей книге «Квакеры в России» пишет, что информация о голоде в России достигла Англии: в британской палате общин была проведена встреча для обсуждения ситуации, создан Фонд помощи голодающей России, в состав его исполнительного комитета вошли в том числе Генри Ноэль Брэйлсфорд, полковник Джозайя Клемент Веджвуд, Г. Дж. Массингем и секретарь Квакерского комитета помощи жертвам войны Анна Рут Фрай. Представитель Российского торгпредства в Лондоне, приглашенный на мероприятие, изложил позицию России. Несколько месяцев спустя все британские организации, вовлеченные в помощь России, — Фонд помощи голодающим России, Фонд спасения детей и Общество Друзей — объединили свои усилия под одним названием «Всебританский призыв».

Собранные пожертвования шли в одну из трех организаций, если на то было желание жертвователя, или направлялись на те цели, которые были наиболее важными в данный момент, — если пожертвование было нецелевым.

Уже 20 августа 1921 года в Риге Советская Россия подписала с АРА соглашение о сотрудничестве в преодолении голода. Неделю спустя, 27 августа, было подписано Дополнительное соглашение между советским правительством и Исполнительным комитетом международной помощи голодающим России (Нансеновским комитетом). Религиозное общество Друзей Англии и Америки (квакеры), с одной стороны, и Народный комиссариат продовольствия (Наркомпрод) РСФСР — с другой, заключили 16 сентября 1921 года соглашение, в котором, в частности, говорилось, что

Общество Друзей, продолжая свои работы по оказанию помощи детям, больницам и страдающему от недоедания населению города Москвы, особенное внимание уделяет помощи голодающему Поволжью, а также и другим районам по соглашению с Наркомпродом.

Москва заключила еще ряд договоров с иностранными неправительственными организациями ради обеспечения голодающих россиян едой. Договоры были схожи, и суть их можно изложить следующим образом:

1. Целью всех организаций является оказание помощи голодающему населению в том или ином виде (оказание продовольственной помощи, снабжение одеждой и обувью, медицинская помощь). Все организации обязуются не заниматься политической и коммерческой деятельностью.

2. Все грузы, предназначенные для голодающих, перевозятся за счет организаций, являющихся собственниками грузов, до предназначенного русского или иностранного порта.

Выгрузка и дальнейшая перевозка грузов, а также и распределение производятся за счет советского правительства.

3. Заграничным организациям предоставляется право выбора района, установления системы распределения, контроля и приглашения технического персонала из русских граждан.

4. Иностранцам, сотрудникам заграничных организаций, предоставляются обычные дипломатические привилегии на время пребывания их в России. Однако советскому правительству принадлежит право высылки лиц, замеченных в преступных по отношению к существующей власти деяниях.

5. Советское правительство бесплатно предоставляет нужным организациям помещения, проезд, пользование почтой, телеграфом и телефоном.

6. В случае потери или использования жертвованных грузов не по назначению советское правительство выплачивает их стоимость владельцам.

Для успешной работы иностранных организаций и для связи и содействия их работе было создано Полномочное представительство правительства РСФСР при всех иностранных организациях, а на местах — местные представительства. В Москве полпредом СНК РСФСР при АРА и всех иностранных

организациях помощи голодающим был назначен чекист Александр Владимирович Эйдук. Полномочным представителем по Самарской губернии стал чекист Мартын Мартынович Карклин. Его основные функции были такими:

1. Прием иностранных представителей, оказание им всяческой организационной и другой помощи.
2. Организация и оборудование питательных пунктов, столовых, баз, кухонь.
3. Учет нуждающегося населения, определение размеров помощи и др.
4. Охрана прав иностранных представителей в соответствии с соглашением.
5. Систематическое представление сообщений, сводок, отчетов о результатах и ходе работы, о финансовых и продовольственных расходах.

При этом чекисты, которые везде видели шпионов и диверсантов, буквально с первых дней работы иностранных миссий, спасавших россиян от голода, начали внедрять в миссии своих агентов и доносчиков.

В конце сентября 1921 года ВЧК направил Ленину доклад, в котором, в частности, говорилось о том, что ими были завербованы и поставлены для работы в АРА десять секретных сотрудников. Был и еще один осведомитель — иностранный журналист-коммунистка. Для работы по осведомлению в Петроградское отделение АРА чекистами был послан «один товарищ, предварительно запасшийся рекомендациями от американской организации квакеров, находящихся здесь, в Москве. Ему поручена также и по возможности вербовка секретных сотрудников, работающих в АРА в Петрограде». Как видим, и у квакеров среди русских сотрудников были чекистские агенты.

В конце августа 1921 года квакеры направились в Самару, чтобы на месте определить размах катастрофы и оценить, где Общество Друзей может приложить свои усилия с наиболее эффективным результатом. В поездку — вместе с группой русских врачей — отправились американка Анна Хейнс и Маргарет Торп, квакерея из Австралии, которая вспоминала:

В Самару я выехала Ташкентским поездом 28 августа 1921 года. Мы везли с собой провизии на 10 дней, утварь для приготовления пищи, свечи и очень много порошка Китинга (персидский порошок, который в Англии выпускался под таким названием и считался надежной защитой от клопов и блох). Нас сопровождал важный чин из НКИД, который — с достоинством и тихим упорством — держал нас под контролем. Мы могли осматривать все, что пожелаем. По прибытии в Самару мы нанесли визит местным советским властям, где нам предоставили статистику и рассказали о том, что происходит… На автомобиле нас провезли по деревням в радиусе 30 миль от Самары… Большинство местных жителей собирались сняться и уехать, поскольку хлеба не было, картошки не было, даже травы не было. Практически в каждой избе я видела скамьи, на которых лежали ветки с листьями: березовые и липа. Их сушат, перетирают, потом смешивают с семечками подсолнуха или с желудями, добавляют арбузные корки, немного глины и воды, а затем пекут некую субстанцию, которую они зовут хлебом, но запах и вид которой скорее

напоминает запеченный навоз. Дети не могут этим питаться, они умирают от несварения. Младенцев вообще практически нет, а те, что еще живы, выглядят ужасно. В некоторых селах, как, например, в Ставрополе-на-Волге, едят глинистый сланец. У всех детей вздутые животы, головы у многих рахитичные, увеличившиеся в размерах. Одеты все ужасно: рваные рубашки и никакого нижнего белья.

Верблюд у Бузулукского зернохранилища. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Результатом поездки в Самару Торп и Хейнс стал выбор Бузулукского уезда как области приложения усилий квакеров — как английских, так и американских — в деле спасения умирающих от голода людей. К началу осени во многих деревнях уезда были организованы местные комитеты Помгола, открыты питпункты, ждали поставок продуктов питания. Многие школьные учителя были освобождены от работы и направлены на борьбу с голодом. Транспортировка грузов в сельской местности была серьезной проблемой: тягловые животные либо сдохли, либо были ослабевшими от недокорма. Наиболее надежными оказались верблюды: они питались колючками, были выносливы, хотя и очень неторопливы.

Самарский сборник «На фронте голода» писал в 1921 году:

Работа квакеров началась приблизительно 10 сентября с. г. Первоначально она выразилась следующим образом: получено было три вагона продуктов и одежды, которые распределялись между учреждениями

Губнароба, Губздрава и Губсобеза, при участии членов общества квакеров.

Дальнейшей своей задачей квакеры поставили исключительно работу в Бузулукском уезде, где благодаря отсутствию продуктов выдавалось только 5 000 порций для 45 детдомов. В программу свою квакеры поставили кормление 25 000 детей, и по мере поступления продуктов, — увеличить эту цифру до 100 тысяч порций на два месяца. Общество квакеров проводит свою работу при помощи Бузулукского Уисполкома, при наличии ничтожного количества технического аппарата, в размере 10 человек, которые содержатся на средства квакеров.

Первоначальный план распределения питания у квакеров был прост: кормить только те деревни, где дела обстояли хуже всего. Однако от этой схемы пришлось быстро отказаться: крестьяне из всех деревень, прослышав о раздаче продуктов в некоторых селениях, бросали свои дома и детей, устремлялись туда, где кормят. Это привело к резкому увеличению числа детей в детприемниках и детских домах. Поэтому квакеры решили кормить весь уезд, причем кормление осуществлялось через следующие точки:

А. Кухни (питпункты). В них кормили детей, отобранных местными комитетами Помгола.

В питпунктах выдавали пайки, в которые входили мука, бобы, какао, сахар, рис, жир, шоколад и сухое молоко.

Б. Детские учреждения. Пайки передавались местным государственным детдомам, расположенным по всему уезду (включая и Бузулук). Эти учреждения постоянно инспектировались квакерами, которые контролировали выдачу продуктов.

В. Кормящие матери. Пайки выдавались во все родильные дома.

Г. Младенцы. Пайки передавались в ясли или тем матерям, которые находились со своими младенцами дома.

Список продуктов, входивших в паек, был одинаков, разнились объемы. Кроме того, в пайки, выдаваемые кормящим матерям, входили еще овсянка, рыбий жир и мыло.

Вот — для примера — короткая выписка из отчетов по распределению квакерских продуктов в ноябре 1921 года. Это самое начало квакерской эпопеи спасения людей. Продукты и вещи распределялись по детским учреждениям Бузулука и детским домам в уезде:

Распределение продуктов Обществом Друзей в Бузулукском уезде за ноябрь 1921 года.

Бузулукские ясли (ул. Уфимская, 41): мука (8 пудов), рис (1 пуд), какао (15 фунтов), мыло (30 фунтов), рыбий жир (15 фунтов).

Бузулукские ясли (ул. Почтовая, 20): мука (2 п.), рис (25 ф.), какао (7 ф.), мыло (15 ф.), рыбий жир (7 ф.) <…>.

Разная одежда:

д/д № 11 (Воронцовка, Твердиловской волости): 72

д/д № 4 (Бузулук): 10

д/д № 10 Самарская: 42

д/больница УЗДР Театральная: 14

для детей переселенцев (молокан): мука (18 п. 30 ф.), сало (1 п. 10 ф.), рис (7 п. 20 ф.), сахар (1 п. 10 ф.), какао (25 ф.), мыло (25 ф.), шоколад 25 кор.

Ранней осенью 1921 года в Бузулук прибыл Артур Уоттс. Он стал руководителем английской квакерской группы, которая на первых порах была чрезвычайно малочисленна. Уоттс сам вел переговоры с Наркоминделом, добиваясь получения разрешения на въезд большего числа британских сотрудников.

В начале декабря 1921 года Уоттс писал в Лондон:

Население уезда 618 976 человек, из которых 252 100 — дети. Железная дорога пересекает уезд через центр, с запада на восток. В уезде 53 волости. Для удобства анализа нужды мы разбили их на 5 категорий. Первые три уже полностью исчерпали местные ресурсы продуктов питания, а другие две, предположительно, исчерпают все к 1 января и к 2 февраля 1922 года соответственно. Следует отметить, что самые худшие регионы — к югу от ЖД. По всему уезду организованы местные комитеты Помгола, во многих селах и деревнях уже созданы питпункты — ждут только припасов.

Выдача питания планировалась при участии местных комитетов Помгола, квакеры использовали их кормокухни, просили, чтобы они открыли новые питпункты там, где была в том нужда. Строгий контроль осуществлялся в каждом районе: проверки проводили двое супервизоров (сотрудники миссии на полной ставке). Весь уезд был разбит на восемь административных районов, в пяти из которых создавались склады, или точки поставок (близ железной дороги). С этих складов, которыми заведовали квакеры, продукты развозились по деревням, на склады же привозили отчеты о раздаче продовольствия на местах. Эти отчеты пересылались в Лондон. В деревнях работали три, а то и четыре питпункта, причем в каждом таком пункте раздачи питания за правильностью распределения следил ребенок, которого выбирали всеобщим голосованием.

Местные комитеты принимали решение, кого кормить, — они выбирались в каждой деревне либо местным сельсоветом, либо сельсоветские просто входили в такой комитет. Отчеты с полей и частные письма сотрудников квакерской миссии нередко содержали истории о мелких хищениях и жульническом распределении продуктов комитетами, но такие нарушения не ставили под вопрос саму систему распределения: квакеры на местах решали проблемы с присущим им терпением. Такие нарушения квакеры объясняли характером русского крестьянина, а также частично оправдывали суровостью ситуации, в которой оказались селяне. Квакеры настаивали на том, чтобы на местах имелись четко составленные списки людей, получавших питание. При этом Друзья подчеркивали, что им приходилось сохранять строгость и никому не делать исключений.

Те, кто выжил, питаясь квакерскими продуктами, вспоминали, что «продукты квакеров были высокого качества: белый хлеб, мясо, сгущенное молоко, разнообразные консервы, крупы, жиры».

Сначала планировалось, что английская группа квакеров будет работать совместно с американской, но потом решили, что американцы должны взять на себя три точки в восточной части уезда. Для трех участков из восьми, где не было точек поставок продуктов, продукты доставлялись напрямую из Бузулука, Павловки или Тоцкого.

Первыми квакерами, прибывшими в Бузулук, были Катберт Клейтон, Алберт Коттерелл и Том Коупман. Все вопросы касательно распределения помощи обсуждались с местными властями и решались довольно быстро. Власти также обеспечивали вооруженную охрану складов, где хранились квакерские запасы продуктов питания. Артур Уоттс был вынужден постоянно курсировать между Москвой и Бузулуком.

Для сбора средств и для того чтобы финансирование с Запада стало поступать как можно скорее и в достаточных объемах, нужно было вести репортажи с места, из районов, пораженных голодом. Анна Хейнс сразу по возвращении из Самары отправилась в Британию, рассказывать о бедственном положении дел в России. Риченда Скотт в своей книге писала:

На собрании общественности в Эссекс-Холле Анна Хейнс в спокойной манере рассказала — с приведением множества фактов — о том, что творится в России. Она избегала какой-либо драматизации в изложении фактов, равно как и не старалась преувеличивать то, чему сама была свидетелем. Такая манера изложения произвела самое сильное впечатление на собравшихся.

Для написания регулярных корреспонденций в средства массовой печати стран Запада Комитет служения американских Друзей взял на работу Анну-Луизу Стронг, американскую журналистку левого толка. Не говорящая по-русски Анна-Луиза, переехав границу, сразу начала писать репортажи для английской и американской прессы:

Всю дорогу до Москвы, начиная от Минска, мы были свидетелями воодушевления, с которым граждане выступают на борьбу с голодом. В вагон заходят мальчики в полотняных рубахах, босоногие. Они с важным видом продают газеты «Все на борьбу с голодом» или просто собирают пожертвования, при этом каждому выдается чек, подтверждающий пожертвование. Повсюду были плакаты и афиши представлений, доходы от которых пойдут голодающим Поволжья.

Анна-Луиза по приезде в Россию слегла с тифом, но оправившись от страшной болезни, стала весьма активна в Самарской губернии. О ней писали, ее фотографировали для газеты «На помощь!» Самарской губернской комиссии по улучшению жизни детей, где был опубликован фоторепортаж под заголовком «Помощь голодающим детям». На снимке «мисс Стронк с переводчицей Гроховской среди наделенных ими одеждой, бельем и подарками голодных, оборванных детей в одном из приютов Самары». Другое фото было подписано «Представительница Англо-Американского Общества „Квакеров“ вместе с выборными села, распределяют голодным, оборванным детям одежду, белье и шоколад в с. Ново-

Семейкино Самарского уезда». Чуть ниже была помещена картинка «Мисс Стронк лично одевает мальчика в чистую рубашку и английский костюмчик в одном из приемников Самары».

О ней писала и всероссийская газета «Известия»: «Анна Стронг, член „Друзей комитета помощи России“ в „Манчестер Гардиан“ подчеркивает „огромную самодеятельность в России ради спасения страны“, отмечая широкую организационную работу, развиваемую Наркомздравом».

Поработавший в Бузулуке английский квакер Алберт Коттерелл вернулся в московский офис для обсуждения ситуации в голодном уезде. После беседы с ним Артур Уоттс писал в Лондон:

Голод усиливается с каждой неделей, в то время как мизерные запасы продуктов питания уменьшаются и увеличивается число людей, не имеющих никакой еды. Коттерелл рассказал, что кормление детей в городах привело к тому, что резко выросло число подброшенных детишек, которых бросают родители, и что такая ситуация представляет серьезную опасность: многие из детских домов уже получили название «Домов смерти», потому что детей там больше, чем можно прокормить.

Квакеры приняли решение перейти на выдачу пайков, чтобы обеспечивать питанием весь уезд, даже если это означает, что нам придется распределять наши ограниченные запасы в очень небольших пайках. Такое решение пришло из четкого понимания, что, если мы сделаем условия кормления в каком-то одном регионе заметно лучше, в этот самый регион немедленно устремятся тысячи голодающих. Это накладывает на нас, квакеров, огромную ответственность. Мы взялись за работу, которую нельзя как-то ограничить, на что мы надеялись вначале. Мы должны кормить 30 000 детей в уезде безотлагательно, а к Рождеству мы должны кормить 100 000. К январю все наши местные склады опустеют, и вполне возможно, что мы должны будем расширить наше кормление от 300 000 до 500 000. Поэтому мы либо должны сами вырасти до таких цифр, либо разделить ответственность за этот регион с какими-то другими организациями.

Понятно, что распределение ответственности за работу в одном и том же регионе с какой-то другой организацией квакерам, руководствовавшимся своими принципами, было нежелательным.

Если организация-напарник не работает в полной гармонии с нами, то, несомненно, мы столкнемся с большими трудностями. Мы думали о том, чтобы обратиться к американским квакерам, призывая их приехать сюда и разделить часть ответственности за один и тот же регион с нами. Но теперь, после соглашения с Гувером, нам стало более понятно, что это не подходит для нас. Отношение со стороны простых граждан и чиновников к АРА и к нам существенно различается. У нас тут в России положение довольно-таки уникальное, и самый факт, что мы не связаны ни с каким правительством или с полуправительственной организацией, значит очень много для того, как мы будем развивать наше сотрудничество и дружеские отношения в процессе нашей работы.

Действительно, от американских квакеров власти США потребовали, чтобы те работали под зонтиком АРА. В начале ноября 1921 года американский квакер Мюррей Кенуорти, приехавший в Россию, писал

домой:

Сорочинское. Американка Дороти Детцер с продуктами и одеждой для русских крестьян. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Мы, американские квакеры, должны работать как сотрудники АРА, но нам будет предоставлена известная свобода, в рамках которой мы будем трудиться. И мы условились, что мы продолжим работу с английскими квакерами и продолжим нашу деятельность как совместную работу англо-американских Друзей. Наша отчетность будет вестись раздельно, мы, возможно, будем заниматься распределением наших поставок раздельно, но мы не собираемся разделять наши пайки, станем избегать дискриминации в вопросах о размещении наших сотрудников, — вот почему мы планируем, что американцы и англичане будут работать в одних и тех же точках.

В общении с местными властями для американских и английских квакеров используются краткие названия: Американская группа ОДК (Общества Друзей — квакеров) и Английская группа ОДК. Или — Американо-квакеры и Англо-квакеры.

В письмах и дневниках квакеры писали об ужасах голода в Бузулуке и уезде. Эти частные рассказы в прессу не попадут. Американец Мюррей Кенуорти так описывал ситуацию в регионе:

Статистика смертей увеличивается, пугающие условия в районах, охваченных голодом, показывают всю трагедию и ужас, разница по районам только лишь вопрос степени силы голода. На улицах все больше мертвых, гора незахороненных трупов на кладбище становится все больше с каждым днем, и т. д. и т. п.
И это еще не все: мисс Уайт, с которой я работал в первые дни, сейчас находится на своем посту в уезде, она сообщает о росте каннибализма. Одна мать убила свою 9-летнюю дочку и съела ее, а другое семейство съело старуху, умершую в их доме. Вчера я видел, как собака напала на женщину, я кинулся на помощь, но она смогла сбросить с себя собаку, прежде чем я добежал. Не знаю причину нападения собаки: то ли от голода, то ли от злобы. В большинстве деревень собак уж нет — их там съели, но в Бузулуке их осталось еще сколько-то. Я уже значительное время предупреждаю наших сотрудников, чтоб они были осторожными, когда увидят пса. Всякий раз, когда пишу, я думаю, что больше не буду ничего говорить об ужасах голода, и все равно, как я полагаю, вы хотите знать о том, что происходит здесь ежедневно, даже ежечасно.
Донесения местных чекистов в центр были еще ужаснее:
Голод дошел до ужасных размеров: крестьянство съело все суррогаты, кошек, собак, в данное время употребляют в пищу трупы мертвецов, вырывая их из могил. В Пугачевском и Бузулукском уезде обнаружены неоднократные случаи людоедства. Людоедство, по словам членов волисполкома, среди Любимовки принимает массовые формы. Людоеды изолируются.
Советские чиновники докладывали в Самару из Бузулука о том, как голод влияет на умонастроения местных жителей. Ответственный секретарь Бузулукского уездкома РКП(б) Т. Ф. Ильин писал:
Политическое состояние уезда к 1 января определялось следующим образом: частью — апатией, безразличием к власти и ко всему окружающему, большей частью — злобным недовольством против Советской власти. Объясняется это тем, что к первому января голод всей своей полнотой обрушился на население… по мере увеличения выдачи на местах продовольствия, а с января широко развернули работу Общество квакеров, меняется и настроение крестьянства, и их отношение к окружающему, пропадает апатия и безразличие, и мало-помалу они втягиваются в общественную жизнь.

Незахороненные трупы умерших от голода на кладбище Бузулука. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

В первые месяцы число работников-квакеров в Бузулуке и уезде было невелико. До января 1922 года в бузулукском офисе квакеров трудились 2–3 человека, по селам и деревням уезда были разбросаны единицы. В силу ограниченности контингента все жили и трудились в состоянии нескончаемого аврала. Ни о какой стратегии на этом этапе говорить не приходилось, планировать что-либо заранее было невозможно. В своем интервью квакерскому журналу «Друг» (The Friend) доктор Нансен высоко отзывался о работе квакеров в России:

Их предвиденье, усилия, ими предпринятые, проторили дорогу, и сделали они это так, как никто иной не смог бы сделать. Они проложили путь для других, для международной мобилизации сил во имя спасения миллионов русских от голода. Общество Друзей прибыло в Россию в критический момент.

Интересно читать описание быта квакерских офисов в Бузулуке и в Сорочинском. Мюррей Кенуорти вспоминал:

Условия для проживания в Бузулуке хорошие. Выделено одно из лучших зданий в городе с комнатами, плюс еще и другие здания.

Вскоре самого Кенуорти вместе с коллегами отправили в село Андреевка, в 60 километрах на юго-запад от уездного центра Бузулук. Сам он с двумя своими спутницами добрался туда на квакерском грузовике «Форд», в то время как запасы продуктов питания доставлялись в этот и другие квакерские центры

лошадьми или верблюдами. Кенуорти писал, что его группа состояла из двух женщин и его самого. С ним — тридцатилетняя ирландка Дорис Уайт, у которой за плечами был опыт почти четырех лет работы по оказанию помощи во Франции, Германии, Польше и России. Дорис Уайт быстро выучила русский язык — она будет одной из последних квакеров, уехавших из СССР в 1931 году, проработав в стране десять лет. А пока ни Кенуорти, ни Уайт не знали русского, с ними была переводчица из Бузулука, немка, которая не говорила по-английски, только по-немецки и по-русски, так что она разговаривала с местными крестьянами по-русски, затем говорила по-немецки с мисс Уайт, которая переводила сказанное на английский для американца Мюррея Кенуорти. Квакеры отвечали за кормление голодающих на колоссальной территории, и в ожидании новых работников они делали все, что могли. «Если люди умирают, мы не можем выжидать, когда у нас появится все, что нам надо», — писал Кенуорти.

Здание в Бузулуке, в котором располагался офис английских квакеров в 1921–1924 годах. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

В своих письмах он рассказывал о бытовых аспектах жизни в Андреевке:

Место для нашего проживания еще не было готово, когда мы сюда приехали, так что нас разместили в избе, в которой было две комнаты, и в ней уже жили восемь человек. В первую ночь мы спали все в одной комнате: трое мужчин и три женщины. Шесть человек — шесть национальностей: ирландка,

немка, еврей, русская, литовец и американец, вот такая международная команда. В комнате не было никакой вентиляции, окна двойные, щели замазаны либо замазкой, либо намоченной бумагой. Комната вполне приличного размера, но в ней находилась и горячая печка. Сейчас у нас очень хорошее жилье — по российским меркам. У меня своя собственная комната, где я сейчас и нахожусь. Это часть больницы. Больничный комплекс состоял из пяти зданий, в двух находились палаты для больных, а три дома предназначались для других нужд. Нам предоставили одно здание полностью.

Американские квакеры открыли офис в селе Сорочинское, в 80 километрах от Бузулука. Бьюла Харлей, американка, так описывала новый быт:

Дом и офис. Здание библиотеки, Троицкая улица, 26: это десять минут пешком от станции. Последние шесть месяцев здание не использовалось, но печку переделали, и теперь она в порядке, насколько это было возможно. Имеется длинная лестница и залы — большой наверху и еще один внизу. Тепло и светло: привезли дрова и керосин. На первом этаже кухня и офис, наверху маленькая гостиная, большая и две маленькие спальни. Одна большая и одна малая теперь заняты под изолятор для больного и медсестры, двое других мужчин спят на первом этаже, в офисе, там есть подходящая ниша. Дворничиха и сторож спят на печке на кухне, очень по-русски.

Сорочинское. Здание офиса американских квакеров — двухэтажное здание с левой стороны улицы.
Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Поступавшие по железной дороге продукты питания размещались на складе у вокзала. Немногочисленному коллективу квакеров помогал местный комитет Помгола: сорочинский коммунист Коновалов и Томас, его помощник, немец. Они приходили к квакерам практически каждый день, чтобы помочь, готовые обсуждать все на свете, начиная от бытовых вопросов и заканчивая политикой. Еда распределялась по всей волости: там были организованы столовые, или питпункты, как их называла местные жители. Кроме питания в столовых, квакеры распределяли еду по детским домам и детприемникам. Кроме того, квакерские пайки выдавали детям в школах, тем самым поощряя учебу, которую ребята совсем было забросили по понятным причинам: голодное брюхо к учению глухо.

Общая ситуация стабильно ухудшалась, как писала Бьюла Харлей:

Ситуация в Бузулукском уезде одна из самых худших, но все равно люди умудряются хоронить мертвых, правда, в братских могилах, по 200 трупов в котловане. Тени, что проскальзывают мимо окон нашего офиса, — это люди, которые приходят и чуть слышно подают голос у нашей двери, чем, конечно, буквально разрывают наши сердца, и то, что нам приходится отворачиваться от этого, кажется высшим скотством, но что поделать? Кормить каждого и дать умереть сотням?

Поставки квакерских продуктов шли в Бузулук бесперебойно из Англии и Америки. Но для закупки продуктов нужны деньги, а для того чтобы собирать пожертвования в своих странах, нужно было рассказать гражданам о том, на что именно их просят жертвовать. Рассказы об ужасах голода, о нелегкой работе англичан и американцев могли бы писать и сами квакеры, но у них дел было невпроворот. Да и написать надо было так, чтобы читатель ужаснулся, проникся состраданием. Для этого требовались хорошие рассказчики; к квакерам приезжали журналисты. Журналистка Эвелин Шарп из «Манчестер Гардиан» побывала в Алексеевке, после чего написала о том, как квакеры спасали людей от голода:

Я посетила столовую в Алексеевке. Туда дети приходят получить свою дневную порцию супа, какао с молоком, шоколада (три кусочка в неделю) и хлеба. В волостном центре Алексеевке квакеры содержали 27 столовых. Из некогда населявших Алексеевку 8000 человек остались три с чем-то тысячи. Совершенно невозможно получить точные данные о смертности в голодных регионах, отчасти потому, что число смертей растет буквально с каждым днем, но в основном из-за того, что захоронение в обычном порядке стало невозможным, и посему подсчитывать число умерших исключительно сложно: трупы лежат в сараях, на неработающих мельницах, иногда в церквях или просто в ямах, вырытых возле храмов. Так много столовых в этом селе нужно по той причине, что Алексеевка, как и многие другие русские села, растянулась вдоль главной улицы на несколько верст. В селе нет больших зданий, поэтому столовые приходится устраивать в маленьких избах, где может разместиться лишь ограниченное число детей.

Та столовая, в которую зашли мы, была типичной квакерской столовой, которые есть во многих селах Бузулукского уезда Самарской губернии. Размещалась она в крестьянском доме. Там кормились около 50 детишек. С потолка свисала люлька, в которой спал младенец. Остальные дети сидели на печке,

разглядывая нас с любопытством. В двух больших котлах грелись суп и какао. Группа детей и их матерей стояла тут же, тихо и спокойно. В их руках были металлические ложки и глиняные горшки, очертаниями напоминавшие греческие вазы. С потолочной балки свешивались примитивные весы, в которых взвешивали пайки хлеба, около четверти фунта на каждого ребенка. Процесс проходил под внимательным взором крестьянского контролера — эта женщина была выбрана самими матерями. Взгляд ее был полон суровой справедливости, и не хотела бы я быть, скажем, владельцем помещения столовой, решившим утащить крошку хлеба у детей.

Продукты питания в Бузулук и Сорочинское приходили по железной дороге из Москвы, куда они доставлялись товарными поездами из столицы Эстонии Ревеля. Об этом сообщала и советская пресса. Так, 6 ноября 1921 года газета «Известия» поместила заметку «Работа поездов-складов Наркомздрава на голоде»:

…На днях ушел из Москвы третий поезд-склад № 1, который повез в Бузулук продовольствие и одежду для голодающих детей, предоставленные Американским обществом квакеров. С этим поездом поехали представители общества, каковые будут руководить на месте раздачей имущества… Кроме отправки целых поездов-складов, отделом путей Наркомздрава было отправлено отдельно два вагона со специальными агентами в Пугачев с продовольствием и одеждой, предоставленными Американским обществом квакеров.

Грузовик квакеров с мешками с зерном перед зданием американской миссии в Сорочинском. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Следует отметить, что помощь английских благотворительных фондов, оказываемая, в том числе через квакеров, вызывала критику недоброжелателей в Британии. Так, английская «Дейли экспресс» подвергала сомнению справедливость траты денег британских доноров в России. Не подвергая сомнению честность английских благотворительных организаций, это издание высказывало опасения по поводу российской неэффективности и нечестности русских, указывая на нестабильность ситуации в Советской России. Такие публикации не могли не сказаться на сборе средств в помощь голодающим. В подобной ситуации разъяснительная работа становилась чрезвычайно важной: Лондонский квакерский комитет выпускал массу буклетов, таких как «Факты и статистика». Эти буклеты рассылались в английские СМИ — в них уделялось особое внимание тому, как доставка продуктов контролировалась на всем пути — из Лондона в Ригу или Ревель, оттуда — в Москву, и далее — в Бузулук. В этих изданиях квакеры особо подчеркивали, что степень воровства и пропаж была очень невысока.

Англичанка Гертруда Остлер, журналистка из газеты «Манчестер Гардиан», побывала на квакерском складе в Москве. Только что пришел состав из Ревеля, вагоны отцепили, и Остлер, вместе с завскладом

Томом Ридом, пошла осматривать бузулукский товарный поезд № 9, который стоял на путях в ожидании паровоза.

Вон он, все 32 вагона, забитые продуктами питания и одеждой, готовый к отправке в голодный край. Мы идем вдоль состава по сугробам, пересчитывая вагоны и любуясь пломбами и печатями на дверях. Посреди эшелона — вагон с охраной: именно в нем, вместе с десятком красноармейцев, поедут наши работники. Они будут следить за сохранностью груза, они везут с собой важные документы, которые требуют от начальников станций немедленно давать зеленый свет составу, чтобы еда была доставлена туда, где ее ждут, без задержек.

Невольно думаешь о тех добрых людях, которые собрали деньги на покупку молока, какао и фасоли, и сожалеешь, что они сами не могут увидеть, как быстро и умело их дары отправляются туда, где их ждут. Начав работу в Бузулуке и уезде с сентября 1921 года, к февралю 1922-го Английская группа кормила 70 000 детей и 60 000 взрослых, то есть всего 130 000 человек. Следует особо подчеркнуть, что в отделе снабжения Бузулукского офиса квакеров работал лишь один англичанин и четверо или пятеро русских сотрудников. Для разгрузки приходивших на станцию Бузулук товарняков с продуктами направляли два-три десятка членов местного профсоюза железнодорожников. За работу им выдавался небольшой паек, но от постоянного недоедания эти несчастные порой были не в состоянии поднять мешок или ящик на разгрузке. Месяц от месяца росло число пайков, увеличивалось число людей, получавших еду от квакеров. Бузулукская уездная комиссия помощи голодающим, отчитываясь за май 1922 года, писала в Самарскую губернскую комиссию помощи голодающим:

Как и следовало ожидать, цифра наличного населения несмотря на то, что процент смертности почти уже нормальный, благодаря более точным сведениям с мест полученным от Волисполкомов на 1 июня, выражается в 515 161. Имея в виду, что почти нормальный процент смертности, если не будет эпидемий, может измениться только в сторону его понижения, можно определенно констатировать, что вместе с эвакуировавшимися (около 30 000) уезд потерял до 140 000, т. е. 21,5% населения вместо ожидаемой убыли в 50%, судя по размерам гибели населения в начале голода, и особенно ноябрьской, декабрьской и отчасти январской смертности. К настоящему времени Укомпомголод при помощи иностранных организаций из общего числа нуждающегося населения в 485 241 человек питает 478 772 души, т. е. почти все 100%.

Даже минимальным числом сотрудников квакеры сумели спасти десятки тысяч людей.

В июне 1922 года квакерская программа оказания помощи голодающим достигла своего пика, число получавших питание существенно увеличилось. Английские и американские труды по истории квакерской помощи, как и советская пресса, давали ошибочную информацию, приводя существенно заниженные цифры. При помощи сотрудников Бузулукского архива мне удалось обнаружить документы, в которых зафиксировано:

Английская группа ОДК (в 38 волостях северо-западной части уезда и в городе) кормила 264 184 человек.

Американская группа ОДК (в 18 волостях юго-восточной части уезда, резиденция — с. Сорочинское) кормила 147 806 человек.

ВСЕГО 411 990.

То есть в июне 1922 года квакеры — американские и английские — кормили 85% нуждавшегося населения Бузулукского уезда! В архивных документах указывались продукты, входившие в пайки:

Английской группой ОДК выдается паек одинаковый как для взрослых, так и для детей: пшеницы — 12 фунтов, фасоли — 2 ф., сельдей — 1 ф., муки — 3 ф., рису — 1 ф., сахару — ½ ф. Консервов — 2 банки.

Американской группой: для взрослых кукурузы 30 ф. Для детей муки 18 ф.

Крупы 3 и 1/2, сахара 1/2 фунта.

Из этого числа в городе квакеры питают 5500 детей.

В июле программа кормления пошла на уменьшение, совместная англо-американская статистика кормления показала, что 320 000 человек получили пайки от Английской и Американской групп ОДК вместе. Пик голода был пройден, пришло лето, посевная и надежды на новый урожай. Статистика в последующие месяцы выглядела так:

ДОКЛАД ЗА АВГУСТ 1922 года:

…В августе ввиду снятия урожая, цифра питающихся снижена до 243 687, т. е. количество питаемых уменьшилось на 50%.

Английской группой намечено взять на питание с 1 сентября 56 000, на октябрь 80 000, ноябрь — 90 000…

ДОКЛАД ЗА СЕНТЯБРЬ 1922 года:

С января 1923 года придется оказывать продпомощь:

взрослым в количестве 141 263 чел., детям — 125 946 чел. Итого: 267 209 чел., что составит 55,1% всего населения.

Местный уездный комитет Помгола явно опасался, что квакеры уедут из России. Возможно, до них доходили некие тревожные слухи.

ОБЩЕСТВУ ДРУЗЕЙ (КВАКЕРЫ)

Милостивые Государи.

С чувством глубокого уважения Уездная комиссия по оказанию помощи голодающему населению свидетельствуют Вам искреннюю благодарность за оказываемую Вами помощь и тот труд, который несете Вы, в процессе этой чрезвычайно трудной работы сопряженными с известными лишениями и риском опасности. Вашу помощь безусловно сумеет оценить крестьянство Бузулукского уезда, как помощь бескорыстную, проникнутую лишь чувством человеколюбия к братьям, по воле стихии впавшим

в безысходную нужду и страдания. И значение этой помощи особо ценно, особо громадно тогда, когда мы стоим накануне ее прекращения.

По частным сведениям, дошедшим до нас, Вы намерены покинуть уезд не позднее сентября, в надежде на то, что намечающийся урожай сможет обеспечить сытое существование без помощи, оказываемой Вами. Боясь, что эти сведения могут реализоваться в действительность, Укомголод имеет честь довести до вашего сведения следующее: размеры разрушения настолько колоссальны, что для того, чтобы восстановить это хозяйство, потребуется минимум 3 подряд урожайных года…

С того момента, когда большевики открыли ворота иностранным организациям помощи, прошел год. Общество Друзей спасло около полумиллиона жителей Бузулукского уезда. Пик голода миновал. Как теперь сложится работа квакеров в Советской России, когда тема голода стала уходить с первых полос даже советских газет?

ГЛАВА 7

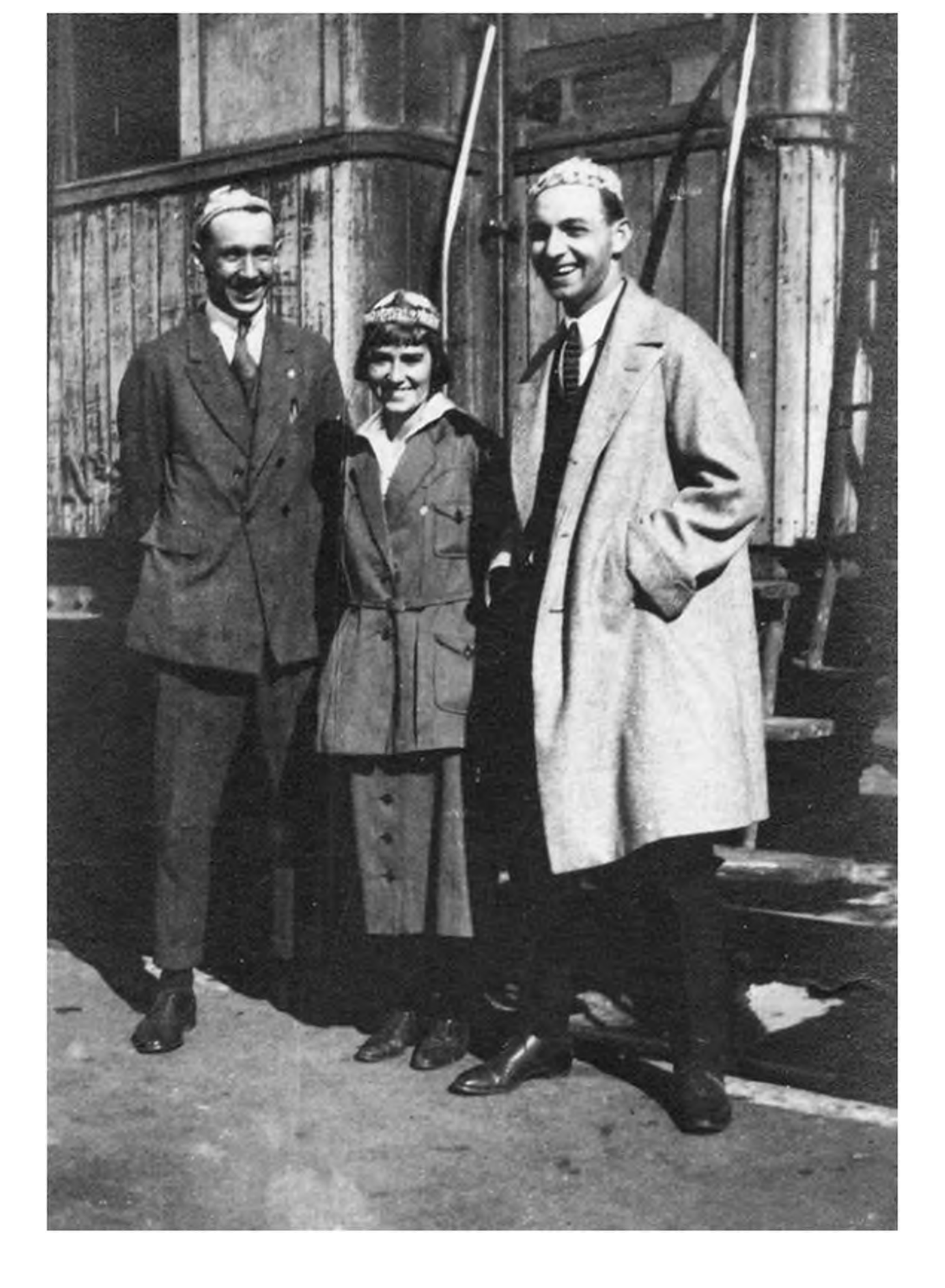
Смерти в квакерской миссии. Как квакеры продолжат свою работу после победы над голодом. Истории детдома № 33 в Гамалеевке, села Кузьминовка, пунктов питания в Бузулуке. Борьба с малярией. Слияние Американской и Английской групп ОДК. Подписание договора с ЦК Последголод. Договор о квакерских тракторах. Встреча с русскими квакерами на станции Бузулук.

К лету 1922 года численность Английской группы ОДК (с основным офисом в Бузулуке) выросла до 28 сотрудников (июнь), в Американской группе ОДК насчитывалось 14 человек. Кроме иностранцев, в обеих группах работали русские. Вот что вспоминал житель Бузулука В. Мельников:

Продуктовая база, организованная на товарной станции Бузулук, разместилась в четырех огромных складах. Руководство всеми операциями осуществляли двое англичан. На двух складах № 9 и 10 постоянно находились две бригады русских сотрудников ОДК, в функции которых входил прием и выдача продуктов и контроль за разгрузкой вагонов. В бригаде склада № 9 работали: бывший полковник царской армии, художник, скрипач, бывший священник из собора, бухгалтер и, волею счастливого случая — девятнадцатилетний парень. Счастье заключалось в том, что месячный паек продуктов рабочих склада составлял около четырех пудов различных продуктов. Для сравнения приведу пример, когда голодающая семья вынуждена была за два пуда муки продать четырехкомнатный дом в центре города. Но и работать за такой паек приходилось с 6 часов утра до 18–22 часов вечера.

Самарский архив сообщал, что Английская группа обслуживала 38 волостей северо-западной части Бузулукского уезда. Американская группа обслуживала 18 волостей юго-восточной части уезда. Отпуск продуктов производился в следующем порядке: Английской группой — в Бузулуке и Павловке, Американской группой — в Сорочинском и Тоцком, остальные районы ни складов, ни распределительных аппаратов не имели, являясь лишь контрольными пунктами.

Вместе с голодом пришли болезни. В уезде свирепствовал тиф, для которого не было различия, кто тут русский, а кто иностранец. Уже в первую осень и зиму в Бузулуке в Английской группе было несколько случаев заболевания тифом. Первой была американская журналистка, приписанная к квакерам: Анна Луиза Стронг заболела в октябре 1921 года. Нэнси Бабб заболела тифом в конце ноября, но через несколько недель поправилась. Тиф подхватил глава Американской группы Мюррей Кенуорти, потом его заместитель — Бьюла Харлей. Смерть забрала двоих квакеров. Первой жертвой стала медсестра Мэри Паттисон, работавшая в Бузулуке еще в 1916 году и вновь приехавшая сюда по приглашению от Артура Уоттса, просившего ее о помощи. Когда она заболела, ее эвакуировали в Москву, где она умерла в больнице Гааза в декабре 1921 года. Второй жертвой стала Вайолет Тиллард. Она скончалась в Бузулуке и была похоронена на местном кладбище в феврале 1922 года.

Сотрудники Американской миссии квакеров едут в Сорочинское. Сэм Ветерал, Элма Блисс, Оуэн Браун. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Вот как об этом писала газета «Известия»:

Смерть на посту. 27 декабря в больнице д-ра Гааза в Москве скончалась от тифа сотрудница самарской организации помощи голодающим «Общества Друзей» (квакеры) Мария-Беатриса Пэтерсон. Покойная родилась в Манчестере (Англия) и уже в 1916 году работала в Самарском районе по оказанию помощи польским беженцам. После войны мисс Пэтерсен уехала на родину, но, узнав об ужасах голода в Поволжье, в июле этого года вновь прибыла в Самару и энергично принялась за работу в качестве сестры-сиделки при госпитале голодных тифозных больных. На этом тяжелом и опасном посту мисс Пэтерсон заболела и с поездом Нансена 9 декабря была доставлена из Самары в Москву. Погребение покойной состоится ровно в 11 часов утра 2-го января, на Лефортовском кладбище.

Через несколько недель те же «Известия» писали:

Полномочный представитель правительства РСФСР при всех заграничных организациях Помгол с прискорбием сообщает о смерти члена Организации Общества Друзей (квакеры) ВАЙОЛЕТ ТИЛЛЯР, последовавшей 19 февраля в Бузулуке от тифа при исполнении своего долга — помощи голодающим. Полномочный Представитель Правительства РСФСР Помгол Эйдук.

Умерших сотрудниц квакерской миссии упомянул М. И. Калинин в своей речи на IV сессии ВЦИК, отметив:

Товарищи, довольно много на этой борьбе погибло людей, имена которых не были бы известны в капиталистическом мире, но эти имена показывают, что в капиталистическом мире есть отдельные лучшие представители этого буржуазного мира, которые, пытаясь спасти от бедствия население Советской Республики, сами погибли на этой борьбе. Я не сомневаюсь, товарищи, что история отметит их имена самыми яркими красками.

Л. Д. Троцкий говорил о подвиге двух англичанок в своем выступлении в марте 1922 года в Москве:

Недавно скончались две молодые девушки, они были квакеры, и звали их Мэри Паттисон и Вайолет Тиллард… Когда думаешь об этих жертвах, то хочется сказать, что в нашу кровавую, и в то же время героическую эпоху, есть люди, которые, независимо от их классовых взглядов, руководствуются исключительно гуманными побуждениями и внутренним благородством. Я прочел краткий некролог в память англичанки Вайолет Тиллард. Какое тонкое, хрупкое создание, — она работала здесь, в Бузулуке, в самых страшных условиях, погибла на своем посту и была похоронена там… Наверное, она ничем не отличалась от тех, кто тоже умирал на своих постах, в служении своим собратьям… Сегодня я рассказал о нескольких могилах. Может быть, их будет больше, очень даже вероятно, что будет больше. Эти могилы являются своего рода заветом для грядущих новых отношений между людьми, отношений, которые будут

основываться на солидарности, а не на эгоизме. Когда русские люди станут немного побогаче, они воздвигнут (и мы глубоко уверены в этом) великий памятник этим павшим героям.

Глава американской группы Мюррей Кенуорти, уже переболевший тифом, в марте 1922 года писал:

Те, кто перенес тиф, хорошо относятся к идее отдыха в течение какого-то времени вне России, но такой вариант кажется настолько невозможным, что мы не станем пользоваться этим любезным предложением. Для тех, кто находится в Бузулуке, это означало бы как минимум две недели в пути туда и обратно, со всеми прелестями пересечения границ и жизни на колесах. …Нам кажется, что лучше найти тихое место в каком-то из здешних лесов, куда бы наши работники могли уезжать на выходные или даже на несколько дней.

Понятно, что, кроме заботы о выздоравливающих сотрудниках, важно было подумать и о предохранительных мерах. Мюррей Кенуорти писал, что его сотрудники заражались в инспекционных командировках, когда они ездили по уезду и встречались с большим числом людей. Квакеры предпринимали все возможные меры предосторожности, а инспектор мог быть вынужден провести от трех до пяти дней в разъездах. Поэтому командированный сотрудник брал с собой свои спальные принадлежности, свое белье, и при выборе спального места ему рекомендовалось проявлять особую осторожность. Вайолет Тиллард смертельно заболела как раз после одной из таких поездок, после ночлега в крестьянском доме. И ее переводчик, и возница тогда тоже заразились тифом. Выдвигалось даже предложение, что такие инспекционные поездки должны осуществляться теми, кто уже переболел тифом, но реализовать это на практике было трудно. Что касается мер предосторожности, то американцы в Сорочинском заказали большое количество известки, которая использовалась для дезинфекции помещений. А еще у них были наготове инъекции, которые должны были пойти в дело при малейшем подозрении на болезнь.

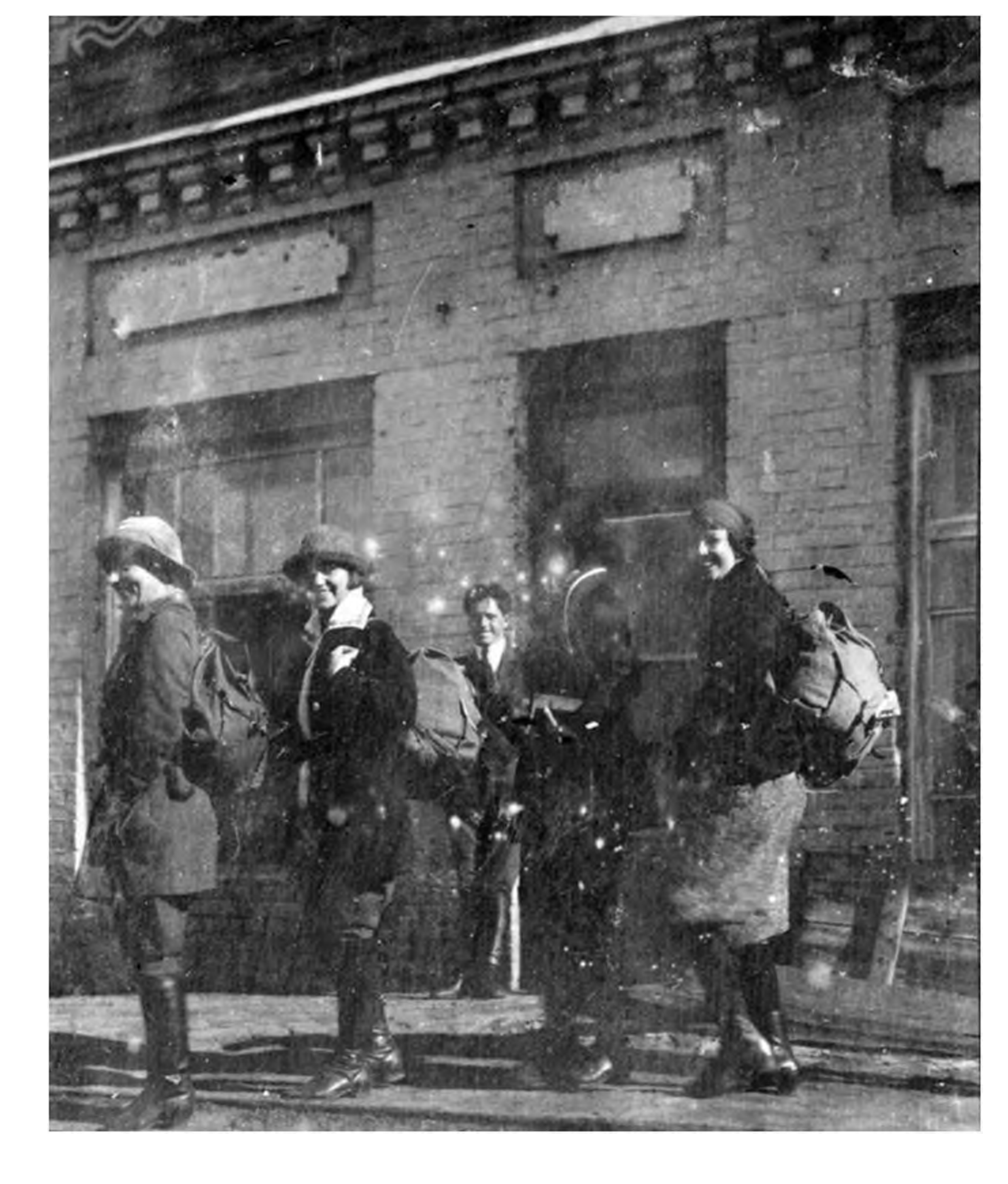
Важно было серьезно подойти к набору персонала для работы в России. Теперь, когда Москва не чинила никаких препятствий для въезда сотрудников миссий, важно было обеспечить Бузулук и Сорочинское работниками, но не брать при этом всех подряд. По мнению английского историка Люка Келли, Квакерский комитет помощи жертвам войны был в замешательстве, не зная, чем руководствоваться при найме сотрудников. У комитета не было четкой политики по найму, решения о том, брать или не брать того или иного человека, принимались на основании неформальных связей. Это особенно касалось не-квакеров. Комитет рекомендовал отдавать предпочтение более старшим и опытным квакерам с умением вести дела. Сами же сотрудники подчеркивали важность «духовной» составляющей их работы — это часто обсуждалось на их собраниях.

Американец Мюррей Кенуорти в своих письмах из России особо подчеркивал, что центру в Филадельфии следует обратить самое серьезное внимание на то, чтобы набирались физически крепкие сотрудники, ведь они поедут в края, где хорошие легкие и хорошее сердце очень важны для борьбы

с болезнями, такими как тиф. «Люди, которым за 40, не смогут работать в здешних условиях», — писал Кенуорти, добавляя, что ему самому 48.

Борьба с голодом в России — не прогулка на свежем воздухе, всем следует помнить, что всякий работающий в полях может стать жертвой заболевания и умереть от той или иной болезни.

В апреле 1922 года тиф свалил с ног Артура Уоттса, который в течение нескольких недель был на грани жизни и смерти. Даже когда кризис миновал, Уоттс оставался очень слаб, ни о какой работе не могло идти и речи. Английский квакер Том Коупман писал про Уоттса:

Американки Эмма Краусс, Дороти Норт и Элма Блисс около квакерского офиса в Сорочинском. На заднем плане — переводчик Андрей Павлов. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Мы добивались невозможного, и мы добиваемся невозможного, и это только благодаря его энергии, смелости и упрямству. Стальной человек, с колоссальной выносливостью, которая сначала ему помогла вынести нагрузку 18-часового рабочего дня, а потом способствовала тому, что порой его рабочий день становился длиной в 24 часа.

Было принято решение вывезти его из Бузулука сначала в Москву, а оттуда отправить на отдых за рубеж.

Уоттс был еще очень плох, он должен был ехать с комфортом. Советский сотрудник квакерского офиса в Москве Р. Штейн писал в Самару Уполиноргу Мартыну Карклину в июне 1922 года:

Прошу Вас предоставить в распоряжение Уотса маленький вагон-салон, имеющийся в Самаре для Шведского Красного Креста. Прошу сообщить мне заблаговременно, возможно ли предоставить этот вагон или нет, если нет — тогда я сам озабочусь заблаговременно присылкой специального вагона для Уоттса отсюда, из Москвы… Мы очень рады, что представитель Общества Друзей поправился после тяжкой формы тифа и теперь ему необходимо укрепить свое здоровье, он же является незаменимым работником по борьбе с голодом, что и доказал своей работой.

Уоттс уехал из Советской России сначала в Финляндию (куда его сопровождал доктор Мелвилл Маккензи), оттуда — в Англию, в свой родной Манчестер, потом в США и далее — в Австралию, в Сидней. Деньги на поездку на другую сторону земного шара собрала квакерея Маргарет Торп, которая познакомилась с Уоттсом в 1921 году, когда сама была в России. В августе 1923 года А. Уоттс снова приехал в Россию, отправился в Бузулук, но этот его визит был непродолжительным. В сентябре того же года он поехал в Лондон, потом — к невесте в Австралию. 1 октября 1925 года они сыграли свадьбу. В 1931 году Артур оставил Маргарет и уехал в СССР, но в Бузулук он уже больше не вернулся.

В России некоторое время работал его брат, Фрэнк Уоттс, который трудился в Английской миссии ОДК. Летом 1922 года Фрэнк объяснял встревоженным перспективой отъезда квакеров большевистским чиновникам, что миссия не намеревается закончить свою деятельность в сентябре. Он писал, что время отъезда для них настанет только тогда, когда местное население будет в состоянии себя прокормить. Но из письма понятно, что квакеры даже в этом случае не стали бы торопиться уехать из Советской России: они хотели продолжать помогать детским домам и больницам и готовы были это делать до тех пор, пока власти сами смогут с этим справляться. Правда, он сделал оговорку, что квакерские средства состояли из частных пожертвований, и потому невозможно было точно сказать, сколько времени продлится работа квакеров в России. В письме содержалась фраза, определявшая принцип дальнейшей помощи со стороны Общества Друзей:

Мы думаем, что в будущем разумнее помочь народу самому встать на свои ноги, чем просто распределять пищу.

Фрэнк Уоттс писал, что у квакеров был план деятельности:

1. Открытие мастерских для ремонта с/х машин.
2. Приспособление моторной силы к молотилкам.
3. Пахать землю тем, кто не имеет средств на жизнь.
4. Восстановление кустарных изделий при ввозе сырых материалов.
5. Снабжать скотом фермы и разводить скотоводство.

Фрэнк Уоттс заверял бузулукского председателя, что «ОДК сделает все, что в их силах, чтобы люди, которых нам удалось спасти от голода, были в состоянии после нашего отъезда сами себя содержать».

В таком же ключе было составлено и письмо от Американской группы ОДК:

Мы надеемся оставаться здесь в будущем году и употреблять наши ресурсы по усмотрению нашей группы совместно с органами местной власти. Улучшение положения требует, чтобы помощь населению продуктами заменить одеждой, индустрией, с/х инвентарем и другой работой по улучшению быта населения и по возможности расширяя такую помощь. Поэтому будьте уверены, что с нашей стороны мы сделаем все возможное, чтобы дать реальную помощь во время самой острой человеческой нужды.

Впрочем, не стоит обольщаться задушевным тоном переписки большевиков с квакерами. Понятно, что советские чиновники в посланиях, направленных в Английскую и Американскую группы ОДК, расточали комплименты и восхваляли помощь иностранцев. Однако в советских документах для внутреннего пользования царили традиционная подозрительность и неприязнь. Вот какие требования излагались в секретном циркуляре Тоцкого РК РКП(б) № 650 от 16 июля 1922 года:

Установлены факты ненормальности по всем сельским Советам, а также со стороны Волкомитетов следующее: во время посещения миссией Общества друзей-квакеров сел, массы крестьян являются к миссии ОДК и пускаются в разговоры. Со стороны миссии ОДК задаются вопросы, каков будет урожай, сколько скота и масса других вопросов, что со стороны граждан даются надлежащие ответы, что таковые явления со стороны волостных и сельских Советов недопустимы. А потому райбюро предлагает секретно поставить на должную высоту работу всех председателей сельских Советов, чтобы таковые также со своей стороны сделали внушение всем гражданам, чтобы граждане отнюдь не вмешивались ко всем приезжающим лицам, так как таковые должны получать все сведения через сельсоветы.

Настоящий циркуляр провести в жизнь секретно, не оглашая гражданам, чтоб не стало известно миссии ОДК.

Понимая, что ситуация меняется и иностранные организации не будут обеспечивать продуктами питания вечно, опасаясь их ухода из Советской России, Мартын Карклин, губернский полномочный представитель при иностранных организациях, в августе 1922 года разослал местным коммунистам секретное послание, в котором поделился своим видением будущего. Он сдержанно оценил год неустанного труда иностранных организаций по спасению умиравших русских, как работу, давшую «довольно

положительные результаты», и тут же посетовал, что обошлась она «правительству не очень дешево», а теперь еще и «ляжет некоторою тяжестью на бюджет губернии». С одной стороны, хорошо, что помогли, но не надо забывать и про другую сторону медали. И в расход ввели эти иностранцы, да и воспользовались — по мнению Карклина — ситуацией.

Карклин писал, что договоры с заграничными организациями были подписаны «под давлением непримиримых фактов голода», что лишило большевиков «самых основных административных прав». Теперь, когда дела пошли получше, пора было пересмотреть отношения, считал чекист Карклин: «Мы должны во что бы то ни стало более рельефно выявить и зафиксировать нашу линию поведения и тактику к ним».

Среди всех организаций помощи голодающим, работавших тогда в Самарской губернии, Карклин особо отмечал квакеров, к которым — в отличие от АРА — у большевиков претензий не было:

Переводчик американцев Самуил Кацман в Гамалеевке. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Общество англо- и американских Квакеров как будто бы пока не намеревается сократить свою работу, но чувствуется определенное тяготение их к изменению самой формы этой помощи, яснее

выражаясь — к переходу на производственную помощь. Пока что они к этому вопросу вплотную подойти не могли, если не считать довольно продуктивную работу тракторов, что требует от государства большой затраты средств, как, например, горючего, материалов и всех необходимых смазочных средств, которые до сего момента удавалось нам доставать от Центра почти безвозмездно. На некоторое время Центр еще намерен нас обеспечить этими материалами, но в будущем уездам, заинтересованным в поднятии сельскохозяйственного производства, придется кое-какие расходы взять на себя.

Как пояснял Мартын Мартынович Карклин, иностранные организации желали остаться работать, но при существенно меньшем представительстве. Для того чтобы удержать иностранцев,

надо как можно меньше вызывать недоразумений на почве мелких, ничего незначащих разногласий (которые имели раньше место), но зато принимать самое усердное участие в восстановлении будущего плана работы и быть всегда в курсе дел.

Таким образом, Карклин собирался строго следить за работой квакеров, и местным коммунистам он четко заявил в своем секретном циркуляре:

Не потерплю никаких уклонов на предмет исполнения моих телеграфных распоряжений.

Но как относились к квакерам те, ради кого они приехали в этот голодный край? Простые крестьяне, учителя, дети, что ощущали и думали они?

В архивах Филадельфии и Лондона можно найти любопытные истории и письма, которые помогают воссоздать картину мирного сосуществования и дружбы народов в этой отдельно взятой, удаленной от Москвы губернии.

В протоколе собрания воспитанников и работников детдома № 33 в селе Гамалеевка от 21 июня 1922 года, в частности, говорится:

Мы, дети Советской России, не только оправдаем всю помощь, полученную от ОДК, мы навсегда оставим в наших детских сердцах память об американских пролетариях.

1) Да здравствует ОДК

2) Да здравствует весь американский пролетариат

3) Да здравствуют т. т. Ленин, Троцкий и все вожди России.

В том же архиве хранится копия письма, посланного общим собранием жителей волостного центра Кузьминовки, состоявшимся 10 сентября 1922 года. На нем присутствовали 150 человек.

Мы, жители села Кузьминовка, шлем тысячу благодарностей квакерам за вашу помощь, за то, что вы кормили нас, тем самым сохранив наши жизни для будущего.

До того, как вы приехали, мы страдали от ужасного, лютого голода. Ни отцы наши, ни их отцы, — никто не знавал такого голода в прошлом… Зимой, до того, как вы приехали сюда, мы съели всех кошек, собак, крыс, мышей, старые шкуры и кожаную упряжь, но и это не спасало нас… А жара этим летом вызвала засуху, все сгорело, и мы опять остались без средств к существованию. И вновь мы обращаемся

к вам с мольбой — к Друзьям, к квакерам. Помогите нам с едой. Мы готовы к любому труду, сделаем все, что нам скажут.

Помогите нам с обработкой земли.

Еще раз горячо благодарим вас за помощь, уже оказанную нам.

Подписано: Некрасов, Чернецов и др.

Бузулучане, пережившие голод, будучи детьми, много лет спустя рассказывали о том, что их спасли именно американцы и англичане. Житель города Бузулук Г. А. Аксанов в 2004 году поделился своими воспоминаниями с местными журналистами.

Он, в частности, сказал:

Из иностранцев в первую очередь протянули руку помощи квакеры, английские и американские… К ним поступали денежные пожертвования, на которые они закупали лошадей и технику для обработки земли, так они организовали в 1922–1923 гг. подсобное хозяйство, которое находилось в районе левого берега р. Бузулук от железнодорожного моста до железнодорожной водокачки, где сейчас расположен стадион «Локомотив» и 7-й–7-й-а микрорайоны…

На 1 Линии от железнодорожного вокзала, от угла 9 Линии дом 3 или 4-а квакеры содержали столовую, а вернее, кухню, где выдавали горячую пищу. Несколько раз мы тоже ходили туда с бидончиками или котелками, и нам давали щи, картофель, капусту.

Надо сказать, что формально Американская группа ОДК была составной частью обширной программы спасения голодающих американской АРА, но между Гувером, главой АРА, и американскими квакерами наблюдались трения. Указывать квакерам, что и как делать, Гувер не мог, но он не упускал случая давать советы Комитету служения американских Друзей. В частности, Гувер критиковал квакеров за то, что те кормили всех подряд, в то время как — по его мнению — помощь должна была сосредоточиться на ограниченном количестве людей. Как писал в своей замечательной книге «Большое шоу в Бололанде» американский историк Б. Патенуд, Гувер, настаивая на избирательности помощи, писал квакерам, что, если они не последуют его совету, их работа станет бесполезной, «подобной тому, как если бы они давали голодающему завтрак, позволяя ему умереть к обеду».

Сотрудники Американской группы ОДК в Сорочинском, 1922. Третий ряд: Ребекка Тимбрес, Мирьям Уэст, Сиднор Уолкер, Эдна Моррис; второй ряд: Корнелия Янг, Гарри Тимбрес, Бьюла Харлей, Сампсон, Эмма Краусс; первый ряд: Гомер Моррис, Перри Пол, Дороти Норт. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Квакерское упорство, очевидно, подвигло Гувера на то, чтобы отпустить Друзей, позволив им работать с английскими квакерами вместо того, чтобы держать их в составе АРА. В феврале 1922 года глава АРА

отдал указание начальнику АРА в Советской России полковнику Хаскеллу снестись с представителем американских квакеров в Москве и дать им «вольную». Это было началом процесса развода «несчастливого брака» АРА и Комитета служения американских Друзей. С 1 сентября 1922 года Американская группа ОДК вышла из соглашения с АРА.

Тогда же, в сентябре, директор Американской группы ОДК Бьюла Харлей написала в Филадельфию о слиянии двух групп квакеров в одну:

Это, как вы знаете, то, чего мы всегда желали, и информация об отмене Рижского соглашения была большой радостью для нас: оно и так не работало уже какое-то время. Слияние, понятное дело, — процесс постепенный, и оно не произойдет в одночасье: его придется слегка отложить по причине продолжающегося упора на программу кормления вместо работ по восстановлению. Еще я чувствую большую необходимость в том, чтобы центр всей нашей работы находился в Бузулуке, потому что в провинции у нас и начальники меньшей значимости, и работа с ними настолько порой неудовлетворительна, что приходится обращаться в Бузулук через их головы, что на практике очень неудобно.

Справедливости ради следует отметить, что сотрудничество американских квакеров с английскими нельзя назвать безоблачным. Новый союз — теперь с Английской группой ОДК — порой раздражал Американскую группу ОДК, они писали в Филадельфию о неэффективности англичан, о том, что у двух квакерских групп «разные темпераменты». Высказывалось даже мнение, что отход от АРА был ошибкой. Но — дело сделано, отныне приходилось работать вместе.

У совместной квакерской миссии теперь была еще одна проблема: как называться на русском языке? Название «Международная служба Друзей» (Friends International Service) не нравилось американцам, они предлагали использовать прямой перевод на русский их названия «Общество Друзей, квакеры» (Society of Friends, Quakers). «Такой подход не создаст проблем ни в Англии, ни в Америке, а здесь мы известны именно под таким названием», — писала Бьюла Харлей.

В квакерском информационном бюллетене «In The Russian Field» № 41 публиковались выдержки из письма Мей Бринсли-Ричардс, отправленного из Бузулука 5 октября 1922 года, где она сообщала, что

Квакерская миссия помощи, как английская, так и американская, должна остаться тут как минимум еще на полгода, чтобы предотвратить катастрофу, подобную той, что случилась здесь в прошлом году. Все работники, с которыми я разговаривала, едины во мнении, что, если мы сейчас отсюда уедем, этой зимой многие умрут, умрут от голода.

Совместная конференция американских и английских квакеров, проведенная в конце августа 1922 года в Бузулуке, постановила: лето 1922 года было засушливым, надеждам на хороший урожай не суждено сбыться, поэтому следует сделать все, чтобы обеспечить местное население едой. В отчете о конференции Роберт Данн писал:

Как сказал замещающий в Тоцком уехавшую в отпуск Нэнси Бабб Карл Карлович Бордерс, голод никуда не делся, и никто не станет это отрицать.
В своем письме Мей Бринсли-Ричардс писала, что квакеры стали уделять значительное внимание программе развития медицины в регионе.

После смерти двух сотрудниц квакерской миссии от тифа сотрудников миссии пользовал советский доктор, но он вскоре уехал. Оставался только один местный медик, доктор Петров, имевший частную практику. В самой миссии была не имевшая специального образования медсестра мисс Свизибэнк, и только позже приехала квалифицированная медсестра, мисс Йоркстон. Ситуация была опасной, ведь в случае эпидемии среди работников ОДК спасать голодающих русских было бы некому. Лондонский квакерский комитет опубликовал в медицинском журнале «Ланцет» объявление о том, что миссии в России срочно требуется врач, специалист по борьбе с инфекционными заболеваниями. На заметку в журнале откликнулся английский доктор Мелвилл Маккензи, работавший тогда в Ливерпуле. Он оставил свою работу и немедленно отправился в Россию. Доктор приехал в Бузулук в мае 1922 года.

Сотрудники американской группы ОДК в теплушке. Слева направо: Эдна Моррис, Роберт Данн, русский переводчик, директор Карл Бордерс и Анн Херкнер. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Интересны его дневниковые записи и письма домой. Англичанин писал:

Штаб-квартира Квакерской миссии располагалась в большом трехэтажном здании, с двором, куда вела импозантная арка. В доме располагались сотрудники Миссии, их было человек 40, еще был обслуживающий персонал, там же хранились продукты, лекарства и прочие запасы. Рабочие кабинеты располагались на первом этаже, на втором жили сотрудники. За зданием были конюшни на 200 лошадей.

Мелвилл Маккензи рассказал и о составе квакерской миссии. Коллектив, судя по всему, был весьма разношерстный: среди приехавших из Англии были не только квакеры, что делало общую картину весьма мозаичной. В своем описании англичанин делал особый упор на благоразумии сотрудников в отношении соблюдения жестких правил гигиены. Ведь они приехали сюда с важной миссией спасения умирающих от голода и болезней, и поэтому просто обязаны были заботиться о самих себе. Увы, доктор увидел разные типы людей. В миссии были толковые гуманитарии, которые понимали, что обязаны соблюдать правила здорового образа жизни и заботиться о своем здоровье. Кстати, среди англичан были коммунисты, симпатизировавшие советской власти. Там же были идеалисты, которые полагали, что, если они погибнут в России, значит, жизнь прожита не зря, и по этой причине игнорировали самые элементарные меры предосторожности, выставляя себя беззаветными, а порой и бездумными «героями». Интересно, что в этом коллективе были и люди состоятельные, которые не обладали ни полезными знаниями, ни профессией и приехали в Бузулук на свои деньги для того, чтобы работать помощниками в миссии, хватаясь за любое дело. Не обошлось и без искателей приключений, в основном — из бывших военных, которые приехали в Россию в поисках острых ощущений и, казалось, наслаждались опасностью.

Маккензи писал:

Подводя черту, можно сказать, что это было живое и интересное сборище индивидуумов с сильными характерами. Взгляды и мнения этих людей могли различаться, но все они были объединены общей целью: помочь России.

Мелвилл Маккензи создал отличную систему борьбы с тифом. В рамках этой системы на железнодорожной станции Бузулук был организован карантин. Для обслуживания всех больниц в городе открыли общую прачечную. Создали специальную «скорую помощь» — группу санитарно-эпидемических медработников. Они были готовы по первому зову выехать на место для проведения мероприятий по дезинфекции. Еще одна группа, состоявшая из фельдшеров, была постоянно наготове для выезда в конном экипаже туда, где появлялись первые признаки эпидемии.

В сентябре 1922 года центральная газета «Известия» сообщала о проекте нового договора с квакерами. В заметке «Помощь голодающим. Помощь заграничных организаций» говорилось о планах

Друзей по восстановлению сельского хозяйства в Бузулукском уезде, о том, что квакеры закупили для уезда 1000 лошадей. И уже тогда отмечался стратегический подход к работе квакеров:
В дальнейшем они хотят снабжать этот район, а при развитии работы — и другие районы, земледельческими орудиями, открыть при посредстве Наркомзема сеть земледельческих школ и оказывать поддержку массовому распространению сельскохозяйственных знаний, путем организации курсов лекций, по образцу заграничных. Кроме того, они предполагают открывать широкую медицинскую и продовольственную помощь, отказываясь от организации своих собственных аппаратов, а проводя ее через наши больницы и столовые с введением своего представителя в администрацию.
Важной частью медицинской программы стала борьба с малярией. Эта болезнь была бичом Бузулукского уезда, в разные годы ее проявления были то массовыми, то незначительными. В октябре 1922 года квакеры открыли в Бузулуке малярийную амбулаторию. Ею заведовала англичанка Этель Кристи.

Внучка органиста, она с детства отличалась музыкальным талантом, играла на скрипке. Однако Этель внезапно воспылала интересом к медицине, работала во многих дальних уголках земли, в том числе в Борнео и Малайзии, где и углубила свои знания тропических болезней. После многих переездов по всему миру Этель начала работать в английских лабораториях.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ [illegible] 254

КРАСНАЯ АРМИЯ РАЗДАВИЛА БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ПАРАЗИТОВ — ЮДЕНИЧА, ДЕНИКИНА, КОЛЧАКА.

ТОВАРИЩИ! БОРИТЕСЬ С ЗАРАЗОЙ! УНИЧТОЖАЙТЕ ВОШЬ!

№ 67.

Неизвестный художник. Агитационный плакат «Уничтожайте вошь!». 2-я типо-литография МГСНХ, [1920]. РГБ

Закончив свои исследования в Англии, неутомонная Этель решила отправиться в Россию, чтобы помогать бороться с голодом и болезнями, неизбежно сопутствующими голоду. И тут же приступила к изучению языка. К моменту отъезда в Россию англичанка уже довольно хорошо владела русским.

Этель прибыла в Бузулук 15 октября 1922 года. Ей пришлось ждать еще две недели, пока наконец прибыло лабораторное оборудование.

Подробный отчет о работе Этель был опубликован в журнале «Тропическая медицина и гигиена» в 1924 году под заголовком «Отчет об антималярийной работе, проделанной в Бузулукском уезде Обществом Друзей». Этель писала этот отчет в рамках подготовки к презентации, которую сделала на русском языке на общероссийской конференции врачей в Москве, посвященной малярии.

К амбулатории в Бузулуке ежедневно выстраивались очереди желавших получить спасительную дозу хинина, за день там успевали обслужить до двух тысяч человек. Амбулатория находилась в здании бывшей гостиницы «Метрополь» купца Степанова на улице Самарской, как раз напротив офиса английских квакеров. Этель Кристи вспоминала позднее о длинной печальной очереди желавших получить врачебную помощь. Многим приходилось идти издалека всю ночь — только для того чтобы получить лекарство. Изначально было принято решение, что с тем объемом хинина, который имелся у ОДК, амбулатория будет обслуживать только жителей города Бузулук. Однако, как писала Этель Кристи, в таком маленьком городке все новости распространяются с необыкновенной быстротой. Селяне, приезжавшие в Бузулук в рыночные дни (а их было два каждую неделю), узнали о том, что квакеры лечат, и приходили за лекарством. Крестьяне заверяли квакеров, что сами они городские, однако указать свой бузулукский адрес затруднялись. Поскольку хинин выдавался только в амбулатории (пациент принимал лекарство при враче) и курс длился неделю, многие крестьяне оставались на постой у своих знакомых или снимали комнату, чтобы получить лечение.

Бузулук. Самарская улица, на которой находились квакерский офис и малярийная клиника. Иллюстрированная почтовая карточка, нач. XX в.

Бузулучанин Г. А. Аксанов вспоминал:

В 1922 году моя сестренка, 1915 года рождения, сильно болела малярией, мы с братом ее водили в больницу, которая была под опекой квакеров. Ей там давали хинин, а после этого — дольку шоколада. Давали кусочек шоколада и мне, поскольку я ее сопровождал. Брат оставался на улице, ему было уже 11 лет, он очень стеснялся, и я делился своей долей с ним.

Каждый месяц амбулатория в Бузулуке обслуживала 20–30 тысяч человек, и довольно скоро стало понятно, что одной амбулатории недостаточно. Доктор Маккензи к весне 1923 года смог собрать достаточно средств на то, чтобы открыть и обустроить бактериологическую лабораторию, которая помогла бы победить малярию. Квакерам удалось открыть семь новых малярийных станций, а впоследствии увеличить их число до 11. Эта схема была одним из самых важных достижений квакерской миссии. Сотрудников для этих станций набирала Этель Кристи, и она была очень довольна своим выбором: сотрудники были внимательные и старательные.

Вдобавок к программе кормления и медицинского обслуживания квакеры взялись за то, что Бринсли-Ричардс в своей статье назвала программой «Лошадь и плуг». Советские чиновники писали об этой

программе так:
Квакеры закупили 1380 лошадей в Туркестане для весенних полевых работ. Часть этих лошадей была передана непосредственно исполкомам, которые дальше передавали их малоземельным крестьянам, причем американцы ставили условие, чтобы лошади передавались тем семьям, которые состоят не менее чем из 5 человек и которые имели сбрую, телеги и необходимый корм. В настоящее время представитель квакеров находится в Оренбурге, где закупает еще 600 лошадей.

Что касается тракторов, то ввезено 10, и 9 находятся в пути. Тракторы работают исключительно на участках беднейших крестьян. Отправлена также экспедиция в Хиву для закупки там до 3000 лошадей.
Уполномоченный по иностранным организациям подтверждал лояльность квакеров и их добросовестность:
Считаясь с тем, что квакеры полностью выполняют свой договор, а в некотором отношении даже увеличивают свою программу, что обращают большое внимание на производственную помощь и относятся лояльно к Советской власти, что расходы на них весьма небольшие, я считаю, что организация эта должна работать и в дальнейшем до окончания договора.
В секретном отчете о работе иностранных организаций помощи, составленном в июне 1922 года, Ландер высказался категорически:
Ввиду выгодности деятельности данной организации с точки зрения экономической, без всякого ущерба политического, а также учитывая, что означенная организация начала свою работу в России еще задолго до голода, в период гражданской войны, нет никаких оснований к ликвидации их деятельности, каковая в дальнейшем достойна широкого содействия с нашей стороны.
Осенью 1922 года советские власти объявили, что голод побежден, но еще оставались его последствия. Вместо ЦК Помгол на основе постановления ВЦИК от 7 сентября 1922 года был создан ЦК Последгол при ВЦИК — комитет по борьбе с последствиями голода. Председателем Последгола стал М. И. Калинин, ранее руководивший ЦК Помгол.

25 октября 1922 года в Москве было подписано новое соглашение между квакерами и большевиками. От Советов подпись поставил Уполномоченный советского правительства при иностранных организациях помощи голодающим в России Карл Иванович Ландер, от квакеров — представители Английской группы ОДК Уильям Олбрайт и Американской группы ОДК Уолтер Вилдман.

Договор, занимавший четыре страницы, охватывал период с октября 1922 года по 31 июля 1923-го.
В течение этих девяти месяцев квакеры обещали:

1. Кормить детей и взрослых в Бузулукском и Пугачевском уездах — 200 000 человек.

2. Приобрести от 500 до 1000 лошадей, которые будут пахать земли местного крестьянства.

3. Поставить одежды на сумму 20 000 фунтов стерлингов, а также способствовать развитию кустарного производства ткани для одежды, в которой так нуждалось местное население.

4. Развивать местное здравоохранение, потратив 20 000 фунтов стерлингов на медработу, в том числе организацию карантинных станций и помощь больницам.

Для выполнения намеченной программы ОДК обещало обеспечить местных жителей едой в объеме 16 000 тонн, поставить 1000 тонн одежды и доставить в уезд от 15 до 20 тракторов.

Договор подтверждал свободу въезда в Россию и выезда из страны для всех сотрудников ОДК, а также свободу перемещения по стране — в рамках своей деятельности. Число сотрудников предлагалось оговорить в отдельном документе. Квакерам давалось право самостоятельно набирать штат из числа советских граждан. Зарплату русским сотрудникам — в соответствии с этим договором — выплачивал ЦК Последголод. Точно так же государство оплачивало доставку квакерских грузов от госграницы до пунктов выдачи. Весь квакерский транспорт обеспечивался ГСМ за счет советских властей, так же как канцтовары и средства связи (телеграф, телефон).

Отдельным пунктом оговаривалось, что помощь будет распределяться независимо от общественного или политического статуса получателя благ. При этом любая политическая и коммерческая деятельность сотрудников ОДК или членов Общества Друзей на территории РСФСР запрещалась. При расторжении соглашения — в случае серьезных нарушений — квакерам давался двухмесячный срок на то, чтобы остановить работу и покинуть страну со своими личными вещами, транспортом и иной собственностью ОДК.

1 ноября 1922 года американские квакеры заключили договор о тракторах, которые они ввезли в Советскую Россию. Этот документ оговаривал передачу тракторов с последующим выкупом по коммунам и сельскохозяйственным школам в «американском» регионе. Понимая, что к дареному отношение совершенно иное, нежели к приобретенному, квакеры предлагали следующую схему оплаты железных коней:

Все трактора, плуги и оборудование, поставленные квакерами, остаются собственностью квакеров до того момента, когда выплата осуществлена полностью. Оплата производится с трехлетней рассрочкой на следующих условиях:

(А) 1 ноября 1923 года — первая выплата, покрывающая половину стоимости тракторов, плугов и оборудования. Оплата производится зерном или его эквивалентом. Расценки на трактора, плуги и оборудование определяются в соответствии с рыночной ценой на указанные предметы в Москве, расценки на зерно приводятся в соответствие с местными рыночными ценами.

(Б) 1 ноября 1924 года — вторая выплата, равная четверти стоимости тракторов, плугов и оборудования. Расценки — в соответствии с условиями, изложенными в пункте А.

(В) 1 ноября 1925 года — третья выплата, равная четверти стоимости тракторов, плугов и оборудования. Расценки — в соответствии с условиями, изложенными в пункте А.

Все выплаты, полученные квакерами или их преемниками, должны пойти на работу по оказанию помощи или на восстановительные работы в американском регионе.

Американская транспортная техника в Сорочинском. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Американец Перри Пол (первый ряд, второй справа) и его трактористы в Сорочинском. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Американская группа ОДК открыла механическую мастерскую в Сорочинском, где содержались американские трактора и где квакер Перри Пол устроил школу трактористов. Он был одним из самых долго работавших в России сотрудников миссии: приехав ранней весной 1922 года, Перри покинул страну в начале 1923-го. По случаю его отъезда в квакерском доме в Сорочинском был устроен прощальный вечер с танцами и пирогами. Американец Роберт Данн вспоминал:

Наш бухгалтер Ермолай Копылов выступил с речью. Он пожелал счастливого пути Перри Полу, наказав поскорее возвратиться, да не одному, а с сотней тракторов, которыми мы вспашем тысячи десятин. Еще минута, — и Перри Пол подхвачен сильными руками присутствующих, и под крики «ура» он взлетает под потолок: один раз, второй, третий.

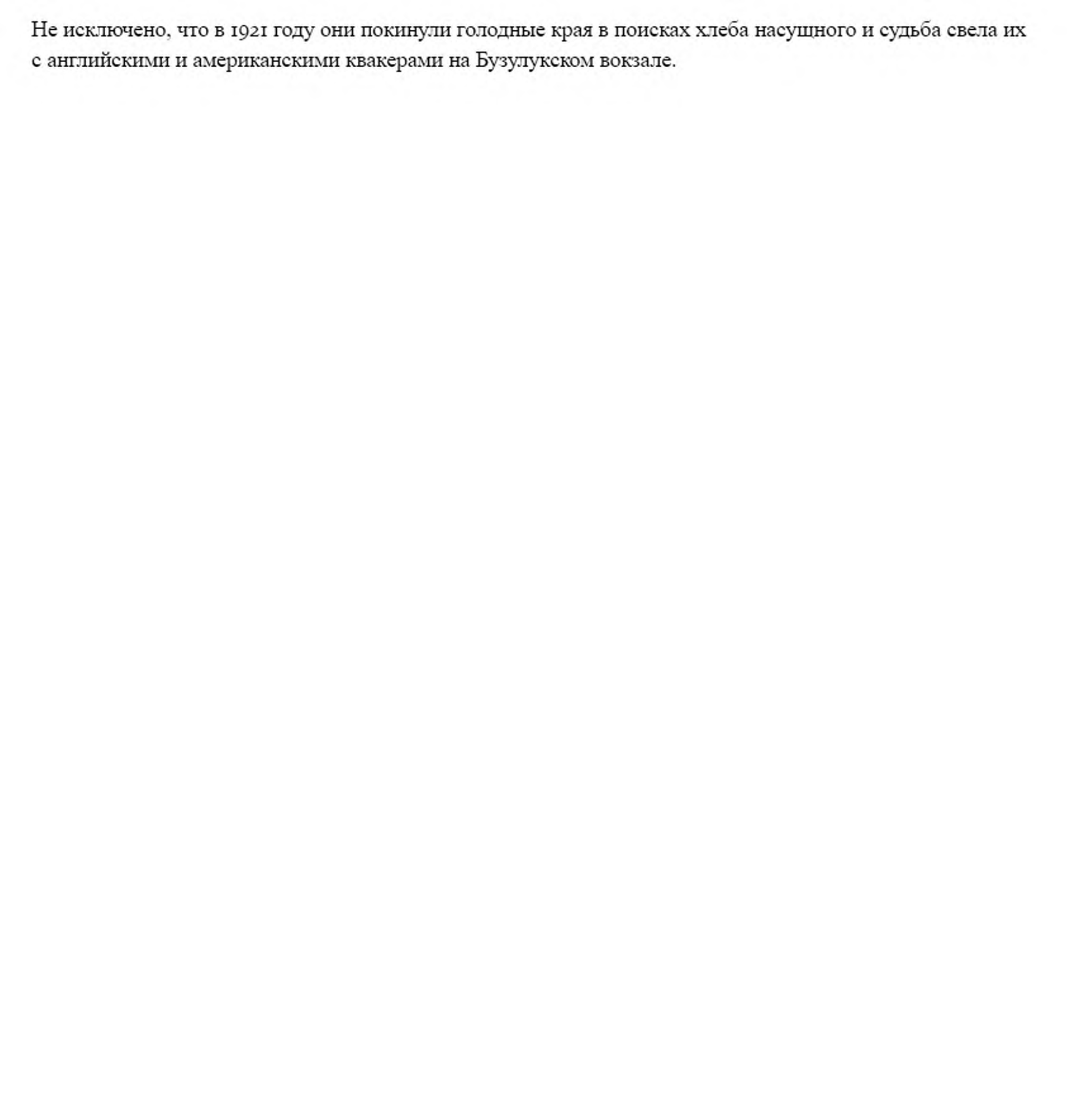
К этому периоду работы квакеров в Бузулукском уезде относится весьма интересный документ. Это история, записанная в дневнике одним из первопроходцев английской миссии Томом Коупманом. Он рассказал о походе на молитвенное собрание группы людей, которые, по словам не говорившего по-русски

Коупмана, называли себя квакерами. Собрание — как писал Коупман — проходило прямо в здании вокзала Бузулука, участвовало в нем около десяти русских «квакеров» и несколько не говоривших по-русски британских и американских Друзей. Незнание языка вынуждало иностранцев полагаться на русского шофера, который привез английского квакера Алфреда Коттерела. Этот малый, по имени Семен, переводил реплики молившихся как мог. Участница встречи Бьюла Свизинбэнк вспоминала, что десятиминутная проповедь русского была переведена на английский лаконично: «By God we love peace» («Ей Богу, мы любим мир»). После этого с проповедью выступил еще один русский участник молитвенного собрания. Его речь, длившаяся по времени еще дольше предыдущей, в переводе звучала так: «By Jesus Christ, you are right» («Клянусь Иисусом, ты прав»). Британские и американские квакеры с той поры передавали из уст в уста, что где-то в России у них есть тайные братья по вере и что их число велико. Один из сектантов подарил тогда квакерам книгу религиозных гимнов, исполненных на том собрании. Часть текстов из книги перевели в московском офисе квакеров, отметив, что они отличались глубокой духовностью, как писала Бьюла Харлей. Кроме того, таинственные «русские квакеры» передали иностранцам тексты духовных песен, которые они исполнили на совместном собрании. Эти машинописные листы я нашел в архиве Дома Друзей в Лондоне. На них были два стихотворения: одно с рефреном «Приди, все мы братья, дай руку твою», а второе начиналось: «Слушай, слово расцветает, приближается уж час». Автором второго стиха оказалась Ольга Толстая, а первый оказался стихотворением «We are brethren a'» («Все люди братья») шотландского поэта Роберта Николла в переводе А. Плещеева.

Кроме того, мне удалось осуществить небольшое исследование, которое привело к предположению о том, что квакеры, скорее всего, волею случая познакомились с представителями секты «добролюбовцев», сектантов-пацифистов, обитавших в Самарской губернии, чьи молитвенные собрания зачастую проходили в тишине. Как известно, Русская православная церковь к сектам относилась отрицательно, и именно поэтому про добролюбовцев еще в 1916 году сигнализировал Самарской духовной консистории священник-миссионер Михаил Алексеев. В своих доносах в Самарскую епархию он называл их квакерами. В частности, он писал:

На религиозных собраниях квакеров не бывало никаких определенных действий: ни молитвы, ни чтения, ни пения, ни проповедей, а лишь одно благоговейное молчание, прерываемое иногда восторженною речью кого-либо из присутствующих, почувствовавшего на себе особое веянье духа.

И хотя руководитель и основатель секты Александр Михайлович Добролюбов окончательно покинул самарские степи и уехал в 1915 году в Сибирь, добролюбовцы остались. Самоназвание у них было — «братцы». В 1918 году «братцы» организовали две коммуны под Самарой, в селах Алексеевка и Гальковка. В 1919 году они организовали даже свой поселок, который назвали «Всемирное братство».

Не исключено, что в 1921 году они покинули голодные края в поисках хлеба насущного и судьба свела их с английскими и американскими квакерами на Бузулукском вокзале.

ГЛАВА 8

От кормления к восстановлению и созиданию. Встречи с большевистскими чиновниками. Религия в безбожном государстве глазами квакеров. Поставка лошадей крестьянам. Бизнес-план Нэнси Бабб и больница, построенная ею в Тоцком.

Жаркие весна и лето 1922 года сказались на посевах. Урожай был неважный, и советские власти по-прежнему опасались голода. В силу этих причин — как это видно из переписки между большевиками и квакерами — коммунистам было важно обеспечить уезд помощью Друзей и на осень 1922-го, и на зиму и весну 1923 года. Очевидно, что квакеры были в целом довольны тем, как складывались отношения с советскими чиновниками и местным населением. Именно желанием квакеров помочь местному населению можно объяснить их стратегический подход к собственной деятельности в будущем. Как справедливо замечает историк Люк Келли, мотивация сотрудников миссии помощи голодающим была не в том, чтобы помочь коммунистической России (хотя были и такие), а в том, чтобы на деле попытаться реализовать квакерскую идею о просвещенном интернациональном гражданстве. Квакеры понимали, что на каком-то этапе крестьяне наконец смогут сами себя кормить. Но важно было не останавливаться на этом, а помочь русским обеспечить свое будущее, реализуя на практике идеал дружбы народов. Квакеры хотели помочь организовать хорошую работу учреждений здравоохранения, помочь с механизацией сельского хозяйства, помочь в деле образования, в том числе и профессионального образования.

Секретарь Квакерского комитета помощи жертвам войны Рут Фрай в ходе своей поездки в Россию в 1923 году встречалась с М. М. Литвиновым, тогдашним заместителем наркома по иностранным делам. Она записала в дневнике:

Я попросила его быть откровенным и ответить мне на вопрос, хотят ли власти, чтобы мы продолжили свою работу помощи. Он сказал, что даже если голод побежден и есть какая-то работа, то квакеры будут первыми (он, кстати, ничего не знал про американских квакеров) востребованными для этого, поскольку [советские] *власти всегда доверяли им. Конечно, сказал он, речь идет не о его наркомате, нам следует обсудить это с Каменевой и Калининым. Они должны это обдумать, и каждый из них скажет, ибо — не ему решать. Но Литвинов подчеркнул, что я могу процитировать им его слова о том, что лично он надеется, что мы останемся.*

Мы помним, что квакеры не ставили никаких условий перед Москвой о праве на информационную деятельность об Обществе Друзей — на то, что коммунисты называли «религиозной пропагандой». Друзья еще в 1921 году пришли к внутреннему соглашению, что об их вере русские должны в первую очередь судить по делам. Сначала — помощь страдающим людям, а уж потом — если будут вопросы — квакеры могли рассказать о своей вере. Вместе с тем они принципиально не скрывали своих намерений общаться с родственными душами, с братьями и сестрами по вере, и регулярно говорили об

этом большевикам. Во время встречи в НКИДе Рут Фрай была откровенна с Литвиновым, подчеркивая, что работа квакеров основывалась на их вере и что они не могли замалчивать этот факт. Она хотела, чтобы ее собеседник понял, что квакеры не останутся в СССР, если им будут затыкать рты, потому что сами они верили в добрую волю и в общение людей разных наций.

В качестве примера общения приведем любопытный эпизод, имевший место в Ташкентском экспрессе, когда Рут Фрай с пятью квакерами ехала из Москвы в Бузулук. Никто из их делегации не говорил по-русски, кроме англичанина Эдварда Боллса, уже проработавшего какое-то время в России. Рут Фрай вспоминала:

Интересным событием был визит в наше купе проводника, которого мы нашли очень интеллигентным. Эдвард Боллс перевел нам, что говорил железнодорожник. Он высказал свою озабоченность тем, что ни у кого из нас нет никаких внешних знаков, говорящих о том, что мы — христиане. То есть, если мы помрем или погибнем в каком-то неизвестном месте, никто никак не сможет определить, какого мы исповедания. Крест, втолковывал он нам, знак, «просвещающий рассудок, очищающий сердце и дающий силу». Еще он рассуждал о том, что, ежели нынче отреклись от Бога, то затем последует большая катастрофа, ссылался на фразу из Послания к Тимофею о приходе Антихриста и уверял, что вот он теперь и приходит. Было видно, что проводник с интересом выслушал рассказ Боллса о нашей вере и высказался о ней в том духе, что она хорошая.

В Москве на встречу с Калининым Рут Фрай опоздала, поэтому перспективы квакерской работы в России ей удалось обсудить лишь с О. Д. Каменевой.

Мы вошли в здание ЦИКа, чтобы повстречаться с мадам Каменевой, которая, как мне сказали, была сестрой Троцкого. Она произвела впечатление человека способного и обаятельного, была очень дружески расположена к нам. Она предпочла говорить через переводчика, хотя сама знала французский. Отвечая на мой вопрос о том, как относятся советские власти к тому, чтобы мы оставались, она ответила, что квакеры — иностранная организация, пребывание которой власти желали бы продлить, поскольку наши идеи по оказанию помощи — например, медицинской и сельскохозяйственной — наиболее соответствовали тому, как эта помощь виделась Советам. Мадам Каменева сказала, что, конечно, теперь все планы должны будут претерпеть изменения, поскольку Последголод будет вскоре закрыт, и власти уже будут не в состоянии тратить деньги на обеспечение иностранных организаций известными льготами, какие остаются пока в силе на сегодняшний день.

Накануне визита к Каменевой Рут Фрай встретилась с наркомом здравоохранения Н. А. Семашко:

У нас состоялся приятный разговор с ним, и он сказал, что и он, и советское правительство просят нас остаться и что мы вольны либо взять на себя обязанности какой-то организации, или же помогать в каком-то одном направлении, например в борьбе с малярией, или помогать какому-то отдельно взятому району.

В этой поездке участвовал и Вилбур Томас, исполнительный секретарь Комитета служения американских Друзей. Он также был сторонником продолжения работы квакеров в России. В своих заметках и письмах он всегда высказывался весьма лояльно по отношению к большевикам. Такая явная симпатия к советским властям со стороны Томаса заставляет задуматься, были ли это наивность и доверчивость или осторожность и желание избежать резких оценок — при понимании того, что советские власти наверняка читают корреспонденцию квакеров.

Весной 1923 года в своем письме американскому квакеру Скаттергуду Вилбур Томас писал:

Нам довелось встретиться со многими членами правительства, и я был очень сильно впечатлен тем, что в настоящий момент происходит в России. Люди, работающие в правительстве, очень способны, они делают все, что можно сделать в таких ужасных условиях, которые фактически были им навязаны. Нет никаких сомнений в их успехах. Один из чиновников сказал мне давеча, что в какой-то мере благом для страны стало то, что бывшие союзники по Антанте изолировали Россию. Ибо в противном случае Россия погрязла бы в долгах. Им пришлось пробиваться без какой-либо материальной помощи, которую они могли бы получить от союзников, и, наверно, для русских это оказалось преимуществом.

И если такие оптимистические впечатления от встреч с большевистскими чиновниками и функционерами можно объяснить незнанием языка и готовностью принимать все на веру, то оценка ситуации со свободой религии не может не вызывать удивления. Похоже, что Вилбур Томас оправдывал Советы, хотя и сам признавал, что о виновности преследуемых властью религиозных деятелей он судить, естественно, не мог:

Не сомневаюсь, что ты читал в газетах о «религиозных преследованиях» в России. Мне кажется, что здесь нет религиозного преследования, за исключением, конечно, тех случаев, когда власти на местах имеют претензии к церкви или к кому-то, кто выступает против нынешней политической линии властей. В правительственных кругах тут преобладает мнение, что те люди, которые предстали перед судом, в самом деле выступали против политики нынешних властей и активно выступали против соблюдения закона. В таких обстоятельствах всякая власть должна защитить себя, и меня удивляет, что подобных волнений было не очень-то много. У меня нет информации о том, виноваты ли в чем-то люди, представшие перед судом, или они невинны, но когда вспоминаешь, что такое была православная церковь в России, как близко она ассоциировалась с деятельностью царских властей, то не удивляешься тому, что люди выступили против нее и заявили, что церковь должна быть отделена от государства.

Рут Фрай, казалось, находилась в некотором замешательстве, когда писала о положении Церкви в советском государстве. Прокремлевский американский журналист и писатель Рис Вильямс, находившийся тогда в Москве, повел ее в Третий дом Советов на Обновленческий поместный собор. Изобилие бородатых людей в рясах произвело сильное впечатление на англичанку:

Удивительное это было зрелище. Множество длинноволосых, зачастую бородатых священников в длинных рясах с умными и мирными лицами… Очевидно, что там не было никаких ограничений

в свободе слова, но ситуация довольно непонятная, ведь Обновленческая церковь связана с государством, которое вообще-то не поддерживает религию.

Православный священник в Бузулукском уезде. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Именно к этому времени относится история одной интересной переписки. Железнодорожник со станции Новосергеевка, близ села Сорочинского, пытался понять, что движет американскими квакерами, приехавшими из-за океана спасать умиравших от голода русских людей. Он написал в Американскую группу ОДК (Новосергеевка была в регионе, находившемся под опекой американцев) следующее:

Я слышал много разных мнений по поводу того, почему вы кормите голодающих в России. Некоторые здесь уверяют, что вы за это получите вознаграждение, что за вашу работу вам дадут часть российского золота, или России придется отдать Америке Камчатку. Другие здесь говорят, что нам помогают только рабочие, — такие же люди, как мы сами. Я лично не верил ни в одно из этих объяснений, поскольку я вижу, что все, не исключая и наших политиков, стремятся только сохранить свою власть и положение, — будучи в замешательстве, машинист станционной водокачки просил: расскажите о ваших целях, устремлениях, способах и путях распространения вашей веры, расскажите о вашем отношении к политике и о ваших общих идеях о мире, о Христе, о Боге и т. д. Буду глубоко благодарен за ваше письмо. Сергей Келеп.

Англичанка Марджори Рокстроу в 1923 году писала в Лондон:

Русские крестьяне пытаются понять, почему мы помогаем.

И уточняла:

Местные жители часто не понимают, откуда взялась помощь: из Англии, из Америки или из какой другой страны; но они верили, что это исходит от Бога, и это было для них важно.

Но вернемся к письму Сергея Келепа. Американцы долго думали, как ему ответить, особенно в части разъяснения квакерской веры. Ведь случилось то, чего квакеры и ожидали: русский спрашивал об их вере, потому что увидел их дела. С другой стороны, отношение государства к религии для американских квакеров, которые уже прожили какое-то время в России, не было секретом. Ответить поручили Эдвину Вейлу, человеку с явным писательским даром, что заметно, когда читаешь его дневники. Вейл в одном абзаце ответного письма изложил историю Общества Друзей, подчеркивая их отказ от насилия и неприятие войны:

Многие молодые люди, призванные в армию, отказывались идти на военную службу, полагая, что внутренний закон их совести выше власти государства.

Далее Вейл подчеркивал, что ужасные последствия Первой мировой заставили квакеров отправиться на помощь гражданам во Францию, Австрию, Польшу и Германию, так как у квакеров нет врагов, для них не существует вражеских стран: все люди — братья.

Американец продолжал:

А потом настал ужасный голод в России, что вы и сами видели. Квакеры приехали сюда потому, что умирали люди. Гражданство, вероисповедание и политические убеждения людей не имели никакого

значения для нас.

Итак, вы видите, что квакеры просто пытаются реализовать на практике образ жизни, которому учил Иисус…

В конце ответного послания Сергею Келепу Эдвин Вейл подчеркивал:

Квакеры не стремятся к увеличению членства. Они заинтересованы в создании нового духа во всем мире, а не в создании организации.

Сам Эдвин Вейл, работавший в Гамалеевке, подготовил несколько плакатов для того, чтобы повесить их в пунктах выдачи продуктов питания в каждой деревне. В мае 1923 года он записал в своем дневнике:

Я сделал это для того, чтобы объяснить крестьянам, кто же такие квакеры, почему они делают эту работу здесь. Текст плакатов такой: Продукты питания, которые вы получаете здесь, — дар американского народа голодающим России. Они распределяются квакерами, Религиозным обществом Друзей, с единственной целью — помочь страждущим и тем самым реализовать на практике веру квакеров в братство всех людей.

Вилбур Томас, наверное, был бы очень огорчен, узнав, что глубоко религиозного Сергея Келепа в 1928 году арестовали, обвинив в создании антисоветской организации. Через какое-то время он вышел на свободу, потом его арестовали снова и расстреляли в 1937 году. Реабилитировали Келепа посмертно в июне 1989 года, как и многих других невинных жертв советской власти.

Понимая, что угроза серьезного голода миновала, власти в Бузулуке считали, что отъезд квакеров из России серьезно усложнит жизнь местного крестьянства. Американская и Английская группы ОДК спасли сотни тысяч русских от голодной смерти, они продолжали снабжать крестьян продуктами питания, но от них теперь ждали практической помощи по восстановлению сельского хозяйства. Это — техника, рабочий скот, восстановление развалившихся мостов, дорог, больниц и поликлиник, школ.

У квакеров уже имелось какое-то количество тракторов, но, во-первых, этого было недостаточно, а во-вторых, русский человек еще не был готов доверять железному коню, который шел на смену крестьянской лошадке. Бузулукские власти писали в июле 1922 года полномочному представителю правительства РСФСР при заграничных организациях помощи России Ландеру:

Американские квакеры и русские крестьяне. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Большую помощь оказали безусловно, квакеры, работающие на 18 тракторах, которые до сих пор обрабатывают общественные земли, передавая валовой сбор хлеба беднейшему крестьянству. Кроме того, эта организация приняла горячее участие почти в 20% размере по отстройке мостов, ремонту школ, лечебных заведений и т. д. В данное время они предполагают широко поставить дело закупки рабочего скота.

Бузулукский Укомпомгол отчитывался в Самарскую губернскую комиссию помощи голодающим, указывая страшную статистику падежа скота:

Потеря скота громадна. Крестьянство не имеет средств на приобретение скота.

	Лошади	*волы*	*верблюды*	*всего*
весна 1921	*97 725*	*7 304*	*1 347*	*106 456*
июнь 1921	*34 607*	*2 679*	*1 569*	*42 663*

При наличии такого количества рабочего скота уезд сможет подготовить площадь озимого и ярового клинов на 1923 год не более как в 300 000 десятин, что, конечно для поднятия хозяйств недостаточно. Укомпомголод обратился особым письмом к ОД [Обществу Друзей] *продолжать помощь населению уезда*

и в будущем, но не в плоскости непосредственнаго питания населения, а в области снабжения уезда с/х орудиями, тракторами, племенным скотом и другими что необходимо в крестьянском хозяйстве и что имеется на родине Квакеров.

В ответ на это письмо Укомголод получил как от Английской, так и от Американской групп принципиальное согласие продолжать работу в нашем уезде в области восстановления сельского хозяйства и окончательное решение этого вопроса зависит от решения заграничных сотоварищей Квакеров, представители которых здесь надеются на решение этого вопроса в положительном смысле.

Руководитель Американской группы Мюррей Кенуорти писал из Сорочинска в Филадельфию о поставке лошадей:

России нужны лошади, стране нужно много лошадей: семь лет войны и два голодных года существенно уменьшили поголовье. Я сначала полагал, что на деньги, потраченные на покупку лошадей за рубежом и доставку их сюда, можно было бы закупить больше лошадей тут, на востоке, но мне подсказали, что на продажу их там в наличии нет. Эйдук говорит, чтобы мы посылали лошадей.

Итак, трактора тракторами, но нужны были лошади, именно их желало получить крестьянство: люди хотели восстановить рабочий скот, утраченный в голодные годы. Понятно, что раздавать лошадей просто так было нельзя по многим причинам (к дареному и отношение иное, а на вырученные от продажи деньги можно было приобрести следующую партию лошадей). Поэтому Друзья разработали схему распределения скота.

Тем временем Наркомат земледелия направил в Самарский губернский исполком указание помогать квакерам в их благородном стремлении обеспечить лошадьми крестьянство:

РСФСР

Наркомзем

7 июня 1923

№ 4533

На основании состоявшегося соглашения Наркомзема с Представителями друзей (Квакеры) из Англии и Америки, в котором они выразили согласие произвести работу снабжения лошадьми крестьян Самарской губернии. ОДК в самом непродолжительном времени должно будет приступить к практическому разрешению взятой на себя задачи.

Считая также соглашение для восстановления сельского хозяйства крайне желательным, памятуя, что Общество Друзей из Англии и Америки являются друзьями Советской России и средства на которые они будут действовать собраны ими добровольно среди таких же сторонников РСФСР Наркомзем просит Губернский Исполнительный Комитет принять следующие меры содействия по проведению этой работы:

1. Помочь уполномоченным ОДК распределить этих лошадей среди крестьян, которым они будут выдаваться в ссудном порядке.

2. Принимать меры к тому, чтобы стоимость выданной лошади была своевременно погашена и таким образом ОДК имело бы возможность и дальше вести начатую ими работу.

3. Привлечь все отделы Губисполкома к установлению тесных взаимоотношений с Представителями ОДК и тем самым дать им почувствовать, что они действительно среди друзей.

Народный Комиссар Земледелия

Член коллегии НКЗ Начцупрконжива [96].

В начале 1923 года американские квакеры смогли договориться с Ильей Андреевичем Толстым (сыном Андрея и Ольги, внуком Л. Н. Толстого, большим экспертом по части лошадей) о командировке в Сибирь для закупки там от 500 до 1000 лошадей и перегона их в Бузулук и Сорочинское. В соответствии с соглашением с советскими властями покупка лошадей не облагалась налогами, так что цены оставались вполне приемлемыми для крестьян.

Толстой и представитель Американской группы ОДК Алфред Смальц отправились в Сибирь, где в течение нескольких дней закупали лошадей на ярмарках. Кроме Смальца, закупкой лошадей — вместе с И. А. Толстым — занимался англичанин Ральф Фокс. Торги — вещь непростая, особенно для иностранца, поэтому окончательное решение при покупке скота всегда оставалось за Толстым.

Табун лошадей прибыл в Оренбург уже в конце июня 1923 года. К этому времени квакеры приняли решение восстановить на 70% поголовье рабочих лошадей, которое существовало здесь до голода. Они решили выделить 10 000 долларов на покупку лошадей, чтобы впоследствии продавать их крестьянам по себестоимости. Вся выручка должна была пойти на обеспечение самых низких возможных цен, чтобы возможность купить лошадь оставалась у большинства крестьян, а не только у зажиточных. Квакеры просили Наркомзем дать им представителя «со всеми полномочиями, позволяющими ему действовать в качестве посредника между Обществом Друзей и местными комитетами» в вопросах транспорта, инспектирования и налогообложения. Также Друзья просили об «освобождении привезенных ими лошадей от возможной мобилизации в армию или для нужд правительства, поскольку они оставались собственностью квакеров».

Через неделю пришел ответ Наркомата, в котором говорилось, что предложение квакеров принято, представители отдела одобрили расширение программы, но не дали гарантий относительно «освобождения лошадей от мобилизации». Вместе с тем Наркомат обещал помочь с вопросами транспортировки, инспектирования и налогообложения и согласился не мобилизовать лошадей в ближайшие два года для нужд государства.

Глава Американской группы ОДК Уолтер Вилдман рассказывал на совместном заседании английских и американских квакеров в Бузулуке в июне 1923 года, что советские власти, стремясь облегчить работу

квакеров по проекту доставки лошадей, назначили специального представителя, который будет защищать их интересы. Власти также готовы были обеспечить ветеринарную помощь со стороны госструктур, они выдавали спецмандаты тем сотрудникам квакерской миссии, которые закупали лошадей, все это делалось для того, чтобы транспортировка купленного рабочего скота шла по минимальным расценкам и торговые сделки не облагались налогами. При покупке лошадей крестьянами составлялся контракт, на котором ставил свою подпись госпредставитель.

Алфред Смальц в письме Вилбуру Томасу так описывал эпопею с лошадьми:

Успех или неуспех экспедиции всецело зависел от Ильи Толстого. На него была возложена огромная ответственность, но он справился со своими задачами прекрасно, несмотря на юный возраст. Он не только стойко переносил все неудобства, связанные с путешествием, но также обнаружил замечательную способность улаживать трудные и щекотливые ситуации, продемонстрировал изрядную смекалку. Он знает и любит лошадей, поэтому все вопросы по части их покупки обсуждались с ним, но кроме того, он искренне разделяет настрой квакеров, сопутствующий нашей работе, и может простыми словами, не теряя достоинства, донести этот настрой до всех, с кем нам доводилось общаться.

Между тем перед квакерами встал вопрос создания механизма распределения лошадей. На рассмотрение собрания Американской группы ОДК в Сорочинском были представлены два варианта: оплата трудом (мерой оплаты становилось зерно) либо выплата стоимости лошади деньгами, в червонцах.

Следует отметить, что в 1921–1923 годах в Советской России проводилась денежная реформа: от дензнаков и цен, выраженных в миллионах, страна переходила на твердую валюту. Такой валютой стал червонец, приравненный к 10-рублевой золотой монете царской чеканки и обеспеченный на 25% своей стоимости золотом, другими драгоценными металлами и иностранной валютой. Именно этот факт и склонил квакеров к реализации варианта номер 2: лошадей было решено продавать за червонцы.

Американские сотрудники квакерской миссии в Сорочинском и их русские коллеги. 1923 год. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

У этого плана были преимущества: создавался оборотный фонд, который давал возможность доставки большого числа лошадей в уезд. Упрощался контроль, и весь процесс строился на основе экономических

взаимоотношений. В результате длительного обсуждения квакеры окончательно остановились на втором варианте, суть которого описывалась в следующих пунктах:

1. Все оценки делаются с золотым рублем, как основой расчетов.

2. Одна четверть стоимости должна быть оплачена в день покупки.

3. Первыми в очереди на покупку стоят те, кто занесен в предложенный список.

4. Лошади будут отправлены в те волости, где процентное соотношение лошадей к числу жителей минимально.

5. Самым бедным семействам будет рекомендовано объединять ресурсы.

Алфред Смальц так объяснял ситуацию с ценами на лошадей:

На местном рынке лошади стоят вдвое, а то и втрое дороже по сравнению с той ценой, за которую квакеры могут продавать своих лошадей (цена равна сумме, уплаченной за животное при покупке квакерами + 10% за потери скота). Поэтому крестьяне буквально устремились в квакерский офис, желая сделать приобретение. И хотя оплата не требуется до получения лошади, более 250 крестьян уже внесли свои первые деньги, миллиард рублей.

Американский квакер Эдвин Вейл так описывал распределение лошадей в Гамалеевке в июле 1923 года:

В понедельник утром все крестьяне района, где я работаю, собрались для того, чтобы получить лошадей, которые, как я обещал, будут готовы к раздаче по факту оплаты требуемой четверти цены за животное, что требовалось сделать неделю загодя. Но не все так просто, была масса неувязок и задержек с проверками, классификацией, оценкой 450 лошадей. Кроме того, не следует забывать и о раздражении и помехах советского Уполпредправа, который вообще-то должен нам помогать. А ведь это та пора, когда надо много трудиться в поле, если хочешь снять хороший урожай. Крестьяне прошагали по 30–50 верст за лошадями, поэтому мы очень не хотели их тут задерживать. Разыгрывать скот начали в середине дня. Видели бы вы эту толпу людей, озабоченных и целеустремленных, наряженных в самые невообразимые одежды: они толпились в ожидании обретения лошади, которая сама по себе здесь — хлеб, одежда, да и вообще — жизнь. Корявыми пальцами тянули они обрывки бумаги с номерами, которые соответствовали цифрам, назначенным лошадям на раздачу. Соглашения были уже написаны и готовы к 8 часам вечера, и несколько минут спустя мы все были в загоне для скота. Там толпились мужики, и, надо сказать, никто не остался недоволен, потому что лошади все были очень хорошие.

В разработке программы распределения лошадей активное участие принимала американка Нэнси Бабб, работавшая обособленно, отдельно от остальных квакеров, в Тоцком — на полпути между Бузулуком и Сорочинским.

Мисс Бабб была выдающимся во всех отношениях квакерским работником, прожившим в России в общей сложности почти десять лет. Из многочисленных документов и писем видно, что она была своеобразным человеком и ужиться с ней не удалось ни английским квакерам, ни американцам.

Родившаяся в 1884 году в Вирджинии Нэнси Джоунс Бабб впервые приехала в Россию в августе 1917 года. Она с пятью другими американками прибыла тогда из США на помощь первой миссии Друзей, работавших в уезде с беженцами. В 1918 году квакерская миссия покинула Бузулук, и Нэнси Бабб — с большинством остальных Друзей из Бузулукской миссии — отправилась на восток России. Какое-то время она работала под эгидой Американского Красного Креста в Омске, где скопилось колоссальное число беженцев, а в октябре 1919 года Бабб вернулась в США. В Советскую Россию она приехала вновь очень скоро: уже в апреле 1921 года Нэнси стала работать в Москве, помогая Артуру Уоттсу и Анне Хейнс распределять гуманитарную помощь детям в московских детских учреждениях. Когда разразился голод и квакеры отправились в Бузулук, Нэнси Бабб была одной из первых, поехавших туда.

Непростой характер мисс Бабб создавал напряженную обстановку везде, где она появлялась. Мюррей Кенуорти, первый руководитель Американской группы ОДК, в письме домой так описывал свою соотечественницу:

На меня возложена задача сотрудничать с этой женщиной, которая умудрилась настроить против себя буквально каждого сотрудника Английской группы, и поддерживать мирную обстановку в нашем собственном коллективе. Буду стараться, насколько меня хватит. Она со мной, в этой поездке. Сейчас она в моем купе. Я думаю, что она перестает молоть языком только тогда, когда спит. Она сама принимает для себя решения и не собирается из чувства уважения к другим идти на уступки.

Ее перевели в Тоцкое, село, находившееся на полпути между Бузулуком и Сорочинском. Мюррей Кенуорти так писал в Филадельфию о конфликтах, сопутствовавших появлению где бы то ни было Нэнси Бабб:

На сегодняшний день мы имеем замечательный коллектив, с одним исключением, и у нас есть сильные опасения по поводу Нэнси Бабб: дела обстоят так, что мы можем попросить ее уволиться. Достойно сожаления то, что она вступила в конфликт с каждым без исключения, как мне кажется… Она — в Тоцком, сама по себе, с ней только русские помощники. И, наверно, из-за такой ее репутации — человека, с которым трудно сработаться, — нам, возможно, придется оставить ее в покое, несмотря на увеличение числа сотрудников. Она умеет делать все хорошо, если только имеет возможность подавлять остальных.

Под опекой Нэнси Бабб были Пронькинская, Марковская, Тоцкая, Богдановская и Баклановская волости Бузулукского уезда.

Вот как в несколько пунктов отчета, составленного в 1928 году, после отъезда из РСФСР, уместились пять лет работы Нэнси Бабб в Тоцком:

а) помощь голодающим — распорядитель продовольственной программы;

б) помощь в восстановлении района;

в) медицинская помощь — борьба с эпидемией малярии, устройство детских больниц, обеспечение продовольствием голодающих детей, сирот и др.;

г) учреждение, строительство, обустройство и обеспечение инструментами новой больницы и восстановление разрушенного летнего санатория с прилегающим подсобным хозяйством.

Американский коммунист Роберт Данн, тоже работавший с квакерами в этом регионе, так писал про один из проектов Нэнси Бабб осенью 1922 года:

Прошлой весной Нэнси Бабб объявила, что крестьяне, проживающие в Тоцкой волости, могут получить одежду в обмен на шерсть. Отклик был хороший. Полученную шерсть передавали специалистам валяльного цеха: они работали за квакерский спецпаек. Кооператив в Тоцком предоставил свои помещения и полки для временного хранения продукции. Первый результат этих усилий — более 500 пар детских валенок. Опыт подхватили. Чуть южнее, в Богдановской волости, уже скоро 1200 ребят будут обеспечены валенками благодаря схожей схеме производства этого вида обуви — под руководством мисс Бабб и в сотрудничестве с местным комитетом Помгола. И еще тысяча детишек будут бегать по снегу — в Пронькинской, Баклановской и Марковской волостях. В течение месяца около 5000 детей в общей сложности будут обеспечены зимней обувью в регионах, находящихся под надзором мисс Бабб. В запасе есть достаточное количество валенок: изношенные будут заменены на новые без задержки.

Последним аккордом работы американки в Тоцком стало здание больницы. Она писала:

Наркомат иностранных дел извещает нас о готовности Наркомздрава любыми способами раздобыть 50% средств, необходимых на отделку и оборудование нового корпуса. Это первое крупное здание, которое будет построено здесь со времен войны, и местные жители очень гордятся тем, что для строительства будут использованы изготовленные ими кирпичи.

Больницу открыли в ноябре 1927 года, здание и по сей день стоит в центре Тоцкого, на улице Карла Маркса: теперь там Дом детского творчества. В 1997 году мы вместе с американским историком, экспертом по квакерской работе в России Дэвидом Макфадденом были в Тоцком. Там мы познакомились с вышедшим на пенсию учителем, 86-летним Петром Леонтьевичем, жившим рядом с этим строением. Он хорошо помнил день открытия больницы:

Помню, что несколько дней лил проливной дождь, на дорогах повсюду — непроходимая грязь. Но в день открытия с утра выглянуло солнце и осветило новенькие кровати, плиточный пол и сверкающие водопроводные краны.

Нэнси Бабб уехала из Тоцкого в 1927 году. Медперсонал Тоцкой больницы написал ей благодарственное письмо:

Охрана здоровья грудных детей, дошкольников, беременных и кормящих женщин, родильный дом, больничная палата, аптеки, детский санаторий, дневной стационар для туберкулезных больных,

лекционная работа — все это Вы смогли поставить на твердую основу. А кроме всего этого, Вам удалось построить прекрасную новую больницу — лучшую в районе.

Петр Леонтьевич вспоминал, что Нэнси Бабб еще раз приехала в Тоцкое — уже как туристка — в 1937-м. «Ее встречали как королеву, чуть не на руках носили», — рассказывал мне старый учитель. В тот же день я сам убедился, что память о Нэнси Бабб жива: на местном маленьком рынке на мой вопрос, обращенный к женщинам, торговавшим молоком, знают ли они, что в 1920-е тут жила американка, они хором ответили: «А как же!» — и указали на дом, в котором семьдесят лет тому назад проживала Нэнси Бабб.

ГЛАВА 9

Квакерский проект сельхозшколы в Умновке. Планы на дальнейшее сотрудничество. Постепенный исход квакеров из Бузулука. Медицинские проекты американской квакереи Анны Хейнс. Вызов Хейнс в ОГПУ. Московский офис — будущий квакерский центр в России?

В своей книге «Дух конструктивизма. Квакеры в революционной России» Дэвид Макфадден отмечает, что уже летом 1924 года реализация смелых планов, разработанных квакерами в 1923 году, оказалась под угрозой. Финансирование из Великобритании и США стало сокращаться: голод миновал, Советская Россия уже вовсю торговала зерном, введенная в стране новая экономическая политика (НЭП) способствовала росту благосостояния людей. В Лондоне и Филадельфии считали, что программы оказания помощи в России слишком затянулись. О продовольственной помощи речь уже не шла. Да и большевики потихоньку из просителей превращались в порой высокомерных и весьма привередливых получателей иностранной помощи. Все чаще звучали чиновничьи голоса, мол, давайте деньги, а что с ними делать, мы и сами как-нибудь разберемся. Наркомздрав изменил свою политику, финансировать уже начатую работу на паритетных основах ведомство Семашко отказывалось. Квакерам увеличили плату за аренду помещений и коммунальные услуги, а русским работникам в квакерских клиниках и амбулаториях Бузулукского уезда большевики потребовали увеличить жалование — за счет иностранцев.

Региональный директор Комитета служения американских Друзей Винсент Николсон весьма пессимистично относился к самой сути проводимой квакерами в России работы. Он считал, что необходимо завершить оказание благотворительной помощи и остановить участие в восстановительных работах, отдав приоритет созданию «квакерского посольства», благодаря которому ценности и идеалы квакеров стали бы известны широкой публике. Дальнейшую работу, считал он, можно выстраивать по-новому, централизованно и на долгосрочной основе.

На этом этапе возникла идея открытия квакерской сельскохозяйственной школы в селе Умновка Бузулукского уезда. Изначально планировалось открыть сельскохозяйственную школу и в Борском (по причине большого числа сирот в этом регионе), но потом решили сконцентрироваться только на Умновке. В начале 1924 года был составлен черновой вариант соглашения о школе между ОДК и Бузулукским уездным исполкомом, совместный проект планировался на десять лет. Общество Друзей брало на себя обязательства обеспечить финансами техническую и сельскохозяйственную школу с центром на Умновском хуторе Бузулукского уезда Самарской губернии. По договору квакеры обещали обеспечить финансирование техникума в объеме 440 000 золотых советских рублей. Целью этой школы было обучение детей 14–18 лет ремеслам, сельскому и домашнему хозяйству. Квакеры также писали

о своем желании выработать «путем преподавания моральных принципов в этих детях характер, который сделал бы их достойными членами всякой общины, в которой им предстоит жить».

Этот проект вызвал несогласие Бузулукского уисполкома, который желал получить больший контроль над школой, нежели предложенный квакерами. В частности, уисполком хотел монополии в образовательном процессе, тогда как квакеры оговаривали за собой право участия своих представителей в деле обучения детей. Представители Общества Друзей заявили, что они желают преподавать в школе «согласно требованиям советских законов и с одобрения главы Отдела общего образования». Наконец, самый главный камень преткновения заключался в том, что квакеры заявляли о готовности вкладывать деньги в школу только при условии, что образование, даваемое в этом учебном заведении, не расходится с принципами жертвователей. Устами главы Московского центра квакеров Эдгара Николсона они заявляли:

Общество Друзей, которое в течение семи лет активной помощи явно обнаружило свое участие к русскому народу и свое желание помогать ему в годы лишений, предполагает, что оно вправе просить гарантии в том, что общее образование, даваемое в школе, не будет расходиться с его принципами. Мы не думаем, что Центральные комитеты Друзей согласятся на открытие школы, если в соглашение не будет включен пункт, дающий гарантию такого рода.

О чем шла речь?

Квакеры требовали внести в текст соглашения следующее положение:

По настоящему договору исключается всякая возможность преподавания в каком бы то ни было отделении школы антирелигиозных и атеистических идей.

В спор вступила давний союзник квакеров Ольга Каменева, председатель Комиссии по заграничной помощи при президиуме ЦИК Союза ССР. Она списалась с Наркомпросом, и ответ главы коллегии этого учреждения был кратким:

Коллегия Наркомпроса находит эти предложения неприемлемыми по следующим основаниям.

1. Принципы организации означенной школы совершенно неприемлемы для РСФСР, на территории которой все школы построены на единой системе учебных планов и программ на научно-естественной основе, которая сама по себе по сути дела включает антирелигиозные моменты.

2. Весь преподавательский персонал школ в РСФСР утверждается соответственными органами Наркомпроса; проектируемые О-вом «Квакеры» изъятия недопустимы.

Как пишет историк Дэвид Макфадден, Ольга Каменева дала квакерам понять, что это их требование будет удовлетворено, если они не будут настаивать на внесении его в документ, то есть если пункт 15 будет удален из договора. Какое-то время квакеры были даже готовы к тому, чтобы согласиться на преподавание в техникуме атеизма:

Наличие антирелигиозного учения, которое преподается в школе, может и не препятствовать квакерской помощи по другим направлениям, а, наоборот, оказаться сложной задачей демонстрации веры через действенность наших собственных убеждений.

В конце концов квакеры решили, что не могут поступаться принципами, и идея организации техникума в селе Умновка была оставлена.

Другой важной составляющей практической работы квакеров была медицина. К лету 1923 года стало ясно, что большевики по мере ослабления угрозы голода намерены постепенно избавляться от иностранных организаций. Исключения делались для тех организаций, которые занимались вопросами здравоохранения. В апреле 1923 года региональный директор Американской группы ОДК Уолтер Вилдман писал Вилбуру Томасу:

Существует большая нужда в медицинской помощи, особенно она нужна для борьбы с малярией и другими эпидемиями. У русских нет эффективных и способных сотрудников, равно как нет ни оборудования, ни поставок лекарств. Они не прочь принимать все возможные поставки лекарств, и недавно губернский медицинский отдел прислал запрос на дополнительные поставки хинина.

Реализация этих предложений зависела от возможности получения дополнительного финансирования из Лондона и Филадельфии и согласия советских властей на продолжение работы совместно с русскими врачами и московскими специалистами, готовыми переехать в Бузулук.

План работ, представленный в августе 1923 года советским властям, вкратце выглядел так:

ПЛАН РАБОТ ОДК В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В БУЗУЛУКСКОМ УЕЗДЕ.

10 августа 1923

Больницы

а) ОДК берет на себя ремонт и снабжение добавочным инвентарем существующих госпиталей, чтоб привести их в лучшее состояние для более широкой медицинской помощи. Городской приемный покой и эпидгоспиталь, как и раньше, должны остаться на полном иждивении ОДК.

б) Уздрав доставляет все необходимое для лечучреждений в пределах его возможности, а все недостающее и особенно диетпитание предоставляет ОДК.

в) Ввиду того, что Уздрав пока имеет возможность удовлетворять потребность медикаментами и перевязочными материалами до 50% общей потребности в них, желательно, чтоб ОДК взяло на себя пополнение остальных 50% этой потребности.

Кроме больниц, ОДК было готово взять опеку над фельдшерскими пунктами:

ОДК оказывает помощь медикам и по содержанию медперсонала в фельдшерских пунктах.

Местные власти отмечали рост венерических заболеваний и потому просили квакеров:

Желательно, чтобы ОДК, если сможет, открыло бы на собственные средства венерическое отделение при уездной больнице, взяв на себя полное его оборудование.

В рамках борьбы с туберкулезом ожидалось, что ОДК поможет Уздраву «в открытии новых заведений инвентарем и выдачей пайков больным взрослым и детям».

Кроме вышеперечисленного, квакеры были готовы на следующие дополнительные работы в деле обеспечения медицинской помощью в Бузулукском уезде:

— Поставку медикаментов в детские дома через местных врачей и медицинские учреждения.

— Организацию детских и женских консультаций при существующих медицинских учреждениях и независимо от них по согласованию с уездными властями.

— Организацию детских садов в летние месяцы в тех сельскохозяйственных районах, где существует такая необходимость.

— Помощь Уздраву в проведении просветительской и профилактической работы с использованием книг и наглядных материалов.

— Продолжение начатой работы по открытию малярийных диспансеров в Бузулуке и Сорочинском.

— Оказание поддержки врачам и медсестрам, прибывшим в уезд для предоставления медицинской помощи населению.

Малярийная клиника и амбулатория, открытые в Бузулуке англичанкой Этель Кристи, дали старт распространению малярийных амбулаторий по уезду.

В Бузулуке, в здании на бывшей Самарской улице (ныне улица Горького, 63), где в 1920-е годы размещался основной офис англо-американских квакеров, сейчас находится городская детская поликлиника. Врачи этого медучреждения с гордостью говорили мне в 1997 году, что в соседнем здании, где прежде была амбулатория Этель Кристи, по-прежнему работала медицинская амбулатория.

В квакерской миссии в Бузулуке работали врачи Мелвилл Маккензи, а после его отъезда — Элфи Графф. Они — вместе с Уолтером Вилдманом — составили план медицинской работы в Бузулукском уезде. Требовалось увеличить число врачей и медсестер, обеспечить дополнительные места в стационарах для больных туберкулезом, малярией и венерическими заболеваниями и поставить новые партии медикаментов и препаратов.

Глава Американской группы ОДК Алис Дэвис сообщала из Сорочинского, что в июне 1924 года они закрывали старую программу и занимались уплотнением медицинской работы в тех поликлиниках, где медицинскую работу планировалось продолжать. Открытыми оставались только девять поликлиник в Сорочинской волости.

К концу 1924 года многообещающая квакерская программа по обеспечению сельхозтехникой крестьян в Бузулукском уезде была свернута. Директор квакерского представительства в Москве Эдвард К. Боллс писал в Америку бывшему руководителю тракторной программы Перри Полу:

Большая часть транспорта в Бузулуке и Сорочинском продана, остался только небольшой гараж. Трактора работают в Сорочинске и окрестностях, 5 штук работает в Тоцком, а три сломаны. Думаю, что остальные

теперь тоже поломались. Основная работа, как ты, наверно, знаешь, практически вся — медицинская. За исключением производств у Нэнси Бабб и какой-то еще работы в полях: это делается и в Тоцком, и в Сорочинском.

В том же 1924 году квакеры отчитывались:

Поликлиники обслуживали 2658 детей, надомных визитов было нанесено 705. Всего поликлиники приняли 24 298 пациентов. В тех деревнях, где были детские поликлиники, работали малярийные клиники. В июне лечение получали 4092 пациента. В Сорочинском 13 июня открыли пренатальную клинику. Местные жители и местные власти очень ценили услуги, оказываемые ею. В середине июня в Сорочинске открылся дневной лагерь для детей, больных туберкулезом. Там проходили лечение 30 детей. Лагерь расположен в излучине реки, берег песчаный, место тенистое. Дети живут там в соответствии с установленным режимом: тихий час, кормление и упражнения, которые проводит ответственная медсестра.

Друзья подчеркивали необходимость увеличения числа туберкулезных санаториев в летние месяцы, чтобы предотвратить ухудшение состояния больных.

Кроме Бузулука, квакеры планировали работать с Наркомздравом в Москве. Это была давняя идея американской квакереи Анны Хейнс. Ветеран квакерской работы в России (она, как и Нэнси Бабб, приехала в Бузулук в августе 1917 года; уехав из России в 1919-м, она вернулась в 1920 году, чтобы уже в августе 1921-го приехать в Самару), Анна Хейнс — после обучения сестринскому делу в США — снова вернулась в Россию в 1925 году, это был ее третий визит в страну.

Английская исследовательница истории квакеров в России Риченда Скотт писала, что Анна Хейнс на основе своего опыта и после многочисленных посещений русских больниц пришла к выводу, что статус медсестры в Советском Союзе и уровень требований к работе варьировался от больницы к больнице. Не было независимой сестринской организации, не существовало общепринятого стандарта, определяющего обязанности медсестры и ставящего четкие рамки ее ответственности. Анна Хейнс полагала, что единственным способом улучшить ситуацию и поднять планку стандартов обучения и работы медсестер могло стать открытие училища при участии иностранной организации. Тогда — как ей виделось — можно было бы стандартизировать работу сестер: установить единые условия приема на работу, определить рабочие часы дежурств, произвести разделение труда и обязанностей, ввести новые принципы работы, основанные на научном подходе в соответствии с современными достижениями медицины. По мнению Анны Хейнс, Общество Друзей как раз подходило для того, чтобы взять на себя эту заботу. Она решила проявить инициативу в создании новой системы обучения медперсонала.

В Москве Анна Хейнс работала на добровольных началах медсестрой в московской детской больнице Веры Павловны Лебедевой и была представителем американских квакеров в Московском квакерском центре — вместе с британкой Дорис Уайт. Как пишет Дэвид Макфадден,

принимая во внимание ее опыт и образование, а также питая к ней полное доверие, американские квакеры просили ее быть директором всех программ Общества Друзей в России в переходный период 1925–1926 годов.

Надо сказать, что контакт с советским доктором В. П. Лебедевой в Москве уже до этого установила сотрудница квакерской миссии доктор Элфи Графф. С ее подачи в мае 1923 года с Лебедевой встречалась Рут Фрай, которая в дневнике тогда записала:

Доктор Лебедева очень желала нашей помощи, но хотела получить ее в виде финансов, нежели в каком-то другом виде.

Вера Павловна Лебедева была известным деятелем советского здравоохранения, основателем и руководителем дела охраны материнства и младенчества в СССР. Она создала Институт охраны материнства и младенчества, где руководила кафедрой социальной гигиены матери и ребенка. О своей второй встрече с ней Рут Фрай сделала такую запись:

20 января 1925 года я отправилась с доктором Графф на встречу с доктором Лебедевой. Она заведует большой больницей на Солянке, куда я уже ходила. У нас состоялась приятная беседа о нашей нынешней и будущей работе; она приветствовала бы нашу большую помощь, каковую, мы надеемся, окажет Анна Хейнс. Потом мы осмотрели школу медсестер, где тоже участвуем посредством выплаты жалованья. Там около 400 девушек, все настолько переполнено, что мы видели, как им приходится заниматься даже в своих спальнях в общежитии.

Анна Хейнс отвечала за работу целого отделения в больнице Лебедевой. Она собирала данные, контакты, вносила предложения и планы по улучшению качества подготовки медицинских сестер. Совместно со старшими медиками, работавшими у Лебедевой, она готовила доклад о состоянии сестринского дела в России и новых методах обучения молодых медсестер. Анна Хейнс писала в Филадельфию, что огромный интерес русских медиков к работе над совместным русско-американским докладом является большим шагом на тернистом пути к хорошим международным отношениям… Это еще раз подтверждает мое убеждение, что мир достигается в процессе созидания лучших социальных условий, как побочный продукт такой деятельности, а не как ее пресловутая самоцель.

В 1925 году Н. А. Семашко выдал квакерам удостоверение, свидетельствовавшее о том, что Общество Друзей оказывало медицинскую помощь населению «нашей Республики» и содержало ряд медицинских учреждений. В документе говорится, что вся квакерская работа в этом направлении проводилась по согласованию с Наркомздравом РСФСР. В следующем, 1926-м, году тот же Семашко выдал мисс Анне Хейнс документ, в котором говорилось, что американка работает «по вопросам, связанным с здравоохранением», и высказывалось пожелание «оказывать названному лицу содействие в означенном направлении». Анна Хейнс с теплом вспоминала поддержку, оказанную ей наркомом Семашко, подчеркивая, что бумага, выданная Николаем Александровичем, «открывала двери медучреждений

повсюду, куда бы она ни приходила». В том же году в № 2 журнала для акушерок, выходившего под редакцией В. П. Лебедевой и называвшегося «Охрана материнства и младенчества», появилась большая статья Анны Хейнс «Уход за ребенком в русских и американских учреждениях».

Казалось, все шло великолепно, Анна Хейнс была полна энтузиазма и надежд на успешное сотрудничество квакеров с Наркомздравом РСФСР. Но в Советской России существовало учреждение, которому искреннее желание помочь, исходившее от иностранцев, казалось подозрительным.

Летом 1926 года в Борисоглебский переулок, 15, в здание, где находился квакерский офис, принесли повестку из ОГПУ. Анну Хейнс желали видеть товарищи, отвечавшие за борьбу с контрреволюцией и шпионажем, занятые обеспечением государственной безопасности и борьбой с чуждыми советской власти элементами.

Риченда Скотт так описывает поход Анны Хейнс на Лубянку:

С утра Анна — внешне спокойная, внутри содрогающаяся от страха — отправилась в здание ОГПУ, предварительно попросив знакомого греческого консула связаться с Лондоном и Филадельфией, если к вечеру она не вернется. Часовой на входе отправил ее к одному из боковых подъездов, где ее впустили и откуда повели лабиринтом длинных и узких коридоров в маленький кабинет. Там были лишь стол и несколько стульев с неудобными прямыми спинками. Туда же вошел и долговязый мрачного вида человек, который назвался секретарем по вопросам религий ОГПУ. Он знал, что Анна говорит по-русски, но — тем не менее — спросил, не желает ли она воспользоваться услугами переводчика. Она тут же ответила согласием, поскольку, во-первых, желала, чтобы ее ответы были правильно поняты, а во-вторых, потому, что хотела таким образом выиграть время, чтобы собрать мысли в порядок. В кабинете появился молодой человек приятного вида, бегло говоривший по-английски, и допрос начался. Ее спрашивали о квакерской вере, о той работе, которую квакеры делают в России теперь и делали в прошлом. Кто финансировал эту работу, и вообще, почему они решили тут работать. Анна легко ответила на все эти вопросы. Допрашивавший Анну секретарь по вопросам религий сказал, что был удивлен, давеча увидев ее в опере: он полагал, что все правильные квакеры сторонятся театров. На протяжении допроса чекист оставался вежливым и предупредительным, демонстрируя хорошие манеры и приличное поведение, по окончании беседы даже сказал, что, как видите, ОГПУ не такое черное, каким его малюют. На что Анна, как всегда, не изменяя своей прямоте, сказала, что, дескать, если бы со всеми вызванными на Лубянку обращались так же, как с ней, тогда и репутация у этой конторы была бы не та, какую она имеет теперь. «Он улыбнулся этому замечанию и сказал, что я свободна. Когда я повернулась, чтобы идти к двери, я почувствовала холодок между лопатками на спине, поскольку до нас доходили рассказы о том, как стреляли в спину. Однако я спокойно добралась до дома, и, к частью, никогда больше не сталкивалась с этими товарищами».

В 1997 году я отправил запрос на Лубянку: есть ли у них материалы о проводившемся в 1926 году допросе американки Анны Хейнс. Ответ из ФСБ был коротким: таких материалов нет.

Тем же летом Анна Хейнс изложила на бумаге и отправила советским властям свое практическое предложение о создании сестринского центра с программой обучения: двухлетний или трехгодичный курс, с прицелом на будущее расширение ее проекта. Если бы все пошло хорошо, этот проект мог бы стать моделью для других медицинских учреждений.

Наркомздрав РСФСР поручил доктору Лебедевой рассмотреть предложения Хейнс, как-никак Вера Павловна являлась руководителем отдела материнства и детства, а также близко знала саму американку. В. П. Лебедева отклонила предложение, ответив, что, если квакеры действительно заинтересованы в развитии сестринского дела в России, пускай они лучше окажут финансовую помощь уже существующим школам. Мол, давайте деньги, а мы уж сами разберемся. Будучи до мозга костей советским человеком, хотя и поработав в 1912–1917 годах в Женеве, в университетской гинекологической клинике профессора Бейтнера в качестве интерна, доктор Лебедева имела минимальное представление о фандрайзинге. И все же Анна Хейнс — вместе с Фредом Триттоном, и. о. директора московского квакерского центра, — смогла убедить ее в необходимости учреждения именно отдельной структуры: это значительно упростило бы сбор средств за рубежом, втолковывала она Вере Павловне. Лебедева согласилась и предложила квакерам на выбор несколько строений, относившихся к ее научно-исследовательскому институту. Однако состояние зданий было столь плачевным, что только на ремонт потребовалось бы 22 000 долларов. Хейнс поставила свою подпись под соглашением с Наркомздравом об учреждении школы сестринского дела, отправив запрос в Филадельфию о возможности собрать такую сумму.

К концу июля 1926 года Комитет служения американских Друзей был готов начать сбор средств, причем у американских квакеров уже была договоренность с двумя благотворителями о сумме 15 000 долларов. Но внезапно Комитет решил пересмотреть свою позицию. Вилбуру Томасу, секретарю Комитета, стороннику работы квакеров в России, было сказано, что «финансировать столь крупные проекты на предлагаемых условиях и тем более гарантировать продолжение финансирования в течение пяти лет» неразумно. Лондон тоже сдержанно отозвался на предложение, дав понять, что английские квакеры «не могут обещать какого-либо финансирования в настоящее время».

Филадельфия сообщила Анне Хейнс, что денег на ее проект нет и не будет. Она пришла в отчаяние, умоляла Комитет не отказываться от ее плана, предлагала приехать в США и лично выступить перед широкой общественностью, принять участие в сборе средств. Она писала Вилбуру Томасу:

Какая жалость… упустить возможность открытия школы для медсестер из-за отсутствия средств на ее содержание. Тот тип медсестры… который мы надеялись подготовить в результате обучения… был бы очень востребован в России, особенно в сельской местности. Ведь мы были первой иностранной

организацией, которой власти дали добро на открытие в России образовательного учреждения. Эта работа осуществлялась бы исключительно в пределах Москвы… Мы ведь давно пришли к выводу, что полезна только та работа Друзей, которая предполагает оказание небольшой технической помощи, демонстрирующей наш дружественный настрой по отношению к России. Нельзя останавливаться ни перед чем в деле сбора средств для нашей будущей школы.

В 1926 году Наркомздрав дал квакерам уникальную возможность открыть иностранное образовательное учреждение в Советской России, однако противоречия между сотрудниками Комитета служения американских Друзей и усиливавшееся недовольство американских квакеров стилем руководства Вилбура Томаса (усугубленное разногласиями между британскими и американскими квакерами) нарушили планы Анны Хейнс.

Теперь у Анны не оставалось никаких резонов для того, чтобы оставаться в Советской России. Американские квакеры справедливо считали сомнительным предприятием вклад существенной суммы в проект, который в одночасье мог быть закрыт или у них отобран. Большевики ничего не теряли, выдвигая финансовые условия: согласятся американцы — отлично, откажутся — не велика потеря. Глядя на эту ситуацию из дня сегодняшнего, невольно думаешь, что такой поворот событий не только не содействовал развитию советского сестринского дела, но замедлил прогресс в деле обучения медсестер. С другой стороны, нет никаких сомнений, что у Анны Хейнс через несколько лет отобрали бы ее детище, и хорошо, если бы просто выслали из страны, а ведь могли бы обвинить во вредительстве, троцкизме, уклонизме и прочих злодеяниях и расстрелять либо отправить в лагеря. 18 октября 1926 года Анна Хейнс уехала из СССР.

Последний проблеск надежды на участие квакеров в медицинских проектах в Советском Союзе имел место в 1928 году. В год столетия со дня рождения Л. Н. Толстого квакеры пытались договориться об открытии училища для медсестер в рамках инициированной советскими властями программы создания образовательного центра в Ясной Поляне: именно в том году Александра Толстая открыла Яснополянскую школу имени Л. Н. Толстого.

В тот год в Ясную Поляну съездила квакерея Эмма Кэдбери:

Рассматривалась возможность квакерского участия в работе больницы в Ясной Поляне, которую власти строят к столетней годовщине со дня рождения Льва Толстого. Вот почему я провела несколько дней в этом интереснейшем месте, а заодно немного познакомилась с жизнью крестьян. Мы даже переночевали в доме писателя, хотя нынче это — музей. Мы обедали в кооперативной столовой, в амбаре на территории усадьбы. Дочь писателя Александра Толстая живет здесь почти все время и принимает деятельное участие в жизни местного сообщества. Она показала нам две школы. Одна из них готовит наиболее одаренных девочек и мальчиков к поступлению в университет, тогда как другая, расположенная в нескольких милях от первой, предназначена для детей с отклонениями в развитии, и в ней учеников обучают не только

наукам, но и ремеслам. Дух свободы ощущается в каждой из школ, и дети вполне осознают свою ответственность за будущее села. Дух Толстого и его учение несомненно оказывают влияние на воспитание этой молодежи.

И хотя было понятно, что шансы на успех минимальны, Друзья упорно пытались выстроить конструктивные отношения с советской властью, предлагая свои услуги, свой опыт и знания, обещая передать оборудование для больницы, которую предполагалось построить как мемориал Льву Толстому. Анна Хейнс в случае успеха была готова вернуться в Советский Союз, чтобы принять посильное участие в новом проекте. Однако большевики проявили минимальный интерес к тому, чтобы в работу в Ясной Поляне были вовлечены иностранцы. Квакерские предложения были отвергнуты.

К лету 1926 года работа квакеров в Бузулуке была свернута, в Тоцком оставалась Нэнси Бабб, привыкшая работать в одиночку, опираясь на местное крестьянство. Из квакерской миссии в Сорочинском последними уехали Алис Дэвис и Надежда Данилевская. В январе 1927 года обе приехали в Москву в Борисоглебский переулок, где — в самом центре столицы — располагался квакерский офис.

Власти еще в ноябре 1922 года выдали квакерам в их полное владение небольшой особняк, который с улицы казался одноэтажным, но на самом деле в нем было два этажа — второй этаж имелся лишь над частью здания. Это был деревянный оштукатуренный дом, построенный в 1817 году; он и по сей день стоит в Борисоглебском переулке, который в советское время (с 1962 по 1994 год) назывался улицей Писемского. В разгар голода, когда квакеры перебрались сюда из офиса на Большой Никитской, 43 (где они делили здание с другими организациями), в московском офисе был многочисленный штат, так что переезд оказался своевременным. Задержка с обеспечением офисом объяснялась дефицитом пригодных для этого площадей в столице. В особняке было достаточно места и для конторских помещений, и для жилых комнат, причем не только для квакеров, но и для сотрудников баптистской и менонитской служб помощи. Дом этот находится на удобном расстоянии от центра в тихом переулке, в той части города, где разместились посольства и консульские службы. Иностранные сотрудники и русский персонал очень хорошо отзывались о бытовых условиях московского офиса: там было просторно и тепло даже в те годы.

Надо сказать, что здание на Борисоглебском представлялось квакерам их будущим квакерским посольством, или — в более поздней терминологии — квакерским центром.

Идею квакерского посольства с энтузиазмом развивал еще в 1918 году Теодор Ригг, глава квакерской миссии 1916–1919 годов. Этот термин он использовал неспроста.

В 1918 году в Лондоне был образован Совет международного служения (Council for International Service, CIS), представлявший Годовое собрание Лондона и Дублина. Во многом новый орган напоминал Комитет служения американских Друзей. Во главе Совета международного служения был Карл Хит. Этот человек стал квакером незадолго до получения должности — в 1916 году, — однако он был хорошо известен Друзьям после восьми лет работы в качестве секретаря Британского национального совета мира.

Карл Хит был убежден, что миротворческая работа должна основываться на религиозной основе. Это необходимо для того, полагал Хит, чтобы противостоять пылу патриотического национализма. Идея квакерских посольств в разных столицах мира пришла от Карла Хита, равно как и терминология. Он считал, что работа этих посольств будет координироваться квакерским «форин офисом» в Лондоне, а трудиться в представительствах Общества Друзей будут квакерские «послы и атташе». Такое его смелое видение квакеры сочли весьма амбициозным, но сама идея им понравилась, только вместо слова «посольство» Друзья решили использовать термин «центр», а квакерский «посол» стал именоваться «представителем».

Карл Хит полагал, что после всех ужасов войны из-за своей непримиримой пацифистской позиции квакеры будут пользоваться особым уважением во всем мире. Что, по его мнению, должно было способствовать их успешной миротворческой работе.

Карл Хит полагал, что «послов» можно было бы отправлять за границу для служения на двухлетний срок. Квакерские дома должны были стать своеобразными центрами помощи и инициаторами социальных реформ, способствовать созданию международных политических институтов мира. Он также видел роль квакерских офисов как центров образования для взрослых, как мест для проведения конференций и организации детских лагерей. В качестве атташе квакерских посольств Хит предлагал назначать студентов, которых можно было бы отправлять в эти центры на практику в качестве интернов.

Первые международные центры квакеров — в сотрудничестве с ирландскими и американскими Друзьями — были созданы в регионах, где велась работа по оказанию помощи после войны. Три офиса были открыты в Германии (Берлин, Франкфурт и Нюрнберг), еще четыре в Париже, Вене, Варшаве и, наконец, в Москве.

Что касается московского посольства, то дела там обстояли не так, как в остальных странах и городах. Работавшие в московском офисе люди понимали, что удаленность Лондона от советских реалий способствует возникновению в английских квакерских головах наивных фантазий. Находившиеся в Москве квакеры старались объяснить Лондону, почему так трудно работать в Москве. Тогдашний руководитель московского офиса Эдвард К. Боллс писал Хиту:

Боюсь, что квакерскому центру что-то делать тут будет очень трудно, поскольку нам здесь просто не позволяют заниматься той деятельностью, которой от нас ожидают Друзья.

Вряд ли в Лондоне могли осознать реалии советской жизни. Английские квакеры, оставаясь в плену иллюзий, полагали, что сотрудники в России по каким-то причинам просто не хотят принять идею посольства. Буквально в каждом письме, касалось ли оно открытия медицинского центра, школы сестринского дела, сельского медицинского пункта или больницы в Ясной Поляне, Карл Хит уделял несколько строк идее посольства. В 1925 году он писал в московскую миссию Дорис Уайт:

Наша первейшая задача — добиться от общества, в котором мы работаем, понимания и пересмотра ценностей. Медицинские центры, проекты по здравоохранению — все это вторично. Мы стремимся к тому, чтобы учредить центр в самом сердце России, центр, который поможет нам добиться дружбы и понимания людей, в чьих руках сегодня находится будущее России.

Одержимость идеей квакерского центра привела к тому, что в 1926 году Карл Хит убедил лондонских Друзей не поддерживать предложение Американской миссии и Анны Хейнс по открытию школы для обучения сестринскому делу и их дальнейшие планы по части создания медицинских пунктов в российской глубинке. Из-за его бескомпромиссности не состоялся и перевод денежных средств для строительства больницы в Ясной Поляне.

Итак, работа в Бузулукском уезде завершилась, а квакерский офис в Москве оставался открытым, хотя число сотрудников там свелось до минимума. Чем мог заниматься небольшой форпост квакеров, что могли они делать в обстановке антирелигиозной кампании и нарастающего воинствующего атеизма? В январе 1925 года Рут Фрай, приехавшая в Москву из Лондона, встречалась с Ольгой Давидовной Каменевой. Каменева хотела знать конкретно, чем именно квакеры намерены заниматься, в чем должна была заключаться их работа. Рут Фрай записала в дневнике:

Нам показалось, что ей нужно объяснять наше затянувшееся присутствие, и я думаю, что она не очень осведомлена, чем же мы занимаемся. Она сказала, что всегда хорошо отзывалась о нашей работе, в чем я не сомневаюсь, и что она хотела бы, чтобы мы оставались, но она стала потом подробно рассказывать о нехватке помещений и дала понять, что весьма возможно, что нам не удастся сохранить за собой наш офис.

В том же 1925 году попытки квакеров открыть библиотеку, организовать обучение английскому языку были оставлены по причине негативной реакции со стороны советских властей.

В московском офисе имелись в наличии материалы на русском языке, рассказывавшие об Обществе Друзей, но не было читального зала и постоянного места для квакерских молитвенных собраний. Кто-то из британских Друзей предложил сотрудникам миссии начать давать уроки английского языка, тем самым информируя русских людей о деятельности квакеров. Эдвард К. Боллс, хорошо говоривший по-русски, на встрече с властями озвучил идею проведения занятий английским языком и создания библиотеки. Он вспоминал:

[Советские чиновники] *не возражали против того, чтобы мы обучали профессорский состав… английскому, но намекнули, что это нежелательный прецедент: ведь уроки можно давать и частным образом… Что касается библиотеки, то здесь они не видят проблем, только немного нервничают, не идет ли речь о пропаганде квакерских ценностей.*

Кроме Ольги Каменевой, Рут Фрай встретилась с Федором Ароновичем Ротштейном, одним из главных советских цензоров:

В отношении нашей идеи о комнате-читальне он сказал, что очень хотел бы встретиться с нами по этому поводу и посмотрит, что лично он может сделать.

Квакеры с опытом работы в советских реалиях понимали тонкости взаимоотношений с большевиками: те никогда не дали бы четкого и ясного согласия на всякую инициативу, исходящую от иностранцев. Ведь кто знает, как потом повернется линия партии, кому из московских товарищей была охота впоследствии отдуваться за свою близорукую политику в отношении каких-то «религиозников». Тем не менее талант и умение вести переговоры с советскими чиновниками Теодора Ригга, Артура Уоттса, Эдварда Боллса приводили к результатам, которые лондонские Друзья не умели адекватно оценить, будучи далекими от московских реалий. Как впоследствии выяснилось, пишет американский историк Д. Макфадден, именно стремление лондонского комитета решать все вопросы официально послужило причиной отказа советских властей дать разрешение не только на проведения занятий английским языком, но даже на открытие библиотеки и читального зала. Эдвард Боллс писал:

Друзьям надо будет проявлять терпение, потому что продвижение их работы в России будет небыстрым, нам надо довольствоваться в ближайшие годы тем, что нам разрешают проводить ту работу, которую мы делали в течение прошлых лет. Единственное, что нам здесь остается, — это жить по-квакерски, продолжая в ходе нашего общения с разными людьми вызывать в них чувства доверия и дружбы, что пока нам неплохо удается в России. Если мы хотим продолжать нашу деятельность в СССР, нам нужны деньги для четкой программы проведения какой-то нужной, полезной работы.

Наступили времена, когда Друзьям приходилось балансировать на грани: либо открыто делать то, что они считали правильным, и тогда их наверняка быстро прикроют. Либо сохранить этот островок квакерских ценностей в центре большевистской России ценой непринципиальных уступок, ценой сохранения того, что называется невысоким уровнем публичности, иначе говоря, не лезть на рожон.

ГЛАВА 10

Выживание московского офиса квакеров и его закрытие. Сотрудничество квакеров с Советской Россией на индивидуальном уровне: истории Артура Уоттса и семейства Тимбресов, Александера Уикстида, Маргарет Барбер и Уильяма Уилдона.

В 1924 году в Советский Союз по приглашению наркома здравоохранения Н. А. Семашко, для ознакомления с практикой охраны труда в СССР, в Москву приехала Элис Хамилтон, американская ученая, доктор медицины и общественный деятель. В своей автобиографии «Изучение опасных профессий», изданной в 1943 году в Нью-Йорке, она описывала быт и жизнь в квакерском центре в Борисоглебском переулке, где она остановилась.

Нас было четверо в одной довольно большой комнате с четырьмя армейскими кроватями, одной жестяной раковиной и большой кафельной печью, которая вообще-то на нашем втором этаже была дымоходом от печи на первом этаже. Печь всегда была теплой, так что можно было греться около нее и сушить полотенца. Даже в октябре в Москве было холодно — я не помню солнечных дней. В здании была одна теплая комната, которая служила гостиной и столовой, там у нас был очаг, в котором горели березовые поленья. Всю Москву топили дровами, мы повсюду видели большие кучи дров, они громоздились даже вокруг зданий Кремля. Что касается еды, я могу вспомнить только то, что большую часть времени была голодной. Я питалась черным хлебом, еще была там каша, ужасная каша; но больше всего мне запомнилось то, что чай не был чаем, а кофе нельзя было назвать кофе.

Следует сказать, что по мере уменьшения объема работ по оказанию помощи у квакеров не оставалось необходимости в таком большом здании. В 1924 году число сотрудников сократили, принадлежавшие миссии автомобили и грузовики были проданы, а неиспользуемые комнаты сданы американскому и английскому корреспондентам, и не только. В 1925 году было принято решение уменьшить занимаемую площадь, квакеры оставили за собой только верхний этаж, где располагались столовая, три спальни и кухня. На первом этаже они оставили в своем владении только большую комнату — под контору — и ванную. Всю оставшуюся площадь занимало консульство Греции — получились две изолированные друг от друга квартиры.

Уже упомянутая выше американская квакерея Эмма Кэдбери в 1928 году так описывала квакерский офис:

Меня привезли в Квакерский центр. Это двухэтажное здание, половина которого сдается в аренду американскому журналисту-репортеру, который с семьей живет в России уже несколько лет. Его знание внутренней и внешней политики — еще одно преимущество места, в котором я остановилась: жизнь среди дружественных и понимающих людей способствует общему пониманию ситуации.

Число сотрудников, как говорилось выше, сократилось, поэтому глава офиса, квакерея из Ирландии Дорис Уайт, с апреля 1926 года сдавала часть офиса семье американского журналиста Чемберлина. Эта субаренда была вполне разумной: американец платил квакерам 100 рублей в месяц за аренду трех меблированных комнат и кухни с ванной. Кроме финансовой поддержки, такое соседство, очевидно, обеспечивало относительную безопасность. Ведь Уильям Генри Чемберлин, работавший корреспондентом бостонской газеты «Крисчен Сайенс Монитор» (Christian Science Monitor) с 1922 по 1934 год, был марксистом и имел вполне просоветские взгляды, что не могло не повлиять на отношение к обитателям дома в Борисоглебском со стороны ОГПУ. Правда, другие посетители квакерского дома положительных эмоций у большевиков, скорее всего, не вызывали: сюда часто приходила Ольга Толстая, первая и единственная на тот момент русская квакерея. Здесь бывал Владимир Чертков, другие толстовцы. Да и русские сотрудники квакерского дома наверняка были под пристальным вниманием чекистов.

В середине 1920-х у квакеров работала бывшая фрейлина русской царицы Мария Александровна Мансурова, в девичестве Ребиндер. Ее муж Николай Николаевич Мансуров был расстрелян в 1918 году вместе с братом Марии, Александром Александровичем Ребиндером. Дочка Марии Александровны была арестована в 1924 году, и Ольга Толстая хлопотала перед Е. П. Пешковой, руководившей организацией под названием «Помощь политическим заключенным», или, как тогда говорили, «Помполитом». Эта организация по просьбе родственников арестованных по политическим обвинениям наводила справки о том, где они содержатся, осуществляла им материальную помощь, ходатайствовала перед властями об их освобождении. Организация располагалась в доме 16 на улице Кузнецкий Мост, рядом с приемной ОГПУ. Вот что писала Ольга Толстая:

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна, направляю к Вам мою хорошую знакомую Марию Александровну Мансурову, к которой прошу Вас отнестись с полным доверием. Это прекраснейший и чистый, как хрусталь, человек, само благородство и простота. Она служит у квакеров, где пользуется общим уважением.

Ее дочка, 20 лет, была арестована в Четверг на Страстной неделе. М[ожет] *б*[ыть], *Вы помогли бы ей выяснить обстоятельства дела и что ей вменяется.* <...> *При разговоре имейте в виду, что Мария Ал*[ександровна] *плохо слышит.*

С большим уважением,

О. Толстая

Квакеры долго помогали Мансуровой и ее вышедшей на волю дочери: в сентябре 1926 года они сочли за благо жить в Тоцком, где квакеры оплачивали их работу в детском санатории, открытом Нэнси Бабб на базе местной кумысолечебницы доктора Гусарова.

В московском квакерском офисе работала приехавшая вместе с американкой Алис Дэвис из Сорочинского Надежда Викторовна Мартынова-Данилевская, которую все звали просто Надя

Данилевская. В начале 1910-х годов Надежда Викторовна была сильнейшей российской теннисисткой, членом Московского общества любителей лаун-тенниса, чемпионка в одиночном разряде России (1910–1912), Москвы (1907, 1910, 1911), Санкт-Петербурга (1907), своего клуба (1905–1909, 1911). О ней в 1923 году писал в своем дневнике американец Эдвин Вейл, знавший ее по работе в Сорочинском и Гамалеевке:
Миссис Данилевская очень сильно переживает потерю мужа, печальный опыт своего заключения в тюрьму. Она безостановочно работает, стараясь как будто тем самым ускорить бег времени, стремясь приблизить смерть. И она хочет как бы отплатить крестьянам за их страдания при старом режиме, к которым она как представитель тогдашнего правящего класса чувствует свою причастность. Я, кажется, уже упоминал, что у нее титул графини. Ее рассказы о бывшей жизни с роскошью и нескончаемым потоком удовольствий столь же удивительны, сколь и невозможны для воображения, особенно если взглянуть на миссис Данилевскую сейчас. Когда-то она была успешной спортсменкой, участвовала в женском чемпионате по теннису в России. Ее лингвистические способности и ее натура делают миссис Данилевскую очень нужной для нашей работы… У нее просто фанатическая вера в русский народ. После того как она потеряла мужа и сына, у нее осталась только работа. И она отлично понимает, что, когда мы уедем, ей придется нелегко: работы для бывшей аристократии в России практически нет. Она говорит, что она испытывает даже некоторое чувство радости в связи с тем, что может быть отправлена в тюрьму ни за что, и при этом опасается, что ее могут сослать в Архангельск.
Чем же занимались сотрудники московского квакерского центра, когда работа в Бузулукском уезде закончилась, а штат сократился? В отчете Комитета служения американских Друзей за 1927 год говорится:
Дорис Уайт продолжает работу Центра в Москве. Он выполняет функции сервисно-информационного бюро для иностранцев, помогает отдельным россиянам, поддерживает дружеские отношения и устанавливает ценные контакты в самой Москве. Алис Дэвис и Надя Данилевская прошли курс обучения в Московском департаменте профессиональной подготовки, чтобы получить допуск к работе в системе Наркомздрава. До июня 1926 года Анна Хейнс тоже находилась в Москве, где продолжала работать инструктором медсестер в департаменте материнства и младенчества. После этого Анна отправилась в Америку — в декабре 1926 года, — чтобы помочь собрать средства для создания школы медсестер. Ожидается, что это будет следующая работа для Друзей в России.
Поскольку дипломатические отношения между СССР и Великобританией, установленные в 1924 году, были прерваны в мае 1927-го, а дипотношений с США не было до самого 1933 года, квакерский офис выполнял порой функции представительства Англии и Америки. Характерным примером такой деятельности Московского квакерского центра того времени является письмо, найденное мной в американском архиве AFSC. Пришло оно в Борисоглебский переулок из села Курьева слободка в 1927 году. Малограмотная Ефросинья Петровна Шмель просит разыскать ее мужа Емельяна Артемовича Шмеля, уехавшего из их села в Америку в 1914 году, и повлиять на него. С тех пор как муж уехал, пишет

Ефросинья Петровна, от него нет ни весточки, в то время как отец мужа — свекор, — живущий в том же селе, регулярно получает письма от сына. Несчастная женщина жалуется, что она одна тащит на себе двоих сыновей и двух денежных переводов на сумму 40 рублей, посланных за все эти годы мужем через свекра для сыновей, Ивана и Пантелеймона, совсем недостаточно. «В просьбе моей прошу не отказать и повлиять как-то на мужа моего, чтобы он выслал денег нам всем, чтобы мы смогли уехать к нему в Америку», — завершает свое письмо к квакерам Ефросинья Петровна Шмель.

В августе 1926 года Дорис Уайт, работавшая в московском квакерском центре, отчитывалась:

В этом месяце поток визитеров в Московский офис был нескончаемым. По причине отсутствия (отпуск) некоторых постоянных обитателей московской квартиры мы смогли размещать двоих или троих гостей одновременно. За месяц у нас было восемь постояльцев, из которых шестеро прожили больше недели.

В начале месяца в Москву прибыла группа иностранцев — это был трехнедельный визит в Россию Джорджа Шервуда Эдди, известного протестантского миссионера, национального секретаря YMCA, и его сторонников. Визит для них был подготовлен через Бюро по культурным связям, их принимали повсюду, что является замечательным знаком. У них была очень насыщенная программа. Трое из их коллектива остановились в Квакерском центре, а остальные время от времени заходили сюда. Некоторых из них мы смогли свести с интересующими их людьми или с представителями властей — по какой-то особой тематике, над исследованием которой они трудились. Двое членов этой группы, проживавших в Борисоглебском переулке, были молодыми выпускниками университетов, принимавшими участие в всемирной конференции YMCA в Гельсингфорсе.

Во второй половине 1926 года глава московского квакерского центра Дорис Уайт в добавление к ежемесячным отчетам о работе направила в Лондон списки — по дням — мероприятий, визитов и гостей особняка в Борисоглебском. Частыми гостями были Ольга Толстая, Владимир Чертков. Были и своеобразные визитеры: Дорис Уайт жаловалась в Лондон, что американки мисс Грейвс (жившая в Москве уже 2 года) и миссис Флетчер (пребывавшая в столице несколько месяцев) не выносили русской кухни и обе «практически настаивают на том, что будут приходить к нам ежедневно — столоваться в обед и в ужин». И ведь их принимали, кормили, пока наконец им не отказали, сославшись на сложности с обслуживанием: число работников из экономии приходилось сокращать.

В начале 1927 года Дорис Уайт получила письмо из Лондона, в котором ей предлагалось закрыть московский центр на несколько месяцев, тем самым сэкономив на оплате аренды. Это в высшей степени наивное предложение в очередной раз показывает полное непонимание советской реальности английскими квакерами. Уайт написал в ответ:

Что касается предложения Комитета о том, что мы должны закрыться к сентябрю «на несколько месяцев», то оно представляется совершенно невыполнимым, с какой бы стороны на него ни посмотреть. Во-первых, согласно договору аренды, мы не можем продлевать аренду на срок менее года, поэтому, если мы

желаем закрыться вообще, то мы должны сделать это немедленно, то есть до 1 июня. Даже тогда нам, вероятно, придется заплатить арендную плату за два месяца, поскольку, согласно старому соглашению, мы должны уведомить заранее, за два месяца.

Дорис Уайт пеняла Лондону на плохую координацию действий английских Друзей с американскими. Она процитировала телеграмму Американского квакерского комитета из Филадельфии, в которой говорилось:

Комитет призывает возобновить аренду московского дома. В следующем году открываем Медицинскую школу.

Понятно, что наличие противоположных мнений в Лондоне и Филадельфии не могло ее не удивлять.

Будучи человеком практичным, она перечислила причины, по которым — как ей виделось — следовало остаться.

Нам кажется, что есть четыре основные причины для того, чтобы оставаться в этом доме на зиму:

1. Если мы уйдем официально, то Друзьям, наверно, вообще никогда не удастся вернуться.

2. Из-за крайней нехватки жилья в Москве снова получить такое удобное местопребывание было бы просто невозможно. Даже если бы мы снимали только один номер в отеле, плата за аренду номера составила бы около 100 рублей в месяц.

3. Здесь есть большое количество оборудования (не только того, что было в этом доме, но и вещей из Сорочинского и Тоцкого), которое должно будет где-то храниться все это время нашего отсутствия. Короче, расходы, связанные с закрытием и открытием заново, были бы больше, чем если бы мы остались здесь.

4. AFSC в любом случае обязался поддерживать Алис Дэвис и г-жу Данилевскую на время их учебы, и им дешевле жить здесь, чем где-то в другом месте.

Дорис Уайт буквально до копеек подсчитала, как свести до минимума расходы, чтобы не упускать уникальную возможность обладания офисом в центре Москвы. Она не теряла надежды на то, что факт постоянного присутствия квакеров в Москве сыграет им на руку. Ведь когда уже установлены давние контакты в столице, легче искать пути к выполнению квакерской миссии: к кому бы ни обратились теперь Друзья, их потенциальные партнеры будут понимать: эти иностранцы — какие надо иностранцы: они в Советской России вот уже почти десять лет, с ними можно иметь дело.

Как это ни удивительно, московские власти не имели ничего против субаренды квакерского офиса. Кроме упомянутого выше Чемберлина, к квакерам просились на постой сотрудники дипмиссии Греции. Дорис Уайт писала:

Некоторое время назад греческое консульство обратилось к нам с вопросом, не можем ли мы передать наш офис им. В то время, конечно, для нас это было совсем неприемлемо. Сегодня утром я пошла к консулу. Он говорит, что в настоящее время их наш офис не интересует, но через десять дней там будет новый первый секретарь, и он считает, что не исключено, что новому дипломату, возможно, помещение

понадобится. Но даже если они не захотят перебираться сюда, Чемберлины очень желали бы заполучить дом, и теперь они будут платить половину арендной платы плюс половину всех накладных расходов. Проживавшие в квакерском доме Алис Дэвис и Надя Данилевская оплачивали свою долю субаренды: 30 рублей в месяц. Если впустить еще греков, подсчитывала Дорис Уайт, с дипломатов можно было бы получать ежемесячно 70 рублей. Итого — 200 рублей, то есть арендная плата за офис могла быть покрыта за счет постояльцев. Дорис Уайт не нужно было платить за свое проживание: ее доля покрывалась доплатой Чемберлинов за мебель в их комнатах. Доля Дэвис и Данилевской покрывалась поступлениями из Комитета служения американских Друзей: Филадельфия высылала ежемесячно 75 долларов. Лондон пересылал каждый месяц 55 долларов. Всего с 1 июня 1926 года по 31 мая 1927 года Филадельфия передала в Москву 12 106 долларов. Значительная сумма из этих денег уходила в Бузулук, Тоцкое и Сорочинское. В Тоцком до ноября 1927 года оставалась Нэнси Бабб, в Сорочинском и Бузулуке американские деньги шли на зарплату русским врачам в соответствии с договоренностями квакеров с Наркомздравом.

При всей экономии Дорис Уайт умудрялась держать в офисе несколько русских сотрудников, хотя и видела необходимость внести в их работу некоторые изменения:

…Мы могли бы обойтись без сотрудников в офисе в течение этих нескольких месяцев, или, если бы мы оставили только Александру Тихоновну, и она согласилась бы получать примерно половину той зарплаты, которую она получает в настоящее время, — если мы, конечно, сможем договориться. Я бы очень не хотела расстаться с миссис Бойко, но я уверена, что Анна Хейнс ее снова примет на работу в том случае, если Школа медсестер все-таки будет открыта в Москве, — она очень опытная и ценная работница. Мы могли бы также обойтись без обоих сотрудников вспомогательного персонала, если бы у нас была помощь Александры Тихоновны для работы по дому и по офису. Если я остаюсь на посту представителя квакеров, который мы официально не отменяли, у нас останется обширная переписка, контакты и т. д. У меня еще найдется время, чтобы давать уроки английского языка, и, таким образом, я могла бы полностью покрыть все свои расходы. Вот так мы могли бы сократить расходы до минимума, то есть до 70 долларов США, которые выплачиваются Американским комитетом для Алис Дэвис и г-жи Данилевской, и около 55 долларов на общее содержание и общие расходы, выплачиваемые Лондоном, если они считают меня частью Лондонского комитета.

К этому письму прилагался список русских сотрудников с указанием их должности и зарплаты:

Наталья Бойко	*бухгалтер, машинистка и переводчик*	*160 р 80 к*
Александра Тихоновна Красоткина	*курьер*	*110 р 40 к*
Саша Матвеева	*домработница*	*43 р 20 к*
Дворник	*неполный рабочий день*	*10 р 50 к*
ИТОГО		*324 р 90 к*

В годовом отчете AFSC о работе московского центра за период до конца мая 1928 года говорится:
В прошедшем году у квакеров в России самый минимальный объем деятельности за весь период с момента начала нашей работы в этой стране в 1916 году. Это связано с тем, что в течение года мы сосредоточили свои усилия на попытках реализации плана по созданию Школы подготовки медсестер в Москве или каком-то другом большом городе в России. Мы рассчитывали на то, что, делясь своим опытом работы в области общественного здравоохранения, проводимой в Америке и Англии, через Школу подготовки медсестер, квакеры могли бы внести большой вклад в развитие здравоохранения русского народа. Нам не удалось набрать достаточно средств для того, чтобы гарантировать успех этого мероприятия, и потому от этого плана пришлось отказаться.

В этот же промежуток времени Алис Дэвис и Надя Данилевская завершили курс обучения в Школе подготовки русских медсестер в Москве. Предполагалось, что они будут работать в Мемориальной больнице Льва Толстого, которую советское правительство строило и оснащало в Ясной Поляне. Хотя две квакерские работницы не смогут сами организовать курсы подготовки медсестер в тех объемах, как предполагалось в рамках указанной выше схемы, они могли бы внести свой заметный вклад в общественную работу в России. Мы рассчитываем внести свою лепту в оснащение этой больницы, чтобы ее работа была более эффективной.

Л. Дорис Уайт была руководителем нашего офиса в Москве. Она много преподавала и, таким образом, смогла зарабатывать деньги для поддержания самой себя. Ее помощь путешественникам и другим иностранцам в России трудно переоценить.

Работа в Тоцком была завершена, и Нэнси Дж. Бабб вернулась в Америку.

Медицинское оборудование стоимостью около 1000 долларов было закуплено ею в Германии и доставлено в больницу в Тоцком. Указанная сумма была получена от продажи вышивки и белья, которые были произведены крестьянами в Тоцком районе.

Алис Дэвис работала в Центре не очень охотно. «Большая часть моих отчетов о том, что я делаю, — писала она новому секретарю Комитета служения американских Друзей Кларенсу Пикетту, — это просто какое-то детское хвастовство о наших достижениях». В конце концов она отказалась принимать финансовую поддержку от AFSC, потому что считала, что с ее стороны «не было по-настоящему честной работы». Надя Данилевская нашла плохо оплачиваемую работу в Комитете помощи заключенным, в то время как Дэвис зарабатывала гроши за перевод документов для Российского Красного Креста. Говоря о трудностях с работой в России, она признавалась в своем письме Пикетту в том, что «почти на грани отчаяния» и хотела бы, чтобы приехала Анна Хейнс и стала бы заниматься делами в Москве.

О положении Московского квакерского центра были проинформированы другие Центры Друзей. Давно живущий в Европе Гилберт Макмастер, глава берлинского Центра, не видел причин для тревоги:

«Я не думаю, что жизнь Алис Дэвис в опасности, — писал он. — В случае каких-то проблем ее просто выгонят из страны». Тем не менее Квакерский комитет хотел, чтобы она вернулась домой, в Россию даже отправилась ее мать — в тщетной надежде убедить дочь уехать. Нэнси Бабб писала Пикетту о «безнадежной ситуации в России», говорила о «желании Алис уехать только с миссис D».

В тринадцатом ежегодном отчете Комитета за период с 1 июня 1930-го по 31 мая 1931 года говорится, что в это время Алис Дэвис занималась в основном переводами, а Надя Данилевская — помощью заключенным (очевидно, у Пешковой в «Помполите»). Дорис Уайт отправилась в Лондон 29 марта 1931 года, а когда она собралась вернуться — через несколько месяцев, — ей отказали во въездной визе. В это время на ее месте в Борисоглебском работала Флой Джордж.

Руководитель Совета международного служения (Council for International Service, CIS) Карл Хит написал советским властям письмо, в котором напоминал большевикам о той «полезной работе совместно с советскими учреждениями», которую вела Дорис Уайт. В своем письме Хит напоминал, что два плана работы Друзей по охране младенчества в СССР были отклонены советским правительством, но в 1929 году квакеры согласились с предложением Наркомздрава пожертвовать оборудование для детской клиники в Москве. Для этой миссии была выбрана Кэтрин Эдвардс, которая собиралась приехать в СССР в конце августа вместе с Дорис Уайт. Однако отказ в визе на возвращение Уайт сделал невозможным продолжение этой работы.

Карл Хит писал М. М. Литвинову в своем послании:

Если советские власти уведомят нас, что им больше нежелательно присутствие Друзей в России, то остается необходимость ликвидировать наш центр, для чего требуется, чтобы эта наша представительница пробыла там несколько недель.

По словам Хита, эта работа не могла быть доверена никому другому:

Общество просит поэтому, чтобы Дорис Уайт была допущена в СССР для продолжения своей работы или, по желанию советского правительства, для ликвидации дел.

В американском отчете Комитета за 1930/31 год сообщалось, что Дорис Уайт навсегда покинула Россию и что Алис Дэвис и Надя Данилевская, вероятно, вскоре тоже уедут в длительный отпуск в Америку. В этом же документе говорилось, что школу медсестер открыть так и не удалось, но Анна Хейнс готова приехать в Россию следующим летом, если такая возможность все-таки появится.

Надежда Данилевская отлично говорила по-английски, и у нее оказалось достаточно связей для того, чтобы получить разрешение на выезд из СССР, избежав участи быть арестованной. Комитет служения американских Друзей смог договориться о том, чтобы Надю зачислили в Bryn Mawr College. Данилевская и Дэвис покинули Москву в мае 1931 года, и на том их лишения кончились.

В справочнике «Вся Москва» адрес квакерского офиса появлялся из года в год, начиная с 1922-го. Последнее упоминание о квакерах содержалось в справочнике за 1931 год в разделе «Общества по

оказанию помощи», на странице 119, и оно уместилось в три строки:
О-во Друзей «Квакеры».

Борисоглебский п., 15, т. 3-35-06.

Представит. Дорис Уайт.

На 593-й странице того же издания для Уайт, Люси Дорис указан тот же номер телефона и тот же адрес: место работы было и местом ее проживания.

31 июля 1931 года в газете «Правда» была опубликована маленькая заметка «Квакеры покидают СССР»:

Лондон, 28 июня

Московский корр. «Обсервера» сообщает:

«Единственная иностранная благотворительная организация, продолжающая работать в сов. России — квакерская „Союз друзей“ — покидает СССР в июле. Причиной отъезда является отказ Наркомздрава возобновить договор, предоставляющий квакерам известную свободу благотворительной деятельности.

Организация квакеров работала в России со времени войны и спасла многие тысячи жизней в голодный 1921 год».

Это был слегка искаженный перевод заметки из британской газеты «Обсервер», в оригинале, кроме приведенного выше, говорилось:

Советские власти не поощряют деятельность иностранных религиозных организаций, и длительное пребывание квакеров в стране объясняется тем фактом, что они никогда не занимались религиозной деятельностью, а полностью посвятили себя социальной работе.

Работа Друзей в России, в которой принимали участие британские и американские представители, началась во время войны и проводилась с беженцами, эвакуированными из мест, где шли сражения. Друзья поставляли продукты питания в Бузулукский уезд Самарской губернии во время голода 1921 года, а впоследствии предоставляли помощь в области здравоохранения в России.

Лондон и Филадельфия строили догадки:

Уайт было отказано в визе для возвращения в Москву. Вероятная причина такого решения может быть в том, что Розинский, который работал у нас в качестве переводчика во время голода, последнее время работал в Наркоминделе, но по-прежнему общался с квакерами и часто посещал наш Центр.

Юлия Оскаровича Розинского арестовали в 1929 году, а в 1930-м — по обвинению в шпионской деятельности — приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 14 января 1931 года.

Вряд ли дело было только в Розинском. Терпение советских властей кончилось, и, хотя квакеры совсем никак не тревожили их своей деятельностью, терпеть иностранный офис в центре Москвы в 1931 году уже никто не хотел.

На этом завершилась история квакерского офиса в столице Советского Союза первой половины XX века. Новый квакерский офис открылся в СССР почти шестьдесят лет спустя.

Однако история квакеров в России июлем 1931 года не заканчивалась. В том же 1931 году в Москву возвратился английский квакер Артур Уоттс. Он работал в столице и в Бузулуке в 1920–1923 годах. После перенесенного тифа уехал из страны, сначала в Англию, в родной Манчестер. Оттуда — в США, далее — в Австралию. В Австралии он женился на Маргарет Торп, с которой познакомился в 1921 году в Бузулуке; они вместе побывали в СССР как туристы в 1930-м, потом жили в Сиднее до самого отъезда Артура Уоттса в СССР. Прожив несколько лет в Австралии, он окончательно утвердился в мнении, что Россия — та самая страна, где он сможет реализовать девиз своей старой квакерской школы «Не для одного, а для всех». В СССР Уоттс стал работать инженером в Новомосковске, который тогда носил название Бобрики. Советское гражданство он принял, когда началась Вторая мировая война.

В 1957 году Артур Уоттс встретился с несколькими молодыми английскими квакерами, приехавшими на Московский фестиваль молодежи и студентов. Участники встречи с Уоттсом англичане Филип Моррис и Айрин Джакоби вспоминали:

Артур Уоттс говорил, что в СССР он мог отдавать всего себя на службу обществу, что было невозможно, когда он работал на предпринимателя в капиталистическом обществе. Он чувствовал «свободу, подобную той свободе, что ощущает художник, который может писать картины, полностью выражая себя, пускай он даже остается при этом бедным».

Другой участник встречи с Уоттсом, Дэвид Харпер, в конспекте, набросанном после разговора в Москве, писал:

Артур выглядел как обычный русский трудящийся, хотя довольно быстро нам стало ясно, что на его плечах по-прежнему оставалась английская голова. Он был рад встрече с нами — отчасти потому, что он чувствовал, что у него есть чем поделиться. В процессе разговора я спросил его, насколько разочарование советским режимом было компенсировано его возвращением к квакерской вере, но я не хотел спрашивать его, является ли он членом компартии и состоял ли он в ней в прошлом. Мне показалось, что при ответе на мой вопрос в его голосе прозвучали трагические нотки, но все пересыпалось похвалами достижений Советского Союза и призывом попытаться понять точку зрения русских, представив самих себя на их месте.

Артур Уоттс умер в 1958 году, он так и не съездил в Англию — боялся, что там его арестуют.

В 1936 году в Советский Союз из США приехало квакерское семейство: Ребекка и Гарри Тимбрес, уже поработавшие в Сорочинском с апреля по сентябрь 1922 года. Гарри — врач, специалист по тропическим болезням — с большим трудом добился от советских властей визы, сначала на короткий срок. Он приехал в Москву один, писал подробные письма домой Ребекке, которая — с двумя дочками — ожидала от него вызова. Он с восторгом рассказывал о том, как прекрасна жизнь в Москве, где

он встретил старых знакомых — молодую пару из Сорочинского, приехавших в столицу жить и учиться. Он также встретился со ставшим москвичом Артуром Уоттсом.

С большим трудом Гарри добивался разрешения на приезд жены с детьми: его как раз отправили по разнарядке в Марийскую республику, на строительство целлюлозно-бумажного комбината «Марбумстрой». Жизнь вполупроголодь, в жутких жилищных условиях, труд по-советски, то есть почти не оплачиваемый, — можно предположить, что семейству Тимбрес ненадолго хватило бы энтузиазма. Построенный в Волжском «Марбумкомбинат» начал работу в 1938 году, но Гарри этого уже не увидел: в 1937-м он заболел тифом и скоропостижно скончался. Его похоронили там же, в Марийской республике, а Ребекка с детьми уехала домой в США. В своей книге «Мы не просили утопии» Ребекка Тимбрес-Кларк подробно описала жизнь в лесах близ города Волжска. Мне посчастливилось встретиться с почти столетней Ребеккой в доме престарелых в США в 1996 году. Она была слепа, очень плохо слышала, но было понятно (и это подтвердили сестры из обслуживающего персонала), что она обрадовалась гостю из России. Мы долго болтали, а потом я спросил у Ребекки, помнит ли она хоть какое-то русское слово. «Теплушка», — отчетливо произнесла она. Она на ощупь подписала мне свою книгу, и мы обнялись на прощанье.

В апреле 1922 года в Россию приехал английский квакер Александер Уикстид. Он работал в составе квакерской миссии помощи голодающим и, после того как почти все квакеры покинули страну, решил остаться в СССР. Американка Элис Хамилтон, встретившаяся с ним в октябре 1924 года в московском квакерском центре, отзывалась о нем как о большом почитателе Советской России. Элис так передавала его мнение об СССР, которым он делился с вновь приехавшими иностранцами: «Это единственная страна, в которой вы можете жить действительно свободной жизнью». Миссис Хамилтон вспоминала, что, услышавшие эти слова, присутствовавшие буквально опешили: только что Эдвард К. Боллс, тогдашний директор московского офиса, хорошо говоривший по-русски, предупредил их о том, что за каждым будет ходить соглядатай и обо всем увиденном доносить властям; что разговоры даже на английском языке могут представлять серьезную опасность если не для самих иностранцев, то для других, что нужно было оставаться предельно аккуратными и осторожными. Но, как оказалось, у безалаберного Уикстида было свое понимание свободы: «А, вот вы о чем, — ответил он на реплику миссис Хамилтон, — если вы о политике, то это совсем другое дело. Я-то вам говорю, что русский человек настолько открыт и свободен от запретов, что говорить о реальных вещах можно свободнее, чем где бы то ни было. Вот вам пример свободы жизни общества. Если в Англии меня приглашают прийти в гости и отужинать, то я должен об этом не забыть и, хочу я того или нет, прийти вовремя. Здесь же я могу пойти, а могу не пойти, или прийти, когда заблагорассудится. Девять шансов из десяти за то, что приглашавшая меня хозяйка уже забыла, что она меня пригласила, да и еду тут все равно никогда не подают вовремя». Алекс Уикстид преподавал английский язык в московском вузе. Американский журналист Негли Фарсон писал об

Уикстиде в своей книге «Путешествие по Кавказу», что каждый год, в мае, когда студенты уходили на каникулы, Алекс собирал все накопленные за зиму деньги, набивал рюкзак провизией и отправлялся на все лето на Кавказ. В Москве англичанин жил в маленькой комнатке в одном из общежитий в рабочем районе столицы, с туалетом в конце длинного коридора. Каморка Уикстида была забита мебелью, вспоминал Фарсон, в центре стола красовался огромный самовар: не говоривший по-русски Уикстид очень стремился выглядеть русским; обрив голову и отрастив бороду, он ходил по Москве в подпоясанной кушаком рубахе и высоких сапогах. В стремлении стать русским Уикстид практически не контактировал с иностранными дипломатами и журналистами, но и русские его своим не считали. Он так и умер в одиночестве летом 1935 года — от хронического бронхита, причем тело обнаружили в его комнатке не сразу. О смерти Александра Уикстида сообщила газета The Scotsman. Алекс Уикстид был одним из тех квакеров, которые предпочли жизнь в Советской России возвращению на запад: здесь ему нравилось все, и он написал об этом в двух своих книгах: «Жизнь при Советах» (Life Under the Soviets, 1928) и «Десять лет в советской Москве» (Ten Years in Soviet Moscow, 1933). Удивительно, что эти книги были изданы на Западе, но на русский их не перевели и советский читатель их не увидел. Можно предположить, что Уикстид, восторгавшийся большевиками, настолько хватил через край с восхвалениями, что даже кремлевская цензура не сочла разумным дразнить советского человека его фантазиями.

В числе квакерских сотрудников, решивших остаться в России, была и англичанка Маргарет Барбер. Она работала в Бузулукском уезде еще в первой миссии в 1916–1918 годах. Любимица местного населения, она лечила людей в Любимовке в 1916-м, заведуя тамошней больницей. Покинув Бузулук в мае 1918 года, Маргарет Барбер поехала сначала в Москву, а оттуда — в Астрахань, где работала медсестрой в больнице. С большими приключениями — через Константинополь — она добралась до Англии. В 1922 году она снова отправилась в Советскую Россию, теперь уже навсегда. Мисс Барбер приехала в уже знакомую ей Любимовку, где работала сначала в больнице, а потом — в колхозе. Там она вышла замуж за местного учителя. Какое-то время спустя Маргарет Барбер заболела туберкулезом. Ее спасли квакеры. Позднее она вспоминала:

За нами послали лошадей и привезли к квакерам в Сорочинское. Они дали работу моему мужу, а нас с сыном положили в больницу. Уже после этого мы перебрались в санаторий Нэнси Бабб в Тоцком. К концу лета мы набрались сил и полностью выздоровели.

Маргарет с семьей вскоре уехала из этих мест — сначала в Уральск, а потом в Азербайджан. В России Барбер, медсестра и акушерка, получила специальность физиотерапевта. Риченда Скотт писала в своей книге, что в 1961 году Маргарет продолжала работать в СССР — она жила уже на черноморском побережье. Муж ее умер, а сын погиб на фронте — под Сталинградом.

Менее удачно сложилась жизнь англичанина Уильяма Уилдона, тоже оставшегося в СССР. Пацифист, марксист, после многочисленных отсидок в английских тюрьмах за сознательный отказ от участия

в войне, он не смог получить работу по специальности у себя на родине. Тогда Уильям — хотя и не был квакером — отправился вместе с Квакерской службой помощи в Бузулук, где помогал русским преодолевать последствия страшного голода. Там он нашел свою любовь, его русскую жену звали Зинаида Иванова. Житель города Бузулука В. Мельников много лет спустя вспоминал:

В 1923 году мистер Вилдон женился на машинистке конторы Зине Ивановой. Исполняя волю родителей невесты, их обвенчали по христианскому обычаю в соборе. Я был приглашен Зиной, и как шафер во время церемонии держал над ее головой венец.

Они стали Вилдонами — так писали фамилию Уильяма советские чиновники. Уилл и Зина Вилдоны переехали из Бузулука в Самару, а потом в Москву, где жили в гостинице для иностранных сотрудников Коминтерна: Уилдон поступил туда на работу переводчиком.

5 октября 1937 года он был арестован, обвинен в шпионаже и подготовке диверсий и приговорен к расстрелу. Вильям Маршалович Вилдон был расстрелян на Рождество 1937 года.

ГЛАВА 11

Отношение квакеров к советской власти. Очарование идеалами коммунизма. Квакеры — полезные идиоты или упорные оптимисты?

Кроме Артура Уоттса, Маргарет Барбер, Алекса Уикстеда и Уильяма Уилдона, оставшихся в СССР по собственной воле, под влияние коммунистических идей попадали и другие квакерские работники как первой (1916–1919), так и второй (1920–1931) квакерских миссий. Большинство квакеров, поработавших в России и искренно симпатизировавших большевикам, уехали из страны, оставаясь, однако, в плену своих фантазий.

Так, Джон Рикман и его жена Лидия Рикман (до замужества Льюис) были убеждены в добрых намерениях коммунистов и даже зарегистрировали свой брак в Бузулукском совдепе в марте 1918 года. По их мнению, факт регистрации брака у большевиков являлся символом доверия к новой власти. Историк Дэвид Макфадден приводит цитату из письма Джона Рикмана, уверенного в том, что квакерам этой регистрацией удалось убедить местных коммунистов прекратить внесудебные расправы в Бузулуке: Очевидец многих расстрелов, Рикман писал своей матери, что он нашел способ выразить свое несогласие с убийствами, не подвергая опасности благотворительную деятельность квакеров: «Тогда мы, полные спокойствия, приняли решение идти в Трибунал и рассказать им о том, что мы были свидетелями сцены, которая имела место днем… и верим в то, что они осудят такое вытеснение правосудия законами толпы… Мы полагали, что наилучший способ убедить их, что мы им доверяем, — это обратиться в их адрес не только с критикой, но и одновременно с просьбой о регистрации брака». План Джона и Лидии оказался действенным. Массовые расстрелы на время прекратились, деятельность квакеров продолжалась без помех, а местный уполномоченный комиссар в Бузулуке зарегистрировал их брак, — отмечает Д. Макфадден.

После закрытия квакерской миссии в Бузулуке Рикманы отправились во Владивосток, откуда в октябре 1918 года они на пароходе достигли западного побережья США. Супруги отправились в Вашингтон: Джон и Лидия хотели поведать в столице о том, что происходило в Стране Советов. Англичанин и американка, симпатизировавшие новой власти в России, рассчитывали на то, что в Вашингтоне их хотя бы выслушают. Однако встретили их там с формальной любезностью и с досадой отмахнулись. На всем протяжении их дальнейшего путешествия в Лондон Рикманы горели желанием рассказать буквально всем о том, что на самом деле происходит в советской стране, но всякий раз, когда они пытались показать большевистский эксперимент в положительном свете, им приходилось сталкиваться с предубеждениями и недоверием. Надо сказать, что и позднее в своих рассказах, выступлениях и статьях они продолжали придерживаться все той же просоветской точки зрения. Сразу по

возвращении, в 1919 году, Джон Рикман выпустил книжку «An eye-witness from Russia» («Свидетель из России»), а в 1950-м — «The People of Great Russia» («Народ великой России»).

Еще двумя поклонниками советской власти и всего советского были американки Анна-Луиза Стронг и Джессика Смит. Они не были членами Общества Друзей: квакеры пригласили их в Россию как журналисток, для написания статей, для того, что теперь называется пиаром.

Родившаяся в 1885 году в семье миссионеров Конгрегациональной церкви, Анна-Луиза Стронг уже в юные годы зарекомендовала себя борцом за права рабочих и обличала язвы капитализма. Бойкая на перо, она сначала сочинила несколько религиозных текстов («Психология молитвы», «Библейские мальчики и девочки»), но потом перешла на темы социальной несправедливости. В 1921 году Стронг была в квакерской миссии в Польше, а уже оттуда отправилась в страну, где ее мечты реализовывались на практике, — в Советскую Россию.

Репортажи мисс Стронг из Поволжья написаны очень хорошо, она старательно выполняла свою работу. Ее любовь к новому режиму, восхищение буквально всем, что она видела в Советской России, со временем только возрастали. В своем письме в Америку в декабре 1921 года журналистка пела дифирамбы коммунистам:

Жизнь организуется среди этих руин и опустошения. И делает это сравнительно маленькая группа коммунистов, людей преданных, готовых к самопожертвованию, работающих до последнего дыхания для того, чтобы не только восстановить Россию, но и для того, чтобы реконструировать ее совершенно новыми способами.

Впоследствии А.-Л. Стронг работала в СССР, основала газету The Moscow News, а потом уехала в Китайскую Народную Республику, где восхищалась культурной революцией и хунвейбинами, дружила с Мао. Анна-Луиза Стронг умерла в Китае в 1970 году и была похоронена в Пекине, на кладбище Мучеников революции.

Родившаяся в 1895 году Джессика Смит приехала в Советскую Россию из Америки в феврале 1922-го, где работала на квакеров до января 1923-го. За это время ею было написано множество рассказов и коротких заметок. Она исколесила немало дорог, посещая деревни и хутора, находившиеся в зоне работы Американской группы ОДК. После возвращения в США Джессика Смит стала редактором издания «Советская Россия сегодня» (Soviet Russia Today) — рупора просоветской организации «Друзья Советской России» (Friends of Soviet Russia). В годы Второй мировой войны она основала Национальный совет американо-советской дружбы (National Council of American-Soviet Friendship). Уже после войны Смит неоднократно приезжала в СССР, оставаясь восторженной почитательницей страны Советов. Спустя почти пятьдесят лет она добралась и до Сорочинска: ее визит с удовольствием вспоминал директор Краеведческого музея города Сорочинска А. Т. Синельников, с которым мне довелось встретиться в 1997 году.

Также я читал статью Джессики Смит в советском журнале «Крестьянка», в которой американка с восторгом описывала замечательные успехи Страны Советов, как они ей виделись из далеких Соединенных Штатов.

И Джессика Смит, и Анна-Луиза Стронг какое-то время прожили в СССР, они были оптимистками, смотревшими на окружавшую действительность сквозь розовые очки. Понятно, что они были не одиноки в своих симпатиях большевикам. Читая архивные материалы, я неоднократно сталкивался с тем, что некоторые сотрудники квакерских миссий давали тенденциозную картинку, когда описывали советскую действительность, находя объяснения отдельным недостаткам и особо подчеркивая положительные стороны жизни в стране. Часто позитив виделся по причине прозаической — по незнанию русского языка и доверию по отношению к официальной большевистской пропаганде. Но Смит и Стронг — особые случаи. Анна-Луиза Стронг, например, с удовольствием сообщала:

Даже в этой обстановке неопределенности Россия в своем бюджете на следующий год выделяет больше средств на образование, чем на военные расходы. Это — единственная в мире страна, о которой можно рассказать такое.

Уже упоминавшаяся выше американка Элис Хамилтон, врач и специалист по охране труда, встречалась во время своей поездки в Россию в 1924 году как с Анной-Луизой Стронг, так и с Джессикой Смит. Последняя произвела на Хамилтон удручающее впечатление:

Как-то вечером мы говорили о тотальной слежке в России, и я сказала, что в СССР люди никогда не будут сплочены, пока страна не избавится от слежки и не восстановит доверие людей друг к другу, что взаимное подозрение и взаимное предательство разрушили человеческие отношения. Джессика Смит настаивала, что это — необходимость. «Но, — сказала я, — разве вам не дороги такие чувства, как честь, разве для вас честность и верность — пустой звук?» Моя собеседница с сожалением улыбнулась: «У вас мелкобуржуазная идеология». Я спросила: «Неужели вас ничуть не возмущают жестокость, ночные аресты, расстрелы без суда и следствия, каких сотни?» — «Конечно, нет, — отвечала Джессика. — Я руководствуюсь единственным: всякий раз спрашиваю себя, полезно ли это для партии? Если полезно, то все правильно; если нет, то произошла ошибка».

Исполнительный секретарь Комитета служения американских Друзей Вилбур Томас, в 1923 году побывавший в России, писал:

Нам довелось встретиться с довольно большим числом известных членов правительства, и я был очень сильно впечатлен тем, что в настоящий момент происходит в России. Люди, работающие в правительстве, очень способны, они делают все, что можно сделать в таких ужасных условиях, которые были навязаны им. Нет никаких сомнений в их успехе.

Проработавший год в Сорочинском американский квакер Эдвин Вейл вспоминал приезд Вилбура Томаса к ним и его выступление:

Томас подчеркнул значение нашей работы как для России, так и для Америки, и речь шла не только об облегчении участи страдающих материальной помощью, но и о всемирном братстве и любви к людям, о гуманизме. «При том что коммерческая пресса и религиозная пресса гнобят Россию, — говорил нам Вилбур Томас, — кто же продемонстрирует дружбу, кто с ними подружится?»

Американец Эдвин Вейл за год жизни в Сорочинском и Гамалеевке очень хорошо разобрался в том, что происходило в стране. Его дневник полон интересных замечаний и зарисовок:

Эта страна не кажется коммунистическим государством. Тут точно нет ничего коммунистического, а при НЭПе она с каждым днем удаляется от коммунизма все дальше и дальше. Самым близким к реальности будет такое определение: государственный капитализм. Коммунизм был на противоположном конце траектории раскачавшегося маятника, раскачавшегося по причине ненавистного угнетения со стороны правящих деспотов самодержавия и иностранного капитала, и потому коммунизм — недостижимая крайность, экстрим, которого не достичь. Как это уже часто случалось в истории, реформаторы вернулись к старому злу, оправдывая свои действия суровой необходимостью, поступая так же, как и те, кто был до них. В самом начале революция отменила смертную казнь, однако теперь расстреливают даже за взяточничество, ненавистная система ЧК по-прежнему использует тайных агентов, которые теперь служат другому хозяину. У теперешних властей гуманности не больше, чем у прежних. Вы знаете, что власти не видят проку от церкви и делают все, что только можно для того, чтобы разделаться с ней: идет конфискация церковных ценностей, обложение налогами. Вполне естественно, что они желают разрушить церковь, поскольку она являлась инструментом угнетения и оплотом реакции. Но мне такая политика кажется близорукой, в ней нет ничего конструктивного. Они заставляют все государственные школы учить атеизму.

Вместе с тем Эдвин Вейл тут же замечал:

Пытаюсь подняться над пристрастным видением того, что такое революция и коммунизм, и обрести чистое видение явления в исторической перспективе… Революция — что бы под этим ни понимали — великое историческое событие, которое, как и любое другое событие, должно быть изучено честно.

Легко иронизировать над наивными и доверчивыми квакерами из дня сегодняшнего, когда нам уже известно, как развернулись события в СССР после их отъезда. Можно улыбнуться умозаключениям того же Эдвина Вейла, изложенным в дневнике сразу после сообщения о смерти Ленина:

Смерть Ленина по-всякому была бы важным событием, но теперь, когда в верхах компартии бушует конфликт, его кончина имеет важное политическое значение. Можно предположить, что его смерть на несколько недель успокоит оппозицию, и при том, что Троцкий болен и находится в отпуске, ЦИК сможет сокрушить оппозицию или сделать ее менее эффективной. Хотя кто знает, реакция может быть гораздо

сильнее, и было бы наивным заниматься предсказаниями теперь. Политические события последующих месяцев обещают быть интересным зрелищем.

Нет сомнений, что квакеры, адепты религии, основными принципами которой являются честность и откровенность, воспринимали события, происходившие в России, довольно наивно, а то и просто видели только то, что им самим хотелось видеть. Понятно, что они, как и многие другие, были введены в заблуждение лозунгами, провозглашенными большевиками в 1917 году: «Власть Советам», «Земля крестьянам». Ленинская философия с ее идеями о переустройстве общества, ликвидации всякого угнетения, о социальном равенстве была вполне созвучна принципам квакеров, весьма схожим с декларированными целями большевиков. Нет никаких сомнений, что у Религиозного общества Друзей, у церкви мира и ненасилия, тезис Ленина о том, что Первая мировая война была несправедливой для всех участвовавших сторон, чуждой интересам трудящихся, находил положительный отклик. Правда, призывы большевистского вождя превратить империалистическую войну в войну гражданскую и использовать рабочими войну для свержения своих правительств явно противоречили квакерскому подходу противостояния несправедливости в этом мире. Но ведь призывал же Ильич социал-демократов участвовать в антивоенном движении, которое выступало с пацифистскими лозунгами. Поэтому и квакеры для него были вполне полезны — с их стремлением к миру, с их отказом брать в руки оружие: ведь оружие-то они не будут брать на той стороне, и в рядах империалистических армий может образоваться хоть небольшая, но пробоина. Вот и написал в июле 1921 года ерничавший Владимир Ильич записочку игривого содержания своему коллеге Н. А. Семашко:

Милая моя Семашка! Не капризничай, душечка! Квакеров оставим за Вами, только за Вами. Не ревнуйте к Кусковой.

Эта реплика имеет отношение к истории с разгромом Комитета Помгола, среди руководителей которого была Екатерина Дмитриевна Кускова.

Архивные документы подтверждают тот факт, что квакеры в 1920-е годы были довольно хорошо известны советским властям, и эти самые власти неоднократно подчеркивали, что у большевиков к Обществу Друзей не было никаких претензий.

В качестве примера позитивного рассказа о квакерах можно привести цитату из центральной газеты. В 1922 году, в январском номере газеты «Известия» была напечатана заметка «Деятельность общества друзей (квакеров) в России», где приводится краткий экскурс в историю взаимоотношений квакеров и России:

Деятельность общества друзей началась в России еще задолго до поволжского голода. В 1916–1918 году общество Друзей в Англии и Америке объединилось для оказания помощи беженцам, переведенным с фронта войны в Самарскую губернию. Деятельность объединенного англо-американского общества

продолжалась еще некоторое время спустя после революции, но вскоре должно было прекратиться, т. к. общество было лишено возможности получать снабжение из Англии.

Отметив помощь английских квакеров детям Москвы и Петрограда в 1920 году, газета писала:

В период с февраля по сентябрь 1921 года, общество друзей американского комитета помощи и английские друзья комитета помощи жертвам войны объединились в одно целое и распределили только в Москве припасов на сумму около 150 000 фунтов стерлингов. Таким образом, непрерывно снабжались около 14 000 детей молоком, остальные медикаменты и продукты были распределены между детскими колониями, больницами, детскими домами и школами; одежда была распределена непосредственно из складов общества.

Теперь англо-американское общество друзей перенесло центр своей деятельности в Бузулукский уезд. Понятно, что симпатии к квакерам со стороны Кремля особенно усилились с лета 1921 года, когда коммунисты осознали масштаб грядущей трагедии голода в Поволжье, а квакеры уже занимались гуманитарной работой, помогая детским учреждениям — в сотрудничестве с Наркомздравом. Тем летом большевики были вынуждены на время оставить традиционные для них подозрительность и враждебность: они впустили в страну около двух десятков иностранных миссий помощи.

А ведь еще накануне голода, летом 1920 года приехавший в Москву на месяц Грегори Уэлч — на помощь уже работавшему с Наркомздравом и Наркомпросом Уоттсу — писал о том, что теперь называют «войной башен Кремля»: в течение всего четырехнедельного пребывания в Москве НКИД неоднократно пытался выдворить англичанина из страны, а в его защиту выступало ГПУ. Такие симпатии со стороны Лубянки можно объяснить тем, что встречавшийся в Москве с многими единомышленниками (например, с толстовцами) Уэлч невольно помогал чекистам, засвечивая свои контакты, которые он сам и не думал скрывать.

Как говорилось выше, Грегори Уэлч, которому Москва в 1920 году не продлила разрешение на пребывание в стране, опасался, что квакерская помощь коммунистической стране может быть не так понята мировым сообществом, да и самим Кремлем:

Артуру Уоттсу все видится в розовом свете, потому что он коммунист, и под его руководством все наши усилия будут истолковываться самими Советами как выражение симпатии советским методам. Артур Уоттс не говорит по-русски, а потому верит всему, что ему говорят, и сам того не видит, что большевики далеко ушли от заявленных идеалов.

Однако позиция Артура Уоттса и его союзников как в Лондоне, так и в Филадельфии стала доминирующей: квакеры не могли оставаться безучастными к страданиям простых людей, христианские принципы не требовали проверять документы, прежде чем протягивать руку помощи попавшим в беду братьям и сестрам.

Последующая работа Друзей в Советской России доказала правильность такого подхода. Квакеры — во многом доверчивые, доброжелательные — тем не менее зорко следили за тем, как распределялись их поставки, куда шли продукты, кто был конечным получателем одежды и пищи. Короче, доверяй, но проверяй. Случаи воровства или неавторизованной раздачи пайков, конечно, имели место. Разбор одного такого происшествия привела Дороти Норт, сотрудница Американской группы ОДК, заведовавшая квакерским постом в Грачевке. Обвинялся председатель местного комитета Помгола, виной которого была раздача квакерских пайков без предварительного обсуждения с квакерами. Уличенный в нарушениях председатель божился: «Отрежьте мне голову, посадите меня в острог на десять лет, а не на три (три года — срок, который ему грозил), если я еще раз когда-нибудь нарушу инструкции квакеров или последую чьему-то, но не квакерскому указанию». Кто-то из местных вполголоса напоминал ему: «Не забудь, у нас Советская Россия, а не квакерская».

Схожую историю описывала и английская медсестра Мюриел Пейн, работавшая в Борском, в 60 километрах от Бузулука. В письме Рут Фрай в Лондон Мюриел писала, что за последние два месяца в шести волостях, находившихся под ее опекой, были арестованы практически полностью все члены двух местных комитетов Помгола

за отвратительное воровство наших продуктов. В третьей волости председатель был арестован и получил срок 5 лет за хищение продуктов и большей части одежды, предназначенных для детского дома. Он произвел наиболее неприятное впечатление из всех, с кем мне доводилось говорить. В двух других волостях пайки продавались по 15 000 рублей для того, чтобы оплатить уездный налог, местные власти просто не выдавали пайки тем, кто не мог их оплатить.

Мюриел Пейн писала, что, если работа квакеров в России будет продолжена, Друзьям следует составить совершенно иное соглашение с советскими властями, сделав его более жестким, чтобы предотвратить злоупотребления, с которыми они столкнулись в Борском.

Другая история жульничества, о которой Мюриел Пейн писала матери в июне 1922 года, — рассказ о том, как она получила из Англии партию просроченной тушенки. Поскольку она увидела, что консервы оказались очень старыми, было решено закопать банки за окраиной села. Вместе с тем Мюриел ранее установила правило, что всякий выданный в квакерском пайке продукт — если он окажется некачественным — будет возмещен в таком же объеме качественным. Некоторые жители Борского обнаружили захоронение просроченной тушенки, откапывали банки и несли их на квакерский склад, требуя замены. Помощник Мюриел Генри Голди довольно быстро понял, что их дурачили: ему пришлось раскопать могильник тушенки и пометить каждую ранее захороненную банку так, чтобы ни у кого больше не было искушения повторить обман.

Коммунисты Бузулукского уезда на местах тоже, случалось, испытывали сильную неприязнь к иностранцам. Как правило, такие случаи были типичными примерами иррационального поведения,

основанного на так называемом классовом чутье, смешанном с дремучим пониманием патриотизма. Так, летом 1922 года на смену директору Американской группы ОДК Бьюле Харлей, уезжавшей в США, в Сорочинское прибыл Уолтер Вилдман. Бьюла рассказала ему про натянутые отношения между Американским ОДК и местным коммунистом Коноваловым. Как и многие большевики, тот не верил в добрые намерения американцев вообще и квакеров в частности. Летом, за десять дней до посевной, он сказал Американской группе ОДК, что иностранцам придется заплатить за зерно для сева, которое по соглашению между советскими властями и ОДК выдавалось последним бесплатно… Лишь вмешательство Москвы остановило самоуправство местного коммуниста, вскоре, впрочем, изгнанного из партии.

Нет никаких сомнений, что чекисты следили за всеми иностранными организациями, и квакеры не были исключением. Собственно, и советские полномочные представители Совнаркома РСФСР при иностранных организациях помощи голодающим А. В. Эйдук, а с лета 1922 года К. И. Ландер были сотрудниками ВЧК. Чекистом был и региональный полпред, отвечавший за работу с иностранными организациями помощи в Самарской губернии: Мартын Мартынович Карклин. К слову сказать, двое из них (Эйдук и Карклин) были расстреляны в 1938 году. С Ландером не все понятно: согласно статье в БСЭ, он умер в 1937-м, выйдя на пенсию и занимаясь литературным творчеством, в то время как некоторые источники свидетельствовали, что в том самом 1937-м Ландер был расстрелян.

В XX веке появился и широко использовался ошибочно приписываемый Ленину термин «полезные идиоты»: так называли тех, кто наивно считал себя союзником советской страны, полагая, что делает доброе дело, и кого вслепую использовали в своих целях большевики. Можно ли применить этот термин в отношении квакеров? Были ли Друзья полезными идиотами, когда спасали от голода сотни тысяч россиян?

Факт сотрудничества с большевиками вряд ли может быть поставлен квакерам в укор. Для въезда в страну и помощи голодающим нужны разрешения властей, а для получения разрешений с властями неизбежно приходилось договариваться. Из архивных документов видно, что среди Друзей были люди наивные, мало информированные, зачастую видевшие мир черно-белым. И большевики для них были все в белом, в значительной степени потому, что заявленные Лениным цели казались иностранцам вполне справедливыми.

Но в том и проявилась сила Религиозного общества Друзей, что ошибочные мнения и заблуждения (зачастую добросовестные) отдельных индивидуумов не сказались негативно на конечном результате. Ведь квакерами руководило не желание понравиться коммунистам, не желание помочь большевистским властям в победе мировой революции, а стремление уменьшить страдания несчастных, ни в чем не повинных мирных граждан, спасти сотни тысяч людей от смерти.

Это тот самый подход, который продемонстрировали Рикманы, зарегистрировавшие свой брак в совдеповском загсе: вы вершите противоправные деяния, но мы своей доброй волей и открытостью

поможем вам измениться к лучшему, — был характерным для многих квакеров. Среди Друзей и тогда, да и сейчас живет уверенность в том, что на зло надо отвечать ненасильственным добром. Даже не критикой неправедных и насильственных действий, а демонстрацией альтернативного насилию добра, которым, как ожидается, заблуждающийся злодей будет обескуражен. Добро побеждает зло, ведь сам Джордж Фокс (английский религиозный диссидент, мистик, основатель Религиозного общества Друзей) говорил, что природа зла, проявляющего себя в этом мире, «находится внутри, в сердцах и душах злых людей». Фокс из далекого XVII столетия напоминал квакерам, что жизнь человеческая полна зла, греха и отчаяния, но бесконечная любовь Бога к человеку побеждает:

И я увидел также океан тьмы и смерти, но бесконечный океан света и любви затоплял океан тьмы.
И в этом также узрел я бесконечную любовь Божию.

Океан зла несложно было увидеть в Советской России в 1920-е, а вот океан света и любви открывал свое сияние не всякому. Английские и американские квакеры, спасавшие русских людей в те лихие годы, видели проблески океана света и сами старались нести свет добра.

Основополагающая для квакеров книга «Книга дисциплин» (Book of Discipline) в 1921 году была отредактирована Обществом Друзей, после чего стала называться «Христианская жизнь, вера и мысль». Она являлась, по сути, руководством, призванным, как сказано в предисловии, «утверждать истину, не формулируя, а выражая ее через жизненно важный личный и корпоративный опыт Друзей». Содержание этой относительно небольшой книги было необычным: вместо дидактических указаний, наставлений и требований квакерские принципы давались ненавязчиво в форме рекомендаций и вопросов.

Многое в ней объясняет чувства, или, как скажут квакеры, водительства, коими руководствовались Друзья в своей работе:

Осознавайте дух Божий в труде и в обычных делах, в опыте вашей повседневной жизни. Духовное познание продолжается всю жизнь и зачастую приходит к нам совершенно неожиданным образом.

И далее:

Открыты ли вы для нового света, из какого бы источника он ни исходил? Воспринимаете ли вы новые идеи с проницательностью?

Нет сомнений, что дело спасения умирающих от голода людей для квакеров было делом божеским; такая работа, несомненно, способствовала обретению духа Божия. Есть основания полагать, что новая жизнь, обещанная большевиками, озвучиваемые ими коммунистические идеалы и цели могли восприниматься Друзьями как искомый Новый Свет. Однако им не всегда удавалось проявлять необходимую проницательность и отличать фальшивые ценности и устремления от истинных. Но они не торопились делать выводы, стремясь видеть в людях достоинства и трактовать их намерения как благие.

Ведь в тех же квакерских книгах говорилось:

Воздержитесь от предвзятости в оценке жизненного пути других. Воспитываете ли вы в себе дух взаимопонимания и прощения, которого требует от нас наше ученичество?
Что до советских чиновников, то в конечном итоге не имеет значения, что они думали о квакерах; важно то, что чиновникам не удалось ими манипулировать, а квакеры достигли своей цели. Продукты, одежда, транспорт, поставленные ими из-за рубежа, — все было распределено между нуждающимися. Помощь шла не через магазины-распределители, где материальные блага выдавались только членам профсоюза или ВКП(б), она осуществлялась по схемам, в разработке которых квакеры принимали полноценное участие, к тому же они имели возможность контролировать сам процесс. Такая квакерская принципиальность, вкупе с честностью и открытостью, приветливостью и доброжелательностью, сыграла положительную роль. Кроме того что сотни тысяч наших соотечественников в тех тяжелейших условиях остались живы, выжившие рассказывали своим детям и внукам истории о том, как их спасли от голодной смерти приехавшие в русскую глубинку англичане и американцы.

Вскоре после того как с голодом было покончено, Кремль приступил к идеологической обработке населения: иностранные организации помощи стали поливать грязью. Сначала официальная пропаганда принижала значимость иностранной помощи, искажая статистику, а какое-то время спустя власти стали лгать, утверждая, что АРА — самая эффективная организация из оказавших помощь в борьбе с голодом — на самом деле сбывала залежалый, гнилой товар в обмен на церковное золото и предметы русской старины и в основном занималась шпионажем, созданием своей агентурной сети в Советской России. При этом ни в одном советском документе я не нашел ни единого слова критики в адрес квакеров: про их помощь голодающим в Советском Союзе через какое-то время не писали вовсе, но никто их и не очернял.

Единственное исключение, попавшееся мне на глаза, — книга директора Сорочинского краеведческого музея, опубликованная в 1996 году: история местного края. В ней автор утверждал:
В Сорочинске, как и в окружающих его волостях, находилось американское представительство по оказанию продовольственной помощи населению. Возглавляла его некая Джессика Смит. Некоторые из стариков села помнят, как истощавшие от недоедания люди на сборном пункте в обмен на ценности получали пудовку (мера веса) кукурузной дробленки или заокеанской пшеницы.
Отметим, что слово «квакер» здесь отсутствует, кроме того, упомянутая Джессика Смит работала в Сорочинске в составе Американской группы ОДК, но никогда не была ее руководителем, а была нанятым Филадельфией публицистом. Какие именно крестьянские ценности шли на обмен в «сборном пункте», директор музея не указал; это утверждение является плодом его фантазии. Пункт 17 «Соглашения от 16 сентября 1921 г. между Квакерами и Народным комиссариатом продовольствия о продовольственной и вещевой помощи России» однозначно утверждал:
Товары Общества Друзей отпускаются населению бесплатно как подарки от Общества Друзей.

В 1998 году, после встречи со мной и историком Макфадденом, А. Т. Синельников опубликовал в местной газете статью, в которой говорилось:

Припоминаю рассказ моей матери, бывшей сибирской крестьянки Синельниковой Анисии, как она, жена погибшего красногвардейца, оставшись с еще грудным ребенком, сняла с себя золотой крестик, выменяв на него у американских или английских квакеров несколько фунтов заморской эрзац муки.

При этом рьяный разоблачитель квакеров А. Т. Синельников родился в 1920 году в Павлодарской области, где его семья жила до 1930-х годов и где квакеров просто не было. Вряд ли я когда-либо узнаю ответ на вопрос, что заставило этого человека лгать. А. Т. Синельников облил грязью людей, которые с риском для жизни приехали в его страну и жили здесь, испытывая всяческие трудности и лишения, людей, которые в голодные годы спасали от смерти его соотечественников.

Мне повезло встретиться с многими из тех, кто помнил квакерскую помощь, и все они отзывались о ней с большой благодарностью. В 1995 году я впервые приехал в Бузулук. На местном рынке я подходил к старикам, торговавшим овощами со своих огородов: я искал тех, которые с детства жили в этих краях. Все, с кем я заговаривал на эту тему, были открыты и в один голос говорили приблизительно одно и то же: голод был страшный. Сначала все зерно вымели большевики своими продразверстками. Потом была необычно теплая весна, которую сменило сухое жаркое лето.

Мы умирали, потому что было нечего есть. А спасли нас иностранцы: американцы и англичане. Они кормили нас, они спасли нас от смерти своими пайками.

После публикации моей статьи о голоде и квакерах в Бузулукской газете «Российская провинция» в 1996 году я стал получать письма от людей, переживших голод. Одно из них было от Н. П. Морозовой, которая вспоминала, что ей было 9 лет, когда в их деревню Торпановка пришли красноармейцы. Она сравнивала их с бандитами, которые грабили мирных жителей: военные отобрали все продовольственные запасы, увели лошадей и забрали все телеги. Начался голод. Позже — вспоминала Морозова — в Торпановку прибыли квакеры. Они открыли приют в церковной школе для детей-сирот и для тех детей, родители которых не могли их прокормить. Она писала, что ее саму спасли квакеры, они давали ей хинин, когда она заболела малярией. Эта старая женщина писала, что все еще помнила еду, которую им давали: фасоль, рис, муку, шоколад и яичный порошок.

Нина Григорьевна Попова, жившая в Сорочинском, писала мне, что ей, пятилетней девочке, американка из квакерской миссии подарила тряпичную куклу.

Это была самая любимая моя игрушка: я долго играла ею и хранила ее, пока она не распалась на кусочки от времени, уже много лет спустя. Я навсегда запомнила имя той американки. Ее звали мисс Пикеринг.

Ханна Пикеринг работала в Сорочинском офисе Американской группы ОДК с октября 1922 года по июль 1923-го, а после возвращения из Самарской губернии в США принимала самое активное участие в создании Американского общества культурных связей с Россией. Позднее Ханна работала в организации

Open Road, турагентстве, основанном Джоном Ротшильдом, которое с 1927 года организовывало групповые учебные поездки по Советскому Союзу, еще до дипломатического признания страны Соединенными Штатами. В 1930-е годы она неоднократно бывала в СССР, но уже в рамках сотрудничества Open Road с «Интуристом».

Многочисленные встречи с людьми в Бузулуке, Сорочинском и Тоцком обогатили меня множеством местных легенд и апокрифов. Например, Т. А. Коннова из Сорочинского написала мне, что, прочитав мою статью в газете, вспомнила историю, рассказанную бабушкой, историю, которую она раньше не воспринимала всерьез. Бабушка говорила, что, когда она была маленькой, начался ужасный голод и ее родители умерли. Тогда — по версии бабушки — она была временно усыновлена американской семьей и жила в этой семье в течение года. Американцы спасли ей жизнь, повторяла бабушка. Госпожа Коннова писала мне, что раньше думала, что ее бабушка была великой фантазершей: «Как она могла найти американцев в наших степях, в маленькой деревне?» После моей статьи стало ясно, что какая-то доля правды в истории бабушки была. По крайней мере, американцы бывали в этих краях.

Поскольку английские и американские квакеры в самые лихие голодные годы помещали брошенных и одиноких детей, а также подкидышей, в детские дома, где их кормили и одевали, где за ними устанавливался присмотр, такие их действия тоже привели к созданию местных легенд. Часто следы взятых в детдом детей терялись, и они не возвращались в свои семьи, если кто-то и оставался дома в живых. Это порождало всякие домыслы: многие люди, живущие в Бузулукском районе, уверяли меня, что сестра их бабушки или дедушки была увезена в Америку, где, наверно, живет и теперь. Но в архивных документах я не нашел никакой информации о том, что квакеры брали под личную опеку кого-то из местных детей, и уж тем более нет никаких сведений о том, что квакеры якобы увозили их с собой в Америку.

Закрывшаяся летом 1931 года дверь квакерского офиса в Москве, исход Общества Друзей из России — финальная точка важного периода истории квакеров в России. Ответить на вопрос, почему квакеры покинули Россию в 1931 году, несложно. Советские власти больше не желали терпеть иностранную организацию в стране, но по какой-то причине Друзей не выгнали с треском, а выдавили сравнительно гуманно: никто не был арестован, никого не обвинили в шпионаже и религиозной пропаганде. Дорис Уайт даже дали на несколько недель в 1931 году советскую визу — для приведения в порядок всех дел по дому 15 в Борисоглебском переулке и сбора остававшихся вещей. Да и Алис Дэвис с Надей Данилевской смогли уехать в Соединенные Штаты в том же году.

Американки Дороти Норт и Сиднор Уолкер в народных чувашских костюмах с местными крестьянками. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Советские власти к тому времени создали для Друзей патовую ситуацию, ничего не разрешая делать, а Лондон и Филадельфия потеряли интерес к идее квакерского центра в СССР и прекратили финансирование проекта. Усилия и средства квакеров Лондона и Филадельфии были перенаправлены на другие проекты, никто не изъявил желания продолжить начатые дела, некому было сформулировать видение дальнейшего служения Друзей в России, как это некогда делали Теодор Ригг, а позднее — Грегори Уэлч и Артур Уоттс. Идея квакерского посольства тихо угасла, а предложения английских и американских квакеров по реализации программ в области медицины либо отклонялись большевиками, либо откладывались в долгий ящик, либо выхолащивались. В конце концов московские власти отказались продлить аренду помещения, в котором располагалась миссия квакеров.

Справедливости ради стоит отметить, что Кларенс Пикетт, сменивший в 1930 году на посту исполнительного секретаря AFSC Вилбура Томаса, вынашивал идеи продолжения сотрудничества Общества Друзей с большевистской Россией. Он еще в большей степени, чем Томас, демонстрировал свои симпатии к СССР, за что подвергся критике как со стороны перебравшейся в 1929 году в США Александры Львовны Толстой, так и со стороны двух бывших сотрудниц квакерского офиса в Москве Алис Дэвис и Нади Данилевской.

Алис Дэвис писала Пикетту в феврале 1933 года:

Мне всегда казалось, что многие Друзья не очень ясно представляют себе, что такое Советская Россия… [вы] помните, как трудно было убедить многих Друзей (если нам вообще это удавалось) в том, что антирелигиозная кампания не была просто направлена против православной церкви и зловещего союза между церковью и государством, но что коммунизм в основе своей противоположен христианству, особенно в таких его проявлениях, как религия Религиозного общества Друзей, квакеров.

Квакерские историки (Д. Макфадден, Дж. Гринвуд, Р. Скотт) справедливо отмечают, что за закрытие проекта «Квакеры в России» вину в значительной степени несет само Общество Друзей. По мнению этих исследователей, еще в 1926–1928 годах были хорошие шансы на успех с открытием квакерского медицинского училища под управлением Анны Хейнс — для обучения медсестер. Однако Лондон и Филадельфия тогда стали подсчитывать, во что им может обойтись квакерский проект в стране большевиков. В 1926 году Лондонский комитет заявил, что по причине финансового кризиса, охватившего тогда Великобританию, они не могут обратиться с призывом к британской общественности жертвовать деньги на проект в Москве. Насмешкой выглядело решение Комитета выдать символический грант московскому центру в размере 500 фунтов стерлингов. Схожее поведение демонстрировал и Комитет в Филадельфии.

Лондонский комитет, обсуждая ситуацию с российским проектом в мае 1930 года, отметил в протоколе собрания:

Было высказано соображение, что лишь молитва может помочь разобраться в исключительно сложной ситуации в России.

Потеря интереса со стороны квакеров, смена приоритетов в Лондоне и Филадельфии привели к закрытию московского центра. Но не стоит забывать и о том, что отношение Кремля к религиозным организациям к 1931 году сильно отличалось от настроений, царивших в стране за десять лет до того.

В 1921 году Народный комиссариат земледелия РСФСР опубликовал воззвание «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей». В октябре того года, когда голод поставил под угрозу миллионы жизней россиян, Наркомзем буквально умолял верующих приехать в Россию, призывал все секты (в воззвании были перечислены духоборцы, молокане всех толков, иеговисты, новоизраильтяне различных течений, штундисты, мениониты, малеванцы, еноховцы, толстовцы, добролюбовцы, свободные христиане, трезвенники, подгорновцы) вернуться, просил: «Где бы вы ни жили на всей земле: добро пожаловать! Идите и дружно беритесь за работу и творческий радостный труд». Это воззвание было инициативой В. Д. Бонч-Бруевича, который, впрочем, утверждал, что его идею горячо поддержал и Ленин.

Однако уже через четыре года, в 1925-м, воинствующий атеист Федор Максимович Путинцев (1899–1947), член Центрального совета Союза воинственных безбожников, подверг резкой критике и воззвание, и саму практику конструктивного общения с сектантами. В декабрьском номере атеистического издания

«Безбожник» он резко выступил против сектантов, раскритиковав процитированный выше призыв Наркомзема. К 1931 году отношение к религиозникам стало еще хуже. В сборнике «Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932», вышедшем в 1932 году, Ф. М. Путинцев писал:

Необходимо помнить, что на международной арене мы имеем и долго будем иметь таких опытных врагов рабочего класса, как католичество, протестантизм, всевозможные виды рафинированной и «научной поповщины», пытающейся поддержать и использовать в целях борьбы с СССР «наших» церковников и сектантов.

Собственно, квакеры отлично подпадали под вышеприведенное описание врагов: это были протестанты, которые не делали секрета из своих контактов с толстовцами и другими сектантами. Но борьбу с СССР квакеры точно не считали своей целью, хотя путинцевы и прочие воинствующие атеисты в мирные намерения Друзей никогда бы не поверили. Собственно, и толстовцы коммуны «Жизнь и Труд», основанной в декабре 1921 года, к 1931 году были вынуждены переселиться в Сибирь. К 1936 году лидеры коммуны были арестованы, в 1937-м и 1938-м аресты членов коммуны продолжились. К январю 1939-го с этими толстовцами было покончено: оставшиеся на свободе вступили в колхоз.

На фоне развернувшейся в СССР антирелигиозной пропаганды ухудшалась экономическая и политическая обстановка: за десять лет все стало только хуже. Об этом писала в письме Кларенсу Пикетту в 1933 году уже находившаяся в США бывшая сотрудница квакерской миссии, русская дворянка Надежда (Надя) Данилевская:

В первые годы после революции я верила, что жестокость советских властей связана с военным временем, с тем, что они опасаются своих внутренних и внешних врагов и что все это прекратится, как только власть их станет сильной. Поэтому я была совершенно убеждена в том, что лучше всего для страны будет, если удастся создать сильную власть, и верила, что долгом каждого из нас было — внести свой посильный вклад в работу на эту власть — и делать это настолько преданно, насколько позволяет нам наша совесть…

Но время шло, жестокость не исчезала, а усиливалась, советская власть укреплялась, а сталинская политика становилась все более очевидной — я стала понимать, что такой режим не может принести счастье нашему народу, или кому бы то ни было еще: люди не могут в такой обстановке стать счастливыми и свободными. Посмотрите на лозунг, который тиражируется на транспарантах и в прессе: «Кто не с нами, тот против нас, и он — наш враг. Мы должны безжалостно уничтожать наших врагов во имя Советской власти…» Вы понимаете, что значит быть «с ними»…

Считаете ли вы правильным способствовать укреплению такой власти? Я думаю, что Друзья должны только пытаться помочь страдающим людям в России, но не становиться «Друзьями Советской России», друзьями этой власти…

Гамалеевка. Американские квакеры среди деревенских жителей. Courtesy Friends Historical Library of Swarthmore College

Несложно предположить, что даже если бы каким-то чудом квакерский центр не был закрыт по решению советских властей в 1931 году, сотрудников этого офиса наверняка бы вскоре арестовали. Так что закрытие центра в Борисоглебском переулке предотвратило драму с арестами, неправедными судами и жертвами.

Глядя на историю взаимодействия квакеров с российскими властями из дня сегодняшнего, понимаешь, что Обществом Друзей было сделано великое дело. Ценой неимоверных усилий были спасены от смерти сотни тысяч простых людей. Доброта, честность, открытость и готовность помочь — эти черты английских и американских квакеров оставили след в душе каждого русского, кто общался с ними. Принцип «в каждом человеке есть что-то от Бога», которому квакеры следуют в своей повседневной жизни, оставил неизгладимый след в душе у тех, кто пересекался тогда с сотрудниками ОДК в Москве, Самаре и Самарской губернии. Традиционные для квакеров доброжелательность и открытость вкупе со стремлением помочь попавшим в беду людям находили отклик у приветливого

и добросердечного русского народа. Языковой барьер не мешал общению людей разных национальностей. То был уникальный пример народной дипломатии: русские крестьяне познакомились с американцами и англичанами, которые приехали с другого конца света, чтобы их спасти. Для американцев и англичан эти встречи тоже стали незабываемым опытом. Одна сотрудница Американского ОДК в Сорочинском так писала о вечернем чаепитии с танцами в «Коммунистическом клубе», где веселившихся американцев и русских «пронзал взглядом со стены Троцкий или сам мистер Карл Маркс»:

Коммунистический клуб не сильно отличается от любого иного клуба. Ну разве танцы поприличнее и одеты все очень просто. Какие же они приятные и общительные, эти русские, мало чем они отличаются от посетителей клубов в любых других местах. И нет большой разницы, танцуешь ли ты с кавалером, одетым в русскую рубаху, или с одетым в вечерний костюм. Похоже, я склоняюсь к мысли, что важно не то, кто и как правит, — важна душа человеческая.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ 60 ЛЕТ СПУСТЯ

После того как квакерский центр в Москве прекратил существование, в Советский Союз квакеры если и приезжали, то как частные лица, как туристы. Советский драматург, пятикратный лауреат Сталинской премии и политический деятель Александр Евдокимович Корнейчук, находившийся в 1951 году в Англии по приглашению квакерского Комитета по взаимоотношениям Запада и Востока, от имени советского Комитета мира пригласил квакерскую делегацию посетить Советский Союз. Вскоре исполнительный комитет квакеров, известный под названием Собрание страданий, получил письменное приглашение, подтверждавшее приглашение Корнейчука. Собрание — после тщательного рассмотрения — решило принять приглашение, и тогда же были выбраны семь квакеров для поездки в СССР. Членами делегации стали Лесли Меткаф, Джералд Бейли, Маргарет Бакхаус, Пол Кэдбери, Милдред Крик, Франк Эдмид и Катлин Лонсдейл.

Делегация отбыла из Лондона в июле 1951 года и пробыла в Советском Союзе две недели. Англичанам показали самые разные стороны жизни и труда в стране, как это умели делать советские чиновники. Иностранцы посетили школы и больницы, шахты и колхозы, исследовательские лаборатории и жилые дома, даже тюрьмы в Москве, Ленинграде и Киеве. Квакеры участвовали в конференции в Министерстве образования, встречались с Яковом Маликом, послом при ООН в ранге первого заместителя министра иностранных дел СССР. Состоялось несколько встреч с профсоюзами, учителями, университетскими профессорами, учеными и врачами. Квакеры нанесли визит в баптистский храм, где присутствовали на службе, съездили в Свято-Троицкий монастырь в Загорске, посетили семинарию, общались с патриархом, с митрополитом Николаем. По результатам поездки была издана книжка «Квакеры посещают Россию», где подробно, с фотографиями, достойными обложки журнала «Огонек», рассказывалось о поездке Друзей в Советский Союз.

Не секрет, что КГБ очень хорошо относился к иностранцам, которые были полезны тем, что участвовали в формировании благоприятного для Москвы общественного мнения. Как пишет в своей книге О. А. Гордиевский, их именовали «агентами — проводниками» советского влияния и тайными «осведомителями — проводниками» советского влияния. Бывший чекист поясняет, что эти люди, «скорее всего, в силу своих политических убеждений с симпатией относились к некоторым аспектам советского мировоззрения. Многие из них были самыми настоящими идеалистами, и большинство их „оказывали помощь“ Советскому Союзу непреднамеренно». Как пишет Гордиевский, «с присущим ей цинизмом Москва использовала каждого, кто по наивности соглашался дуть в ее дуду». И хотя Кэтлин Лонсдейл, британский ученый-кристаллограф, автор книги «Квакеры посещают Россию» писала в предисловии, что «Друзей, как и многих других, часто пытаются „использовать“, но даже будучи, быть может, идеалистами,

квакеры — не простофили», нет сомнений, что коммунисты хотели использовать английских визитеров в своих пропагандистских целях. Понимая это, Друзья рассматривали свой визит в СССР как жест доброй воли, как возможность показать простым людям, с которыми, как они надеялись, им доведется встретиться в Советском Союзе, что преграды для общения возведены политиками с обеих сторон, в то время как добрые взаимоотношения и прямые контакты важны для поддержания мира на земле.

В 1957 году группа молодых квакеров приняла участие в Международном фестивале молодежи и студентов в Москве. Были еще поездки квакеров в СССР, но все это были эпизодические контакты без каких-либо серьезных последствий.

И хотя во второй половине XX века Москва придавала исключительно большое значение массовому движению в поддержку мира, включая кампанию за ядерное разоружение, и делала все, что было в ее силах, чтобы использовать миротворцев и пацифистов в своих интересах, Кремль не заходил настолько далеко, чтобы допустить присутствие квакеров в СССР на постоянной основе.

И лишь М. С. Горбачев, пришедший в Кремль после череды престарелых генсеков, сделал возможными фундаментальные изменения в отношениях между Религиозным обществом Друзей и Россией.

В 1991 году советские власти дали добро на приезд официальных представителей Британских квакеров Росвиты и Питера Джарманов. Они жили и работали в стране два года. Практически одновременно с их приездом в Советский Союз прибыла квакерея Марджори Фаркухарсон, которая открыла официальный офис — представительство Amnesty International в Москве.

Продолжение истории взаимоотношений квакеров с россиянами изложено в воспоминаниях Питера Джармана и Марджори Фаркухарсон, и, хотя Джарманы и Марджори через какое-то время уехали, установленные ими связи не оборвались. На смену Джарманам в Москву прибыли Патриша Кокрелл и Крис Хантер. В конце 1990-х был создан квакерский центр, Дом Друзей в Москве, о чем мечтали Друзья в начале XX века.

История продолжается в наши дни.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СПИСОК КВАКЕРСКИХ СОТРУДНИКОВ, РАБОТАВШИХ В РОССИИ В 1916–1919 ГОДАХ

1. Anderson, Selina K. Андерсон Селина К.
2. Baker, Hinman J. Бейкер Хинман Дж.
3. Ball, Louisa Болл Луиза
4. Ball, Richard Болл Ричард
5. Babb, Nancy J. Бабб Нэнси
6. Barber, Margaret Барбер Маргарет
7. Barrow, Florence M. Барроу Флоренс М.
8. Boughton-Leigh, Edith M. Боутон-Ли Эдит
9. Bradbury, Emilie C. Бредбери Эмили
10. Bradley, Dr. Neville Брэдли Невил, д-р
11. Butt, Ellen Батт Эллен
12. Catchpool, E. St. John Качпул СинДжон
13. Colles, Charles Коллс Чарльз
14. Cox, Ethel Кокс Этель
15. Farbizeski, Amelia Фабиржевская Амелия
16. Fox, Dora E. Фокс Дора
17. Fox, Dr. J. Tylor Фокс Дж. Тейлор, д-р
18. Fox, Elsie L. (Mrs) Фокс Элси Л. (миссис)
19. Graveson, Bertha Грейвсон Берта
20. Haines, Anna J. Хейнс Анна Дж.
21. Heald, Thomas Dann Хелд Томас Данн
22. Jukova, K. Жукова Ксения
23. Keddie, Frank Кедди Франк
24. Kerr, Beatrice Керр Беатрис
25. Lewis, C. Gordon Льюис Си Гордон
26. Lindsay, Eleanor T. Линдсей Элеанор
27. Little, Wilfrid R. Литтл Вилфрид
28. Little, Elizabeth A. (Mrs) Литтл Элизабет А.
29. Manning, Dr Herbert C. Мэннинг Герберт
30. Munier, Louise Мунир Луиза

31. Pattison, Mary B. Паттисон Мэри Б.
32. Pearson, Dr George H. Пирсон Джордж, д-р
33. Rickman, Dr John Рикман Джон, д-р
34. Rickman, Lydia C (Mrs) Рикман (Льюис) Лидия
35. Rigg, Theodore Ригг Теодор
36. Tatlock, Robert R. Татлок Роберт Р.
37. Webster, Margaret A. Вебстер Маргарет А.
38. Welch, Gregory Уэлч Грегори
39. Wells, Anne R. Уэллс Анна Р.
40. White, Dorothy Уайт Дороти
41. White, Esther Уайт Эстер
42. Williams, E. Theodora Вильямс Теодора

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. СПИСОК КВАКЕРСКИХ СОТРУДНИКОВ, РАБОТАВШИХ В РОССИИ В 1920–1931 ГОДАХ

1. Albright, William A. Олбрайт Уильям
2. Amend, Katharine Аменд Катарина
3. Asche, Eric Аше Эрик
4. Balls, Beatrice Боллс Беатрис
5. Balls, Edward Kent Боллс Эдвард Кент
6. Barrow, Harrison Барроу Харрисон
7. Becker, Meta Бекер Мета
8. Blackburn, Willard Блакберн Уилард
9. Bliss, Elma Блисс Эмма
10. Borders, Karl Бордерс Карл
11. Branson, Julia Брансон Джулия
12. Brennah, Wolfe Бреннан Вольф
13. Brocklesby, Harold Броклсби Харолд
14. Brocklesby, John H. Броклсби Джон
15. Brown, Omar Браун Омар
16. Candler, Irene Muriel Кандлер Айрин Мюриэл
17. Carver, Wilhelmina Карвер Вильгельмина
18. Catford, Robert O. Катфорд Роберт О.
19. Christie, Ethel M. Кристи Этель М.
20 Churcher, Dora G. Черчер Дора Дж.
21. Clayton, Cuthbert Клейтон Катберт
22. Cleaver, Thomas Кливер Томас
23. Coldey, Henry Голди Генри
24. Colville, Elizabeth Колвилл Элизабет
25. Copeman, Tom Коупман Том
26. Danilevskaya, Nadya Данилевская Надежда Викторовна
27. Daunt, Dorothea O'Neil Доунт Доротея О'Нил
28. Davis, Alice Дэвис Алис
29. Dennithorne, John Деннитори Джон
30. Detzer, Dorothy Детцер Дороти

31. Dodd, Katherine Додд Катрин
32. Dunn, Robert Данн Роберт
33. Dunthorne, John Данторн Джон
34. Edelman, Louis Эдельман Луис
35. Elliott, Lucy Dr. Эллиотт Люси
36. Fawcett, Howard Фосетт Говард
37. Finch, Alfred Финч Алфред
38. Fox, Ralph Фокс Ралф
39. Gamble, Arthur Гамбл Артур
40. George, Floy Джордж Флой
41. Gillham, John H. Гиллэм Джон
42. Goldey, Henry Голди Генри
43. Greene, Ben Грин Бен
44. Gregory, Stanley C. Грегори Стэнли
45. Graff, Elfie Richards, Dr Графф Элфи Ричардс
46. Grundy, Alfreda E. Гранди Алфреда
47. Habegger, Joseph F. Хабеггер Джозеф
48. Harby, Edward W. Харби Эдвард
49. Heagney, Miss Хигни, мисс
50. Herkner, Anne Херкнер Анн
51. Hildren, Philip Хилдрен Филип
52. Hill, Nora Хилл Нора
53. Holmes, Ernest W. Холмс Эрнест
54. Horsnail, Henry Хорснейл Генри
55. Hurley, Beulah Харлей Бьюла
56. Kelsall, Jessie M. Келсалл Джесси
57. Kenworthy, Murray S. Кенуорти Мюррей
58. Kilbey, Ernest Килби Эрнест
59. Kilbey, Richard Килби Ричард
60. King, Winifred E. Кинг Винифред
61. Koff, Sidney Кофф Сидни
62. Krauss, Emma Краусс Эмма
63. Lampson, Lucy Лампсон Люси
64. Lampson, Myrle L. Лампсон Мирл

65. Lovejoy, Dr. Ловджой, врач
66. Lupo, Carl W., Dr. Люпо Карл
67. Lupton, Frank G. Люптон Франк
68. Macdonell, Archie Макдонелл Арчи
69. McConnell, Aida Макконелл Аида
70. McKay, Edith (Minnie) Маккей Эдит (Минни)
71. McKenzie, Melvill Маккензи Мелвилл
72. McRobie, Carrie Макроби Керри
73. Mildern, Philip M. Милдерн Филип
74. Morris, Edna W. Моррис Эдна
75. Morris, Harriret Моррис Гарриет
76. Morris, Homer L. Моррис Гомер
77. Morrish, Grace Морриш Грейс
78. Neale, Williamza de C. Нил Вильямца де
79. Nicholson, Edgar S., Mr. Николсон Эдгар С.
80. Nicholson, Elma R., Mrs. Николсон Элма
81. Norment, Caroline G. Нормент Каролайн
82. North, Dorothy Норт Дороти
83. Ostler, Gertrude A. Остлер Гертруда
84. Parris, Stanley C. Паррис Стенли
85. Paul, Parry H. Пол Перри
86. Payne, Muriel A. Пейн Мюриэл
87. Pennington, Ruth V. Пеннингтон Рут
88. Perry, Edgar J. Перри Эдгар
89. Phillips, Mabelle C., Miss Филлипс Мабель
90. Pickering, Hannah Пикеринг Ханна
91. Pyott, Keith Пийотт Кит
92. Rackstraw, Marjorie Рокстроу Марджори
93. Ray, Winifred M. Рей Винифред
94. Read, Tom Рид Том
95. Roberts, Betty Робертс Бетти
96. Robinson, Rosemary Робинсон Розмари
97. Rogers, Margaret G. Роджерс Маргарет
98. Rowntree, Earnest Раунтри Эрнест

99. Sacker, Margaret Сакер Маргарет
100. Schor, Pauline Шор Полин
101. Shapleigh, Elisabeth R. Шапли Элизабет
102. Sharp, Evelyn Шарп Эвелин
103. Shrimpton, Lilian Шримптон Лилиан
104. Sidney, Alex Сидней Алекс
105. Simmonds, Emily L. Симмондс Эмили
106. Smaltz, Alfred G. Смальц Алфред
107. Smaltz, Geo (Heine?) Смальц Джио
108. Smith, Jessica G. Смит Джессика
109. Spalding, Kate Спалдинг Кейт
110. Spiekman, Janet Спикман Джанет
111. Stevens, Harry Стивенс Гарри
112. Strong, Anna Louise Стронг Анна Луиз
113. Stout, Ruth Стаут Рут
114. Swithinbank, Gertrude Свизибанк Гертруда
115. Sydney, Alex Сидней Алекс
116. Thompson, Rebecca Томпсон Ребекка
117. Thorp, Margaret Sturge Торп Маргарет Стордж
118. Tillard, Violet Тиллард Виолет
119. Timbres, Harry G. Тимбрес Гарри
120. Timbres, Rebecca Janney Тимбрес Ребекка Джани
121. Tritton, Fred Триттон Фред
122. Vail, Edwin H. Вейл Эдвин
123. Wadsworth, Kathleen Уодсворт Кетлин
124. Walker, Sydnor H. Уолкер Сиднор
125. Watts, Arthur Уоттс Артур
126. Watts, Frank Уоттс Фрэнк
127. West, Miriam E. Вест Мириам
128. Wetherald, Samuel Везералд Самьюэл
129. Wetherall, Alfred E. Везералд Алфред
130. Wheeldon, William M. Уилдон Уильям
131. White, Dorice L. Уайт Дорис Л.
132. White, Godfrey Уайт Годфри

133. Whitson, Esther M. Уитсон Эстер
134. Wicksteed, Alexander Уикстид Александр
135. Wigham, J. C. Уигам Дж.
136. Wildman, Walter E. Вилдман Уолтер
137. Wilson, Francesca M. Уилсон Франческа
138. Wiltshire, Harry Уилтшир Гарри
139. Wood, Laura Leonora Вуд Лора Леонор
140. Yates, Florence A. Йейтс Флоренс
141. Yorkston, Wilhelmina Йоркстон Вильгельмина
142. Young, Cornelia Янг Корнелия

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор хотел бы выразить благодарность Биллу Чадкирку, который первым поведал мне о квакерах в Бузулуке, американскому историку Дэвиду Макфаддену, с которым мы провели много часов в архивах и в разъездах в Бузулукском районе. Андрей Митин и Надежда Федотова, исследователи истории Бузулукского уезда, передали мне множество интересных документов. Бузулучане Сергей Колычев и Анна Мельникова помогали советами и информацией. Историк Дмитрий Шабельников находил для меня уникальную информацию. Британская исследовательница истории квакерских семей Рос Батчелор дала много важных подсказок, англичанка Мег Хилл поделилась воспоминаниями о своем предке, работавшем в Бузулуке. Квакерское собрание Дизли помогло с приобретением нужной литературы, а Историческое общество Друзей своим грантом помогло мне поработать в квакерском архиве Лондона. Английский социолог Люк Келли поделился со мной многочисленными документами, как и Питер Джарман, чьи воспоминания помогли мне в исследовании. Москвич Сергей Грушко проделал колоссальную работу для меня в ГАРФ, а Михаил Александрович Федотов любезно согласился представить меня Ирине Дмитриевне Прохоровой.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев В. В. Земля Борская. Вехи истории. Самара, 2016.

Гордиевский О. А. Следующая остановка — расстрел. М., 1999.

Кнурова В. А. Голод 1921–22 гг. в Нижнем Поволжье глазами очевидцев // Гуманитарий. Сборник научных трудов. М.: МПГУ, 2006. Вып. VIII.

Кнурова В. А. Деятельность американской администрации помощи по ликвидации голода 1921–1922 гг. в Нижнем Поволжье // Вестник Астраханского государственного технического университета. Астрахань, 2006. № 6 (35).

Кристкалн А. М. Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы. Автореф. дис. по истории, специальность ВАК РФ 07.00.02. 1997.

Латыпов Р. А. Американская помощь Советской России в период голода 1921–1923 годов // Вестник Института Кеннана в России. 2005. Вып. 8. С. 35–42.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 75, 312–313.

Лонг Д. Поволжские немцы и голод в начале 20-х годов // История России: Диалог российских и американских историков. Саратов, 1994.

Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. 329 с.

Пайпс Р. «Русская революция». В 3 кн. Кн. 3. Россия под большевиками 1918–1924. М., 2005. С. 254–258.

Поляков В. А. Российская общественность и иностранная помощь голодающим в 1921 г. // Вопросы истории. 2009. № 12. С. 3–23.

Поляков В. А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. М., 2007. 735 с.

Помогалова О. И. Масштабы и причины голода 1921 года в Поволжье в западной историографии // Известия Саратовского университета. 2011. № 11. С. 71–73.

Редькина О. Ю. Религиозные организации и голод в Царицынской губернии 1921–1922 гг. (по материалам местной периодической печати) // Мир Православия. Вып. 3. 2000.

Синельников А. Т. Это мой город. Сорочинск, 1996.

Советско-Американские отношения. Годы непризнания 1927–1933. М., 2002.

Ужасы Голода в Самарской губернии. (Новогодний номер «Известий Самарского Губсоюза»). Самара, 1922.

Цихелашвили Н. Ш. Американская помощь народам России в начале 1920-х гг. XX века. Дис. … канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2008.

Barnes G. A. A Centennial History of the American Friends Service Committee. Philadelphia, PA: Friends Press, 2016.

Borders K. Village Life Under The Soviets. Blockbuster Pub Co Llc, 1970.

Catchpool E. St John. Candles In The Darkness. The Bannisdale Press, 1966.

Fox R. People of the Steppes. London: Constable, 1925.

Fry A. R. A Quaker Adventure. The Story of Nine Years' Relief and Reconciliation. 1926.

Fry A. R. Three Visits to Russia. 1922–1925. London: James Clark, 1942.

Greenwood J. O. Quaker encounters. Vol. 1. Friends and Relief. York, 1975.

Haines A. Health Work in Soviet Russia. New York: Vanguard Press, 1928.

Hamilton A. Exploring the Dangerous Trades. The Autobiography of Alice Hamilton. M.D., 1943.

Kelly L. British Humanitarian Activity in Russia. 1890–1923. Palgrave Macmillan Ltd., 2017.

Kirkby J. The Two Oceans. The Dark and the Light. York, 2001.

Lonsdale K. Quakers Visit Russia. London, 1952.

Macfadyen D. MB ChB (Glasg), MSc (London). The Genealogy of WHO and UNICEF and the Intersecting Careers of Melville Mackenzie (1889–1972) and Ludwik Rajchman (1881–1965). FRCP Edin. 2014.

McFadden D., Gorfinkel C. Constructive Spirit. Quakers in Revolutionary Russia / Overview S. Nikitin. Pasadena, 2004.

Mickenberg J. L. American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream. University of Chicago Press.

Oelschlegel Z. Bolshevism And Christianity: The American Friends Service Committee In Russia (1919–1933). A Thesis Submitted to the Temple University Graduate Board, 2012.

Patenaude B. M. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford University Press, 2002.

Payne M. A. Plague, pestilence and famine. London: Nisbet & Co. Ltd. [1923].

Scott R. C. Quakers in Russia. 1964.

Strong A. L. The Unchanging Russia. FWVRC, 1918.

Tritton F. J. Carl Heath, apostle of peace. London: Friends Home Service Committee, 1951.

Weisbord M. R. Some Form of Peace. New York: Viking Adult, 1968.

White L. D. Ten Years in Soviet Russia. Russian Affairs Cmt of the Friends Service Council. April 1933.

Wicksteed A. Life Under The Soviets. London: Bodley Head Limited, 1929.

AFSC Papers and Reports relating to the 1921–1925. Relief Unit. USA.

Friends House London. Society of Friends Library archives. UK.

1

Kelly L. British Humanitarian Activity in Russia. 1890–1923. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 2.

2

Впрочем, как отмечает Люк Келли, английская благотворительная миссия в России также не была лишена определенных амбиций по либерализации политической системы в России, хотя британское квакерское Общество друзей, в отличие от Общества друзей русской свободы, не делало политических заявлений.

3

Островский А. В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2013. С. 101.

4

Сельскохозяйственные орудия и машины в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913.

5

Земледельческая газета. 1915. № 13. С. 354.

6

Короленко В. Г. В голодный год. Наблюдения и заметки из дневника // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. М., 1955.

7

Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. С. 5–9.

8

Понарин П. В. Земская реакция на голод 1891–1892 гг. в Российской империи (на примере Тульской губернии) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 6. С. 70–81.

9

Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие… С. 81–82.

10

Ламздорф В. Н. Дневник. 1891–1892. М.; Л., 1934. С. 195.

11

Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие… С. 85.

12

Панкратов А. С. Без хлеба. Очерки русского бедствия. Голод 1898 г. и 1911–1912 гг. М., 1913. С. 61.

13

Там же. С. 63.

14

Там же. С. 55.

15

Оболенский В. А. Моя жизнь. С. 104.

16

Водовозов В. В. Мое знакомство с Лениным // На чужой стороне. Прага. 1925. № 12. С. 177.

17

Оболенский В. А. Моя жизнь. С. 109–111.

18

Фортунатов Н. М., Уртминцева М. Г. Русская литература последней трети XIX века: Учебник для СПО. М., 2019. С. 297.

19

Оболенский В. А. Моя жизнь. С. 118.

20

Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22 т. Т. 13. С. 181.

21

Впрочем, поэт-лирик А. А. Фет считал голод следствием «обычного пьяного разгула».

22

Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие… С. 89.

23

Оболенский В. А. Моя жизнь. С. 103.

24

Ламздорф В. Н. Дневник… С. 253.

25

Панкратов А. С. Без хлеба… С. 23, 28.

26

Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22 т. Т. 13. С. 183.

27

Оболенский В. А. Моя жизнь… С. 107.

28

Измайлов А. Железные дороги в неурожай 1891 г. СПб., 1895. С. 14.

29

Там же. С. 20.

30

Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. С. 3–4.

31

Ламздорф В. Н. Дневник… С. 148.

32

Гражданин. 1892. 1 января.

33

Ламздорф В. Н. Дневник… С. 230.

34

Оболенский В. А. Моя жизнь… С. 104.

35

Ламздорф В. Н. Дневник… С. 261.

36

Kelly L. British Humanitarian Activity in Russia… P. 66.

37

Правительственный вестник. 1891. 23 ноября.

38

Ламздорф В. Н. Дневник… С. 207–208.

39

Там же. С. 210.

40

РГИА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 11. Л. 57 об.

41

Гражданин. 1892. 24 января.

42

Ламздорф В. Н. Дневник… С. 254.

43

Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие… С. 90.

44

Панкратов А. С. Без хлеба… С. 9.

45

РГИА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 11. Л. 64 об., 68.

46

Нечипорук Д. М. Освещение голода в России 1891–1892 гг. на страницах газеты «Free Russia» // Клио. 2005. № 3 (30). С. 70–73.

47

Free Russia. American Edition. 1892. Vol. 2. № 1. P. 4.

48

Ibid. № 5. P. 5.

49

Kelly L. British Humanitarian Activity in Russia… P. 53–54.

50

Ibid. P. 64.

51

Ламздорф В. Н. Дневник… С. 202.

52

Цит. по: *Журавлева В. И.* «Это вопрос не политики, это вопрос гуманности». Документы о помощи американского народа во время голода в России 1891–1892 гг. http://istmat.info/node/45572.

53

Там же.

54

Robbins R. G. Famine in Russia, 1891–1892. Columbia University Press, 1975.

55

РГИА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 11. Л. 71.

56

Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел Российской империи за 1881 г. СПб., 1881.

57

Васильев К. Г., Сигал А. Е. История эпидемий в России (Материалы и очерки). М., 1960. С. 270.

58

Составлено по: *Васильев К. Г., Сигал А. Е.* История эпидемий в России. С. 323–324.

59

Шингарев А. И. Вымирающая деревня. Изд. 2-е. СПб., 1907.

60

Данилов В. П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конференции. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23.

61

Цит. по: *Данилов В. П.* Крестьянская революция в России…

62

Matsuzato K. The Fate of Agronomists in Russia: Their Quantitative Dynamics from 1911 to 1916 // The Russian Review. Vol. 55. 1996. April. P. 174–180.

63

Панкратов А. С. Без хлеба… С. 72.

64

Панкратов А. С. Без хлеба… С. 72.

65

Там же. С. 84.

66

Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева. 1906–1922 гг. М., 1995. С. 85.

67

Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. С. 120.

68

Земледельческая газета. 1915. № 44. С. 1215.

69

Земледельческая газета. 1915. № 6. С. 169.

70

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1005. Л. 82.

71

Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М., 1956.

72

Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917/1916. М., 2008. С. 172.

73

Kelly L. British Humanitarian Activity in Russia, 1890–1923… P. 163; *Горбенко А. И.* Квакеры // Православная энциклопедия. http://www.pravenc.ru/text/1684005.html (дата обращения 28.04.2020).

74

Особые журналы Совета министров Российской империи. 1907–1917/1916. М., 2008. С. 43, 73.

75

Fry A. R. A Quaker Adventure: The Story of Nine Years' Relief and Reconstruction. London: Nisbet, 1927. P. 184.

76

Ригг Т. Хроника квакерского работника в России. 1916–1918. Часть 1. https://quakers.ru/хроника-1916-1918/.

77

Спиридович А. И. Великая война и февральская революция. 1914–1917. Кн. 2. Нью-Йорк, 1960. С. 230.

78

Ригг Т. Хроника квакерского работника в России. 1916–1918. Часть 1. https://quakers.ru/хроника-1916-1918/.

79

Половцов А. П. Дни затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцова в 1917 году). М., 1999. С. 33.

80

Аксенов В. Б. Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 года // Российская история. 2017. № 2. С. 17–32.

81

См.: *Есиков С. А.* Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010.

82

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

83

Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. С. 140.

84

Макфадден Д. От квакерского служения к квакерскому присутствию: квакеры в Советской России 1917–1927 гг. // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М., 1997. С. 285–300.

85

Назарова Т. П. «Общество Друзей» в Советской России (1920-е годы) // Вестник ВолГУ. 2010. Серия 9. Вып. 8. Ч. 2. С. 8–9.

86

Аксенов В. Б. Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны и революции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 1–2. С. 272–303.

87

См.: *Эткинд А.* Хлыст. Секты, литература и революция. М., 2019; *Слезкин Ю.* Дом правительства. Сага о русской революции. М., 2019.

88

Батченко В. С. Власть и вера. Антирелигиозная политика и ее восприятие населением Западной области. 1929–1934. М., 2019. С. 32.

89

Вестник духовных христиан — молокан. 1925. № 1–2.

90

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 231–232.

91

Цит. по: Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991. Документы и материалы. В 6 т. Т. 1. 1917–1924. В 4 кн. Кн. 3. М., 2018. С. 738.

92

Цит. по: Там же. С. 711.

93

Проскурина А. В. Сектантское движение в Псковской губернии в первой половине 1920-х гг. // Псков. 2006. № 25. С. 193.

94

Цит. по: *Батченко В. С.* Власть и вера. Антирелигиозная политика и ее восприятие населением Западной области, 1929–1934 гг. М., 2019. С. 256–257.

95

Квакерский комитет помощи жертвам войны (FWVRC) — подразделение британских квакеров, созданное для того, чтобы в годы войны оказывать помощь гражданскому населению. Комитет основан в 1870 году, после начала Франко-прусской войны, и затем заново сформирован в 1876 году для помощи Болгарии и в 1912 году на Балканах; вновь восстановлен в годы Первой мировой войны. В последний раз был возрожден в 1940 году; в 1941-м был переименован в Квакерскую службу помощи (Friends Relief Service).

96

Начальник Центрального управления коннозаводства и животноводства Наркомзема.

Сергей Никитин
Как квакеры спасали Россию
Редактор О. Ярикова
Дизайнер серии Д. Черногаев
Корректор С. Крючкова
Верстка Д. Макаровский

Адрес издательства:
123104, Москва, Тверской бульвар, 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlobooks.ru
сайт: [nlobooks.ru]

Присоединяйтесь к нам в социальных сетях:
[facebook.com/nlobooks]
[vk.com/nlobooks]
[twitter.com/idnlo]
Новое литературное обозрение